

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 1 9

№ 3
(45)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Булгаков О.М., доктор технических наук, профессор, первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России;

Арутюнов А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России

Вишневецкий К.В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Генрих Н.В., доктор юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия;

Данильян А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России

Денисенко В.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;

Дзидзоев Р.Х., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет;

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Иванцов С.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Игнатов А.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Карнаушенко Л.В., доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России;

Квашис В.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Ковтун О.А., кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL BOARD:

Bulgakov O.M., Doctor of Technics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Arutyunov A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Judicial and Forensic Medicine of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Vishnevetsky K.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Genrih N.V., Doctor of Law, Assistant Professor, North-Caucasus branch of the Russian State University of Justice;

Danilyan A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Denisenko V.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Dzidzoev R.H., Doctor of Law, Professor, the Kuban State University;

Zherebtsov A.N., Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Ivantsov S.V., Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ignatov A.N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Karnaushenko L.V., Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Kvashis V.E., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, National Research Institute of the Russian MIA;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kovtun O.A., Candidate of Law, Associate Professor, the Kuban State University;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Литвин Д.В., кандидат педагогических наук, доцент, Академия управления МВД России;

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Мещеряков В.А., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя избирательной комиссии Воронежской области;

Нарыков Н.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Ображиев К.В., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Самойлов С.Ф., доктор философских наук, профессор, начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

Труфанов М.Е., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Яблонский И.В., кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Chair of Economic Security Department, Audit and Controlling of Kosygin State University of Russia;

Litvin D.V., Candidate of Pedagogy, Assistant Professor, the Academy of Management of the Russian MIA;

Lozovsky D.N., Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mesheryakov V.A., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Electoral Commission of the Voronezh region;

Narykov N.V., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Nizhnik N.S., Doctor of Law, Professor, the Saint Petersburg University of the Russian MIA;

Obrazhiev K.V., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Russian Federation Prosecutor General's Office;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rudenko A.V., Doctor of Law, Assistant Professor, the Kuban State University;

Samoilov S.F., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Truphanov M.E., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Yablonsky I.V., Candidate of History, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Гриценко Т. В., Диденко Н.С. Актуальные проблемы предупреждения насильственной преступности в России

Просветов С.Ю., Кочкин А.А. Специфика применения методологии символического интеракционизма в криминологических исследованиях преступного поведения личности

Фишер Х., Сушина Т.Е. Особенности современной немецкой модели исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (на примере земли Бранденбург)

Каснова М.С. Проблема реализации мер раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в общеобразовательной среде

Дубницкая А.В. Влияние психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних как криминологическая проблема

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Башинская И.Г. Проблемы правовой интерпретации деятельности полиции в части рассмотрения заявлений и сообщений

Косенко А.М. Порядок и процессуальная форма истребования предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела

Николаева Н.А. Генезис запрета определенных действий в российском уголовном процессе

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Комаров И.М. Особенности первоначального этапа расследования фальшивомонетничества

Гусев А.В. Применение батиметрии в криминалистических целях

Отаров А.А. Исследование продуктов аддитивных технологий как перспективное направление совершенствования экспертных методик

Науменко О.А. Проблемы в расследовании уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной среды

Еремченко В.И. Перспективы использования современных инструментальных методов исследования в рамках производства судебно-медицинской экспертизы трупа

7 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

7 Gritsenko T.V., Didenko N.S. Current problems of prevention of forced crime in Russia

14 Prosvetov S.Yu., Kochkin A.A. Specificity of application of the methodology of symbolic interactionism in criminological studies of criminal behavior

19 Fischer H., Sushina T.E. Features of the modern German model of execution of criminal penalty by way of deprivation of liberty (by the example of Brandenburg province)

24 Kasnova M.S. The problem of implementing measures for the early detection of illicit consumption of narcotic drugs and psychotropic substances in the general educational environment

29 Dubnitskaya A.V. The influence of the mental violence in criminal and victim behavior of juveniles as a criminological problem

33 CRIMINAL PROCEDURE

33 Baishinskaya I.G. Problems of legal interpretation activities of the police in terms of consideration of statements and messages

38 Kosenko A.M. The procedure and procedural form of requesting items and documents at the stage of a criminal case initiation

44 Nikolaeva N.A. The genesis of the prohibition of certain acts in the Russian criminal process

48 CRIMINALISTICS, OPERATIVE- INVESTIGATIVE ACTIVITY

48 Komarov I.M. Features of the initial stage of the investigation of for counterfeiting

51 Gusev A.V. Application of bathymetry in the criminalistic purposes

55 Otarov A.A. Research of products of the additive technologies as perspective direction of perfecting of expert techniques

60 Naumenko O.A. Problems in the investigation of criminal cases of fraud committed using information and telecommunications environment

65 Eremchenko V.I. Prospects for the use of modern instrumental methods of research in the production of forensic examination of the corpse

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Зайцев Р.Я. К вопросу о применении сотрудниками полиции мер пресечения административных правонарушений, связанных с эксплуатацией, использованием и управлением транспортными средствами

Раевнюшкин А.В., Нагорный А.П., Попов А.Н. О совершенствовании осуществления личного досмотра сотрудниками полиции, обеспечивающими охрану общественного порядка в обычных условиях

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Котляр А.И. Некоторые аспекты судебной и административной работы, проводимой в системе МВД России, и ее взаимосвязь с другими направлениями деятельности подразделений правового обеспечения

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Пеструилов А.С. Обмен информацией как форма взаимодействия власти и общества

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Рыкова И.Ю. Внедрение инновационных педагогических технологий и методов в процесс профессионального обучения сотрудников МВД России

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Бокий А.Н. Актуальные вопросы применения табельного оружия сотрудниками полиции в условиях противостояния с правонарушителем

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Костюченко Н.И., Хенцинский Е.А., Семихов Д.А. Проблемы теории и практики управления социальными системами, связанные с определением понятия «дерево целей» (методологический аспект)

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ВОСПИТАНИЕ

Струганов С.М., Украинский С.В., Баркалов С.Н. Методика обучения бросковой технике курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России на занятиях по физической подготовке

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Котельникова Е.В. Фреймовое моделирование юридического англоязычного дискурса образовательной коммуникации

70 ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

70 **Zaitsev R. Ya.** To the question of the use by the police of measures to prevent administrative violations related to the operation, use and management of vehicles

75 **Ravnyushkin A. V., Nagorny A. P., Popov A. N.** On the improvement of the implementation of personal inspection by police officers, ensuring the protection of public order in normal conditions

82 LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY

82 **Kotlyar A. I.** Some aspects of the judicial and claim work carried out in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its relationship with other areas of legal support units

89 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

89 **Pestruilov A. S.** Information exchange as a form of government-society interaction

93 PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

93 **Rykova I. Yu.** Introduction of innovative pedagogical technologies and methods in the process of professional training of police officers

97 SPECIAL PREPARATION IN LAW-ENFORCEMENT BODIES

97 **Bokiy A. N.** Topical issues of the use of service weapons by police employees under conditions of confrontation with the offender

102 ADMINISTRATIVE ACTIVITY

102 **Kostyuchenko N. I., Khentsinsky E. A., Semikhov D. A.** Problems of the theory and practice of social system management related to the definition of «a tree of goals» (methodological aspect)

108 PHYSICAL CULTURE AND EDUCATION

108 **Struganov S. M., Ukrainskiy S. V., Barkalov S. N.** Technique of training of casting equipment educational organizations of the MIA of Russia on classes for physical training of cursors (listeners)

112 QUESTIONS OF PHILOLOGY

112 **Kotelnikova E. V.** Frame modeling of legal English discourse of educational communication

Серeda А.Ю. К вопросу развития речевых навыков у курсантов образовательных организаций МВД России

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

117 Sereda A.Yu. To an issue of development of speech skills at cadets of the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

121 TO CONSIDERATION OF AUTHORS

Гриценко Татьяна Викторовна
Диденко Николай Сергеевич

Актуальные проблемы предупреждения насильственной преступности в России

В статье анализируется современное криминологическое состояние насильственной преступности и основные направления ее предупреждения. Отмечается стабильное сокращение абсолютных показателей регистрации всех видов насильственных преступлений, происходящее на фоне неблагоприятных качественных трансформаций характеристик таких преступлений и лиц, их совершающих. Автор подвергает критике проведенную декриминализацию «домашних» побоев, ослабившую предупредительную работу, обосновывает необходимость возвращения уголовной ответственности за совершение таких деликтов. Предлагает включить принудительное лечение алкоголизма, наркомании, токсикомании в систему принудительных мер медицинского характера с целью повышения эффективности предупреждения насильственной преступности.

Ключевые слова: насильственная преступность, принудительные меры медицинского характера, психотерапия.

Current problems of prevention of forced crime in Russia

In article the current criminological state of violent crime and the main directions of its prevention is analyzed. The stable reduction of absolute measures of filing of all types of violent crimes happening against the background of adverse high-quality transformations of characteristics of such crimes and persons making them is noted. The author criticizes the carried-out decriminalization of a «house» beating which weakened preventive work, proves need of return of criminal liability for commission of such delicts. Suggests to include the compulsory treatment of an alcoholism, drug addiction, toxicomania in the system of the coercive measures of medical character for the purpose of increase in effectiveness of prevention of violent crime.

Key words: violent crime, compulsory medical measures, psychotherapy.

В качестве главных трендов развития насильственной преступности в России в течение последнего десятилетия можно выделить, с одной стороны, снижение ее абсолютных показателей, а с другой – трансформацию ее качественных характеристик под влиянием ряда социальных факторов.

Снижение количества зарегистрированных насильственных преступлений, отмечаемое в официальных источниках с 2007 г., продолжается. Анализ статистических данных Госкомстата и МВД России о числе убийств и покушений на убийство, совершенных в России в 2006–2018 гг., свидетельствует о стабильном снижении числа таких общественно опасных деяний. Так, в 2006 г. зарегистрировано 27,5 тыс. убийств и покушений на убийство, в 2007 г. – 22,2 тыс., в 2008 г. – 20,1 тыс., в 2009 г. – 17,7 тыс., в 2010 г. – 15,6 тыс., в 2011 г. – 14,3 тыс., в 2012 г. – 13,3 тыс., в 2013 г. – 12,4 тыс., в 2014 г. – 11,9 тыс., в 2015 г. – 11,5 тыс., в 2016 г. – 10,4 тыс., 2017 г. – 9736 преступлений, в 2018 г. – 8574 [1]. Следо-

вательно, в течение последних двенадцати лет количество убийств и покушений на убийство уменьшилось на 68,8%.

Отмечается также устойчивая тенденция сокращения числа умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (например, с 22834 в 2017 г. до 21609 в 2018 г.), изнасилований [2; 3]. Количество истязаний в 2006–2016 гг. сократилось с 6433 до 4145, побоев – с 105752 до 81646 случаев [4].

Отметим, что при оценке данных уголовной статистики необходимо учитывать латентные преступления, количество которых, согласно отдельным исследованиям, соответствует числу официально зарегистрированных противоправных деяний [5].

Так, официальные данные о количестве убийств не учитывают преступления, которые не были раскрыты и попали в статистику с иной предварительной квалификацией. По-прежнему остается значительным число лиц, пропавших без вести, за такими фактами тоже могут скрываться убийства [6, с. 68]. Традиционно высокой степенью латентности отличаются из-

насилования и иные сексуальные преступления, побои и истязания.

При этом проведенная в 2017 г. декриминализация так называемых бытовых побоев, совершенных впервые, только осложнила оценку реального состояния данного вида насильственной преступности. Более того, на фоне видимого (официального) сокращения показателей уголовно наказуемых побоев отмечается рост числа побоев, совершенных впервые по бытовым мотивам, за которые с 3 июля 2016 г. предусмотрена только административная ответственность. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 г. 16,2 тыс. человек были привлечены к уголовной ответственности за нанесение побоев, а всего за 5 месяцев 2017 г. 51 тыс. человек подверглась административному наказанию, по сути, за аналогичные деяния. Безусловно, такой рост (не менее чем в пять раз) связан с упрощившимся, административным, порядком привлечения виновных лиц к ответственности, что дает основания подвергнуть критике проведенную декриминализацию домашних побоев, ослабившую предупредительную работу. Данные вопросы являются предметом обсуждения ученых и специалистов-практиков, которые говорят о необходимости возвращения в норму о «домашних» побоях уголовной ответственности.

Такую позицию, например, занимают: Уполномоченный по правам человека Московской области Е. Семенова, заместитель начальника Управления защиты прав человека в уголовном судопроизводстве аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. Немченков, директор Кризисного центра помощи женщинам и детям Н. Завьялова и др. [7]. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин, который изначально выступал против декриминализации бытовых побоев, на заседании Коллегии ведомства заявил, что, исключив «эту тему из уголовного законодательства... мы уже начинаем насилие... Мы задушили уличную преступность против детей. Мы поборолы, маньяков на улице уже нет, но они переместились в семьи, причем в приемные семьи» [8]. Особую значимость данное высказывание приобретает в контексте реализации мер социальной поддержки семей с детьми, в том числе приемными, предложенных Президентом России В.В. Путиным [9]. Необходимо учитывать, во-первых, возможные злоупотребления со стороны недобросовестных родителей, осо-

бенно приемных, а во-вторых, выводы компетентных социологов-демографов о том, что материальное стимулирование рождаемости в основном находит отклик у маргинальных слоев населения и оказывается недостаточной мотивацией для среднего класса [10]. В связи с этим ослабление противодействия насильственным преступлениям небольшой тяжести может привести к увеличению внутрисемейных насильственных преступлений: процессы маргинализации общества влекут воспроизводство преступности.

Известно, что наказание за насильственные преступления небольшой тяжести является достаточно мягким, что обуславливает рост тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, а лица, в отношении которых не применяются меры исправления со стороны государства, как правило, совершают более тяжкие преступления.

Д.А. Бражников, О.Р. Афанасьева, В.И. Коваленко, С.В. Маликов среди опасных трендов, оказывающих влияние на состояние современной насильственной преступности, отмечают процессы алкоголизации, наркотизации, бытового пьянства, домашнего насилия, маргинализации населения, ужесточения и увеличения случаев агрессивных столкновений в подростковой среде [6, с. 69]. Ученые отмечают, что 62,3% всех регистрируемых убийств и 64% фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью происходят в жилом секторе. При этом более половины лиц, совершивших указанные преступления (51%), находились в состоянии алкогольного опьянения, 60% – ранее уже совершали противоправные деяния [11, с. 57–79].

Вышеизложенное указывает на то, что насильственные преступления возникают вследствие семейно-бытовых конфликтов, злоупотребления спиртными напитками, наркотическими и иными психоактивными веществами и требуют комплексного подхода к их профилактике.

Начать необходимо с восстановления уголовной ответственности за бытовые побои. Данную разновидность уголовно наказуемых побоев, а также умышленное причинение легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 115 УК РФ) следует отнести к категории уголовных дел частного-публичного обвинения, поскольку, когда они считались делами частного обвинения, наряду с истязанием, приговоры по ним выносились не чаще, чем

один на десять уголовных дел, остальные девять заканчивались примирением сторон [11, с. 106]. В этих случаях виновные лица уходили от уголовной ответственности и, чувствуя свою безнаказанность, вновь совершали преступления.

Весомым аргументом, подтверждающим необходимость «обратной» криминализации «домашних» побоев, является то, что, в соответствии со ст. 2 УК РФ, только совершение преступления выступает основанием для применения иных мер уголовно-правового характера, в том числе принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ). Следовательно, только в случае установления уголовной ответственности за бытовые побои, при наличии оснований и судебного решения ПММХ могут быть применены.

Среди лиц, совершающих преступления насильственной направленности, высок процент имеющих психические расстройства, а также различные формы девиаций и психических аномалий. Д.А. Бражников, например, указывает, что в 2016 г. на профилактических учетах в органах внутренних дел состояли 109474 лица, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих [6, с. 70].

Судебные эксперты-психиатры Ростовского психоневрологического диспансера в ходе опроса согласились с тем, что в формировании личности особо жестокого преступника психические аномалии, не исключающие вменяемости, играют роль условий: утвердительно на соответствующий вопрос ответили 97% респондентов [12]. Среди индивидуальных психологических особенностей насильственных преступников, влияющих на их преступное поведение, судебные эксперты выделяют следующие: высокий уровень тревожности, снижение порогов возбудимости, повышенную чувствительность в межличностных отношениях, импульсивность, влечение к острым аффективным переживаниям, эмоциональную неустойчивость, грубость и холодность, превышающий норму уровень агрессивности, высокий уровень враждебных чувств (зависть, раздражительность, подозрительность), склонность к деструктивным способам выхода из конфликта и пр. Данные особенности личности не являются психическими расстройствами и, соответственно, основаниями назначения ПММХ. В то же время переоценить роль и движущую силу выделяемых свойств личности в механиз-

ме совершения насильственных посягательств вряд ли возможно. Воздействие на них способно оказывать двойной предупредительный эффект, поскольку, применяясь в рамках реализации уголовной ответственности за совершение менее тяжкого насильственного преступления, оно препятствует совершению новых, как правило, более тяжких, насильственных преступлений.

В связи с этим настаиваем на необходимости расширении перечня ПММХ, указанного в ч. 1 ст. 99 УК РФ, посредством включения в него психотерапии, представляющей собой комплекс медико-психологических коррекционных мероприятий, применяемых в отношении лиц, совершивших насильственное преступление и склонных к новым эпизодам насильственного поведения согласно заключению судебной психолого-психиатрической экспертизы. Выявленное преступное насильственное поведение таких лиц должно быть детерминировано особенностями психического состояния (статуса), которые устанавливаются в ходе судебной психолого-психиатрической экспертизы. Обязательный курс психотерапии как разновидность ПММХ может быть назначен при отсутствии оснований для иных мер медицинского характера, назначаемых принудительно, не связан с юридическим установлением у субъекта общественно опасного поведения, состояний невменяемости и ограниченной вменяемости. Психотерапия может применяться по решению суда, наряду с назначением наказания или освобождением от него, к осужденному (в принудительном порядке) и потерпевшему (по его желанию), иметь групповой характер.

Законодательство о психотерапевтической помощи в России находится в стадии формирования. До сих пор не принят закон о психотерапии. Проекты таких законов подготовлены Российской психотерапевтической ассоциацией (далее – РПА) и Профессиональной психотерапевтической лигой (далее – ППЛ). Принципиальная разница подходов к правовому регулированию психотерапевтической деятельности у этих организаций заключается в определении границ профессии психотерапевта и его прав. Первый из указанных законопроектов отличается широким взглядом на определение психотерапии, поскольку объединяет в этом понятии медицинские, психологические, педагогические, социальные и философские компоненты [3]. Во втором законопроекте психотерапия рассматривается исключительно в

рамках медицинской сферы – как медицинская практика. Заниматься психотерапией может только врач-психотерапевт, клинический психолог-психотерапевт, психотерапевт – специалист по социальной работе [14]. На наш взгляд, второй законопроект является наиболее перспективным в свете сложившихся подходов к определению психотерапевтической деятельности и существующего нормативного ее регулирования.

Так, под психотерапией принято понимать систему лечебного воздействия на психику и через нее на организм человека. В соответствии с приказом Минздрава РФ от 16 сентября 2003 г. № 438 «О психотерапевтической помощи» данный вид помощи предусматривает лечение лиц с непсихотическими психическими расстройствами, расстройствами адаптации, психическими заболеваниями в стадии ремиссии [15]. Такое лечение может проводиться в том числе с использованием медикаментозных средств лечения. Право оказывать психотерапевтическую помощь имеет только врач-психиатр, стаж работы которого по своей специализации составляет не менее 3-х лет, прошедший переподготовку по психотерапии. Участвовать в оказании психотерапевтической помощи может медицинский психолог и социальный работник.

В Номенклатуре медицинских услуг, утвержденной приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 13 октября 2017 г. № 804н, в разделе А, под номером 13 указана медицинская услуга «исследования и воздействия на сознание и психическую сферу». Психотерапия указана в числе медицинских специальностей в разделе 5.2 «Классы раздела В» под номером 034 [16]. В соответствии с ранее действовавшей Номенклатурой медицинских услуг психотерапия (код 034) представляла собой комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение [17].

Вышеизложенное позволяет делать вывод о том, что психотерапия возникла и развивается именно в области медицины и, по сути, представляет собой комплекс медицинских услуг, оказываемых врачом-психотерапевтом. Она может рассматриваться как разновидность ПММХ.

Суть предлагаемой психотерапии заключается в профессиональной медицинской помощи, оказываемой психотерапевтом, направ-

ленной на изменение мышления и поведения лица, совершившего насильственное преступление, таким образом, чтобы в будущем оно не совершало насилия. Прохождение курса психотерапии не должно связываться с наличием у лица психического заболевания.

Применение принудительных мер медицинского характера, уже закрепленных в гл.15 УК РФ, возможно: в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости либо ограниченной вменяемости; лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания; вменяемых лиц старше 18 лет, совершивших преступление против половой неприкосновенности лица, не достигшего 14 лет, при этом страдающих педофилией. Цель существующих принудительных мер медицинского характера – излечение психических заболеваний и предупреждение совершения новых преступлений. Психотерапия, назначаемая принудительно, направлена на недопущение усугубления психического состояния лица, обуславливающего его преступное поведение, «перерастания» особенностей психического статуса в диагностируемое психическое заболевание, а также предупреждение совершения новых насильственных преступлений.

Таким образом, правовой коллизии при определении конкретного вида ПММХ при разграничении психотерапии и иных ПММХ не возникает.

Прохождение курса психотерапии возможно на базе специализированных психоневрологических государственных медучреждений, в штат которых включены психотерапевты или в структуре которых имеются психотерапевтические отделения (например, в областных, городских психоневрологических диспансерах).

Следующим, но не менее значимым и обсуждаемым в научных кругах, направлением специальной профилактики насильственных преступлений является вопрос о целесообразности возрождения нормы о принудительном лечении лиц, совершивших преступление и страдающих алкогольной, наркотической или токсической зависимостью. Связь насильственных преступлений с нахождением лиц, их совершающих, в измененном состоянии психики, вызванном приемом алкоголя и психоактивных веществ, очевидна и доказана. Анализ комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, содержащихся в материалах

уголовных дел о насильственных преступлениях небольшой и средней тяжести (побоях, истязаниях, умышленных причинениях легкого вреда здоровью, жестоком обращении с несовершеннолетним, жестоком обращении с животными), показал, что лица, совершившие такие преступления, в 70% случаев злоупотребляли спиртными напитками в период, предшествующий совершению деликта, 83% находились в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступления. По другим данным, к концу 2016 г. в России на учетах в медицинских организациях как представляющие опасность состояли 107356 лиц, больных алкоголизмом, и 71803 лица, страдающих от наркотической зависимости. Каждое третье преступление в России совершено лицом, находящимся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения [6, с. 70].

В связи с этим вновь возникает вопрос о необходимости пересмотра существующей системы ПММХ. Весьма диссонансно выглядит позиция законодателя, отказавшегося от принудительного лечения от алкоголизма, наркомании в числе иных ПММХ ст. 97 УК РФ. При этом суд может возложить на условно осужденных лиц обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании и токсикомании (ч. 5 ст. 73 УК РФ), а на лиц, признанных больными наркоманией, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы (кроме принудительных работ), – обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ).

Представляется, такой подход обусловлен не вполне убедительным предположением о том, что в условиях лишения свободы и недоступности алкоголя, наркотических, психоактивных веществ указанные формы зависимого состояния «излечатся» сами собой. Во многом он связан с экономией финансовых средств, необходимых для организации принудительного лечения.

В.М. Степашин подверг критике указанные формы принудительного лечения алкоголизма, наркомании и токсикомании, отметив неясность их правовой природы, крайне ограниченную сферу применимости в отношении весьма узкого круга осужденных, коллизии их правового регулирования, настоятельно указывая на необходимость возвращения ранее существовавшей ПММХ – принудительного лечения алкоголизма и наркомании [18]. Полагаем, что реанимация нормы, предусматривающей

принудительное лечение алкоголизма и наркомании, в качестве ПММХ в условиях современной криминологической ситуации необходима, поскольку имеет мощный потенциал в предупреждении насильственных преступлений.

С учетом вышеизложенного считаем необходимым внести поправки в нормы, устанавливающие основания назначения ПММХ, предусмотрев возможность их применения к лицам:

«совершившим преступление и страдающим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, если совершенное преступление причинно-следственно связано с данными психофизиологическими зависимостями» (таким образом следует изложить п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ);

п. «е» ч. 1 ст. 97 УК РФ дополнить фразой: «совершившим насильственное преступление и имеющим особенности психического статуса, заключающиеся в склонности к насильственным формам поведения, в силу которых они представляют опасность для себя и окружающих».

Перечень ПММХ считаем необходимым расширить посредством включения в него нового вида – принудительного курса психотерапии у врача-психотерапевта (п. «д» ч. 1 ст. 99 УК РФ).

Считаем, что предлагаемые нами дополнительные виды органично встраиваются в конструкцию института ПММХ, поскольку, по сути, являются так называемыми мерами безопасности, направленными на недопущение новых преступлений со стороны субъектов, имеющих психическое заболевание, психофизиологическую зависимость или особенности психического статуса, и вследствие этого повышенную предрасположенность к совершению новых уголовно наказуемых деликтов, способами лечения, а не формой реализации уголовной ответственности. Мощным превентивным потенциалом данные меры обладают в отношении насильственных преступлений, а корреляция их с соответствующим видом наказания способна наиболее эффективно воздействовать на виновных лиц.

С целью усиления противодействия насильственной преступности необходимо провести обратную криминализацию «домашних» побоев, а дела данной категории, равно как и об умышленных причинениях легкого вреда здоровью без квалифицирующих признаков, отнести к категории дел частного-публичного обвинения.

1. Статистика: преступность в России. URL: <https://ruxpert.ru/> (дата обращения: 10.06.2019).
2. Число убийств в России в 2018 г. снизилось почти на 13% по сравнению с прошлым годом. URL: <https://www.interfax.ru/russia/644047/> (дата обращения: 22.03.2019).
3. Эксперты объяснили, почему в России стало меньше изнасилований. URL: <https://dailyhype.ru/2018/11/14/eksperty-obyasnili-pochemu-v-rossii-stalo-menshe-iznasilovaniy.html> (дата обращения: 22.03.2019).
4. Варыгин А.Н., Матушкин П.А. Побой и истязания в структуре российской преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1.
5. Статистика преступности в России за последние годы. URL: <https://grazhdaninu.com/ugolovnoe-pravo/uroven-prestupnosti.html> (дата обращения: 25.02.2019).
6. Бражников Д.А., Афанасьева О.Р., Коваленко В.И., Маликов С.В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41).
7. Эксперты озвучили дикую статистику о семейном насилии. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/02/28/eksperty-ozvuchili-dikuyu-statistiku-o-semeynom-nasilii.html> (дата обращения: 22.03.2019).
8. «Маньяки переместились в семьи»: Баstryкин раскритиковал декриминализацию домашнего насилия. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/02/06/manyaki-peremestilis-v-semi-bastrykin-raskritikoval-dekriminalizaciyu-domashnego-nasiliya.html> (дата обращения: 20.03.2019).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февр. 2019 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (дата обращения: 18.03.2019).
10. Профессия – мать // Итоги. 2006. № 41(539)
11. Гриценко Т.В. Преступления, совершаемые с особой жестокостью, как объект криминологического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2016.
12. В период 2008–2016 гг. по специально разработанной анкете были опрошены 32 эксперта-психиатра Ростовского психоневрологического диспансера.
13. О психотерапии и специалистах, занимающихся психотерапевтической деятельностью. URL: <http://www.medpsy.ru/science/science149.php> (дата обращения: 15.02.2019).
1. Statistics: crime in Russia. URL: <https://ruxpert.ru/> (date of access: 10.06.2019).
2. The number of murders in Russia in 2018 decreased almost by 13% in comparison with last year. URL: <https://www.interfax.ru/russia/644047/> (date of access: 22.03.2019).
3. Experts explained why in Russia there were less rapes. URL: <https://dailyhype.ru/2018/11/14/eksperty-obyasnili-pochemu-v-rossii-stalo-menshe-iznasilovaniy.html> (date of access: 22.03.2019).
4. Varygin A.N., Matushkin P.A. A beating and tortures in structure of the Russian crime // Problem of law-enforcement activity. 2018. № 1.
5. Statistics of crime in Russia in recent years. URL: <https://grazhdaninu.com/ugolovnoe-pravo/uroven-prestupnosti.html> (date of access: 25.02.2019).
6. Brazhnikov D.A., Afanasyeva O.R., Kovalenko V.I., Malikov S.V. Criminal situation in the Russian Federation: state and trends // Jurisprudence and law-enforcement practice. 2017. № 3(41).
7. Experts read wild statistics about a spousal assault. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/02/28/eksperty-ozvuchili-dikuyu-statistiku-o-semeynom-nasilii.html> (date of access: 22.03.2019).
8. «Maniacs moved to families»: Bastrykin criticized decriminalization of domestic violence. URL: <https://www.mk.ru/politics/2018/02/06/manyaki-peremestilis-v-semi-bastrykin-raskritikoval-dekriminalizaciyu-domashnego-nasiliya.html> (date of access: 20.03.2019).
9. The president's letter of the Russian Federation to Federal Assembly from 20 Feb. 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/ (date of access: 18.03.2019).
10. A profession – mother // Results. 2006. № 41(539).
11. Gritsenko T.V. The crimes committed with special cruelty as an object of a criminological research: diss. ... Candidate of Law. Rostov-on-Don, 2016.
12. During 2008–2016 under specially developed questionnaire were interviewed 32 experts-psychiatrists of the Rostov psychoneurological clinic.
13. About psychotherapy and the experts who are engaged in psychotherapeutic activity. URL: <http://www.medpsy.ru/science/science149.php> (date of access: 15.02.2019).
14. About the psychotherapeutic help in the Russian Federation. URL: <https://oppl.ru/komitetyi/proekt-federalnogo-zakona-o->

14. О психотерапевтической помощи в Российской Федерации. URL: <https://oppl.ru/komitetyi/proekt-federalnogo-zakona-o-psihoterapevticheskoy-pomoschi-v-rf.html> (дата обращения: 15.02.2019).

15. О психотерапевтической помощи: приказ Минздрава РФ от 16 сент. 2003 г. № 438. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94742/ (дата обращения: 28.02.2019).

16. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 13 окт. 2017 г. № 804н. URL: <https://base.garant.ru/71805302/#friends> (дата обращения: 28.02.2019).

17. Об утверждении номенклатуры медицинских услуг: приказ Минздравсоцразвития РФ от 27 дек. 2011 г. № 1664н. URL: <https://base.garant.ru/70131938/> (дата обращения: 20.03.2019).

18. Степашин В.М. Лечение лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, как уголовно-правовая принудительная мера медицинского характера // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Право». 2014. № 2(39).

psihoterapevticheskoy-pomoschi-v-rf.html (date of access: 15.02.2019).

15. About the psychotherapeutic help: the order of the Russian Ministry of Health d.d. Sept. 16, 2003 № 438. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94742/ (date of access: 28.02.2019).

16. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation d.d. Oct. 13, 2017 № 804n. URL: <https://base.garant.ru/71805302/#friends> (date of access: 28.02.2019).

17. About the approval of the nomenclature of medical services: order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 2011 № 1664n. URL: <https://base.garant.ru/70131938/> (date of access: 20.03.2019).

18. Stepashin V.M. Treatment of the persons having alcoholism or drug addiction as a criminal enforcement power of medical character // Bull. of the Omsk University. Ser. «Law». 2014. № 2(39).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гриценко Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России; e-mail: kazmenkova78@mail.ru;

Диденко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России; тел.: +79281877699.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

T.V. Gritsenko, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kazmenkova78@mail.ru;

N.S. Didenko, Candidate of Law, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +79281877699.

Просветов Сергей Юрьевич
Кочкин Антон Андреевич

Специфика применения методологии символического интеракционизма в криминологических исследованиях преступного поведения личности

В статье определяется специфика применения методологии символического интеракционизма в исследованиях преступного поведения личности. Авторы приходят к выводу, что именно символический интеракционизм позволяет абстрагироваться исследователю поведения представителей криминальных субкультур от факторов и детерминантов и, используя интерпретацию на основе полученных данных о понятийно-категориальном аппарате, изучить ступени формирования личности преступника и выявить специфические ценности правонарушителей.

Ключевые слова: символический интеракционизм, криминологические исследования, преступная группа, криминальная субкультура, преступное поведение личности, методология.

Specificity of application of the methodology of symbolic interactionism in criminological studies of criminal behavior

In article the specifics of application of methodology of symbolical interactionism in researches of criminal behavior of the personality are defined. Authors come to a conclusion that symbolical interactionism allows to abstract to the researcher of behavior of members of criminal subcultures from factors and determinants and, using interpretation on the basis of the obtained data on the conceptual and categorial device, to study steps of formation of the identity of the criminal and to reveal specific values of offenders.

Key words: symbolic interactionism, criminological research, criminal group, criminal subculture, criminal behavior, methodology.

Детерминация преступного поведения личности выступает одним из пред-метов криминологического познания. Криминологическая наука стремится установить мотивы и закономерности преступного поведения для разработки и совершенствования системы профилактики преступности. Кроме того, исследования в области преступного поведения позволяют прогнозировать действия членов тех или иных криминальных субкультур, а следовательно, своевременно мобилизовать силы правоохранительных органов для пресечения преступлений и нейтрализации последствий противоправных действий. Для достижения вышеуказанной цели криминология использует методы, применение которых способствует выявлению причин и условий совершения преступлений, помогает зафиксировать их количество на определенной территории, установить гендерные и этнические особенности личности преступников, динамику развития преступности и т. д.

Модернизация культурной, научной и социальной сфер деятельности привела к тому, что

в социально-гуманитарных учениях появились новые направления, отличительной чертой которых является создание новой методологии исследования. Причем одна и та же методология может применяться в разных, но при этом смежных, областях познания. Например, феноменологический метод, разработанный немецким философом Э. Гуссерлем, активно применялся, помимо философии, в социологии и психологии.

В данном контексте важно отметить, что результаты исследования социологического знания использовались для развития теории и методологии криминологической науки [2, с. 8–12].

В связи с этим заслуживает внимания школа символического интеракционизма, сформировавшаяся в XX в. на базе Чикагского университета. Представители данного направления считали, что большинство социологических исследований (в том числе о преступности и криминальных социальных группах) не включает в составную часть исследования интерпретацию. Это, по мнению некоторых ученых [3], препятствует, с одной стороны, качествен-

ной репрезентации данных, анализу входных и выходных переменных, искажает значения некоторых явлений, на которые ссылаются и которые выступают неотъемлемой частью той или иной социальной группы. Учитывая методологическую значимость символического интеракционизма, считаем необходимым более подробно остановиться на главных принципах данной методологии и проанализировать возможные перспективы применения интеракционистского метода в криминологии.

Прежде чем говорить о методологических особенностях интеракционистской школы, необходимо дать определение термину «символический интеракционизм». Г. Блумер считал, что данное понятие является «варварским» [4], однако оно способно объединить несколько внешне расхожих, но близких по содержанию социологических концепций, представителями которых выступают: Дж.Г. Мид, Дж. Дьюи, У.А. Томас, Р.Э. Парк, У. Джеймс, Ч.Х. Кули, Ф. Знанецкий, Дж.М. Болдуин, Р. Рэдфилд и др. [5, с. 37]. Обращаясь к этимологии и семантике рассматриваемого термина, необходимо отметить, что слово «интеракционизм» (interaction) в переводе с английского означает «взаимодействие», а прилагательное «символический» прямо указывает на то, что в основе этого социологического направления лежит учение об интерпретации как неотъемлемом элементе социального познания.

В широком смысле символический интеракционизм можно рассматривать как направление в социологии, согласно которому важнейшим элементом любой науки занимающейся изучением человеческих взаимоотношений, выступает интерпретация, отражающая неоднозначность и динамический (изменчивый) характер значения вещей.

Сущность символического интеракционизма, по мнению Г. Блумера, заключается в трех основных принципах [3, с. 38–39]:

мир состоит из вещей: вещами является все то, на что может указать человек;

значение вещей возникает из социального взаимодействия;

значение вещей преобразуется в результате интерпретационного процесса.

Первый аспект говорит нам о том, что вещами являются не только предметы материального мира, но и все то, чем пользуется человек в процессе взаимодействия с иными членами общества, включая понятийно-категориальный аппарат [3]. Г. Блумер отмечает, что в зависимости от условий – конкретного исторического периода, области познания, в которой ис-

пользуется определенный термин или объект, социальной группы и субкультуры – значение вещи может меняться. Ученый отмечает: «Для современного астрофизика звезда в небе – совершенно иной объект, нежели для пастуха библейских времен; для поздних римлян брак был иным объектом, нежели для ранних римлян; президент государства, проявляющий недееспособность в критический период, может стать совсем другим объектом для граждан его страны» [3, с. 52].

В современной криминологической науке принято определять появление того или иного преступного феномена (например, такой относительной новой формы преступной деятельности, как преступления в сфере компьютерных технологий) через так называемые детерминанты (отсутствие рабочих мест, правовой нигилизм и т. п.). Такой подход позволяет говорить о том, что значение вещи может быть определено а priori воздействием каких-то условных факторов.

Однако Г. Блумер пишет, что «если те или иные виды поведения объявляются результатом факторов, которые предположительно их вызывают, интересоваться значением вещей, в отношении которых действуют люди, нет нужды... Позиция символического интеракционизма, напротив, состоит в том, что значения, которыми обладают вещи для людей, сами по себе играют центральную роль» [3, с. 39–40].

Автор говорит о том, что человек, являясь живым субъектом и действуя самостоятельно, создает для себя и других людей значения вещей. При этом значения тех или иных вещей не появляются только потому, что на них действует определенный внешний фактор. Например, человек, испытывая острую необходимость в денежных средствах, систематически совершает хищения, поскольку проживает в регионе, где отсутствуют рабочие места по его специальности. Конечно, существует большое количество некриминальных способов решения данного вопроса (переехать в другой регион, где есть рабочие места, переучиться либо устроиться на работу, на которой не требуются специальные познания), однако человек их игнорирует. Тогда что заставляет его совершать кражи и грабежи? Можно предположить, что само хищение или похищенная вещь для преступника имеет особое значение. Возможно, он и его соучастники считают унизительным покупать вещь, которую можно легко похитить из магазина, а, кроме того, это действие поднимет авторитет данного лица в кругу воров. Отметим, что описанный нами пример является

достаточно примитивным и значительно упрощает значение интеракционистского подхода, но он тем не менее иллюстрирует несовершенство определения преступного поведения личности через детерминанты.

Второй принцип, указанный Г. Блумером, говорит о том, что значение вещи не всегда исходит из самой вещи или является результатом психологических процессов: оно возникает в ходе взаимодействия между людьми. Автор разделяет действия людей на те, которые однозначно понимаются членами общества или социальной группы (например, рефлексорная защита боксера во время спарринга), и те, которые имеют символическое значение и требуют интерпретации. В качестве примера Г. Блумер рассматривает действия человека, застигнутого в момент ограбления, который на требования злоумышленника отвечает поднятием руки. Разбирая данную ситуацию, Г. Блумер выделяет несколько ключевых составляющих символического взаимодействия [3, с. 48]:

указание на то, что необходимо сделать человеку в ответ на «месседж» другого субъекта социальных взаимоотношений;

указание на то, что планирует сделать сам субъект, который своим действием призывает к определенному действию другого субъекта;

указание на совместный акт действий.

Заметим, что второй принцип символического интеракционизма Г. Блумера помогает достичь эффективной совместной (коллективной) деятельности.

Понимание необходимости коллективного действия реализуется в третьем принципе. Сущность его состоит в том, что люди, взаимодействуя друг с другом в социальной группе, создают для себя вещи (или указания), которые в процессе интерпретации, зачастую трансформируясь (меняется их значение), определяют модель поведения для всех членов группы или отдельного индивида, являющегося частью коллектива. Во-первых, это говорит о субъекте социальных взаимоотношений как о субъекте активном, у которого есть «Я», создающее указания (в том числе и для самого себя) и реагирующее на них. В связи с этим Г. Блумер отмечает: «Человек рассматривается как организм, не только реагирующий на других на символическом уровне, но и создающий указания для других и интерпретирующий их указания. Он может делать это, как убедительно показал Мид, только в силу обладания Я. Эта фраза не означает ничего эзотерического. Она означает лишь, что человек способен быть объектом своего собственного действия»

[3, с. 52]. Во-вторых, данный принцип отсекает различные «сенсебилизирующие понятия» [3, с. 223–240], определяющие как характеризовать действия человека (к таким, например, Блумер относит понятия «статус», «роль», «престиж», «установка» и т. п.).

Символический интеракционизм как методология познания ставит под сомнение главенствующие в настоящее время методы изучения социального взаимодействия. Отвергая детерминанты (факторы) в качестве объяснения причины совершения тех или иных поступков (в том числе и преступлений), Блумер призывает исследователей к изучению природы вещей определенного коллектива, которые, интерпретируясь в результате взаимодействия членов этой группы, побуждают их к конкретным действиям. Их причина может быть не совсем понятна исследователю, не знакомому со средой, в которой работает. Кроме того, метод символического интеракционизма «вплотную» приближает его к эмпирической реальности, что позволяет получить максимально репрезентативные данные об изучаемой группе и специфике взаимодействия ее членов, а также ответить на вопрос о том, почему та или иная вещь является ценной в конкретной социальной группе, а члены другой социальной группы относятся к ней абсолютно индифферентно или даже негативно (например, наркотические средства в криминальной субкультуре).

Американский социолог Г. Беккер считается одним из перспективных исследователей в области девиантного поведения. В своей работе «Аутсайдеры» он акцентирует внимание на нескольких девиантных группах: используя один и тот же метод, описывает карьеру (т. е. процесс, благодаря которому индивид становится членом девиантной группы) потребителя марихуаны и джазового музыканта.

В начале своей работы Г. Беккер рассматривает известные подходы к определению девиантного поведения и приходит к выводу, что наиболее верным является нормативный, однако данное суждение нуждается в некотором уточнении: «Общество состоит из множества групп, в каждой из которых есть свои правила, и люди одновременно принадлежат к разным группам. Человек может нарушать правила одной группы тем, что подчиняется правилам другой. Является ли он в таком случае девиантом? Я использую это выражение не в том смысле, в каком оно обычно понимается, а именно в смысле объяснения девиантности социальной ситуацией девианта или социальными факторами, которые толкают его к действию. Я скорее

имею в виду, что социальные группы создают девиантность, вырабатывая правила, в нарушении которых состоит девиантность...» [6, с. 28–29]. В связи с этим для получения более точных данных Г. Беккер старается работать в рамках так называемой теории наклеивания ярлыков (символический интеракционизм). Не являясь подлинным сторонником указанной теории, он понимает преимущества интеракционистского подхода и коррелирует его с традиционными социологическими методами (индуктивным анализом, включенным наблюдением и интервьюированием) [5].

Рассмотренный метод Г. Беккера помогает на примере потребителей марихуаны ответить на несколько вопросов, которые являются актуальными для исследования преступности и криминальных субкультур: почему некоторые люди систематически совершают поступки, выходящие за рамки установленных правоотношений? Каково значение вещей, исключенных из гражданского оборота, в девиантных группах?

Г. Беккер довольно подробно описал этапы карьеры наркомана, систематически потребляющего каннабис, особенности принятия нормативных правовых актов, ограничивающих (запрещающих) потребление марихуаны на территории США, отношение общества к данной категории наркоманов, оценку врачей влияния марихуаны на здоровье человека, значение специальной «техники» потребления для получения удовольствия и пр. Однако нас в первую очередь интересуют выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

По мнению Г. Беккера, проблема заключается в том, что преступная группа создает свою систему правил, согласно которым некоторые вещи, запрещенные законодательством определенного государства либо вызывающие неодобрение у представителей иных (не-девиантов) социальных групп, начинают пониматься как «нормальные» или «необходимые». Вследствие этого происходит реорганизация системы правил и ценностей. Это приводит к тому, что преступная группа приобретает статус «девиантной», а «нормальные» социальные группы становятся для представителей преступного сообщества подлинными аутсайдерами. Причем моральный барьер легко преодолевается за счет техник рационализации, объясняющих значимость вещи, запрещенной в остальном обществе. Г. Беккер пишет: «Словом, человек не будет стесняться потреблять марихуану в той мере, в какой он будет считать общепринятое представление об этой практике мнением

несведущих аутсайдеров и заменять эти представления точкой зрения “инсайдеров”, которую он усвоил в результате опыта потребления наркотика в компании других потребителей» [5, с. 97].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для получения реальных данных о преступном поведении личности исследователю необходимо стать участником преступной группы. Данный тезис не означает, что он должен выступить в роли преступника и начать потреблять марихуану или другие наркотики. Достаточно, чтобы члены определенной криминальной субкультуры идентифицировали его в качестве «своего», либо криминологу необходимо на протяжении долгого времени взаимодействовать с преступной средой для понимания природы вещей и ценностей определенной категории преступных групп (ярким примером может служить деятельность участкового уполномоченного, следователя или оперативного сотрудника, которые постоянно сталкиваются с преступным контингентом). Изучив поведение девиантов, влияние наркотических средств на представителей криминальной субкультуры, взаимоотношения преступников с остальной частью общества, Г. Беккер вплотную приблизился к эмпирической реальности, что дало ему возможность адекватно интерпретировать преступное поведение.

Методология символического интеракционизма позволяет выявить и структурировать подлинную систему правил, ценностей, представлений и вещей определенной криминальной субкультуры, объяснить характер преступного поведения человека, расширить область изучения личности преступника.

Однако данный подход имеет ряд недостатков. Во-первых, для того чтобы получить максимально верную информацию о делинквентных сообществах, нужно быть либо членом этой группы и одновременно социологом/криминологом, либо постоянно придумывать изощренные способы внедрения в преступные сообщества. Во-вторых, данный подход снимает негативные коннотации с различных форм и видов преступной деятельности, что, однако, способствует объективизации некоторых социальных явления, т. е. тот или иной социальный феномен оценивается не за счет этических категорий, а воспринимается как таковой.

В деятельности сотрудников правоохранительных органов метод символического интеракционизма может найти свое применение в следующих ситуациях: в процессе внедрения в криминальную среду, поскольку позволяет вы-

являть специфические реакции представителей криминальных субкультур; раскрытия преступлений в силу своей способности фиксировать поведение различных категорий лиц в юридически значимых ситуациях; профилактики преступности, т. к. дает возможность скорректировать установки потенциальных правонарушителей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что интерактивный метод, несмотря на то что в настоящее время он находит свое применение преимущественно в социологии, способен и должен использоваться как в теоретической, так и в прикладной криминологии.

1. Щюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. М., 2004.

2. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. *Криминологические технологии: теория и методология* // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2016. № 2(32).

3. Блумер Г. *Символический интеракционизм: перспектива и метод* / пер. с англ. А.М. Корбута. М., 2017.

4. Blumer H. *Social Psychology* // Emerson Peter Schmidt (ed.). *Man and society: a substantive Introduction to the Social Science*. 1937.

5. Беккер Г. *Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности*; пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова / под ред. А.М. Корбута. М., 2018.

1. Shchyuts A. *Favourites: the world shining sense*. Moscow, 2004.

2. Simonenko A.V., Gribanov E.V. *Criminological technologies: theory and methodology* // *Bull. of Krasnodar University of Russian MIA*. 2016. № 2(32).

3. Blumer G. *Symbolical interactionism: prospect and the method* / transl. from English. A.M. Korbuta. Moscow, 2017.

4. Blumer H. *Social Psychology* // Emerson Peter Schmidt (ed.). *Man and society: substantive introduction to the social science*. 1937.

5. Becker G. *Outsiders: researches on deviance sociology*; transl. from English by N.G. Farkhatdinova / ed. by A.M. Korbut. Moscow, 2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Просветов Сергей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета; e-mail: prosvetov-philos@mail.ru;

Кочкин Антон Андреевич, командир отделения факультета по подготовке специалистов для органов предварительного следствия и дознания Краснодарского университета МВД России; e-mail: mr.ko4ckin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

S.Yu. Prosvetov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Assistant Professor of of the Chair of Philosophy of the Kuban State University; e-mail: prosvetov-philos@mail.ru;

A.A. Kochkin, Commander of the Department of the Faculty for Training of Specialists for the Preliminary Investigation and Inquiry of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mr.ko4ckin@yandex

Особенности современной немецкой модели исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (на примере земли Бранденбург)

В статье рассматриваются основные этапы развития института ресоциализации осужденных к наказанию в виде лишения свободы, назначенного совершеннолетним лицам, впервые совершившим преступления общеуголовной направленности, в уголовно-исполнительном праве Федеративной Республики Германия. Предлагается использовать данный опыт в российской пенитенциарной системе, что позволит повысить качество индивидуально-воспитательной работы с заключенными и адаптировать мероприятия по их ресоциализации к условиям новой цифровой реальности.

Ключевые слова: личностные компетенции, профессиональное обучение, психодиагностика, психотерапевтическая поддержка, ресоциализация, цифровые технологии.

Features of the modern German model of execution of criminal penalty by way of deprivation of liberty (by the example of Brandenburg province)

In article the main stages of development of the institute of resocialization of the persons condemned to custodial sanction, appointed to the full age persons who for the first time committed crimes of general criminal orientation in the criminal and executive right of the Federal Republic of Germany are considered. It is offered to make use of this experience in the Russian penal system that will allow to raise a role of individual and educational work with prisoners and to adapt actions for their resocialization to conditions of new digital reality.

Key words: personal competence, professional training, psychodiagnosis, psychotherapeutic support, resocialization, digital technology.

На протяжении длительного времени среди ученых и практиков активно обсуждается современное состояние и перспективы развития российской пенитенциарной системы. Особое внимание уделяется изучению положительного опыта зарубежных стран, в которых соблюдаются международные стандарты обращения с заключенными и создаются все необходимые условия для их успешной социализации после отбывания срока [1, с. 37–40]. В данном аспекте модель исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, сформированная в Федеративной Республике Германия (далее – ФРГ), представляется наиболее интересной.

Правовая система ФРГ состоит из публичного, частного и уголовного права. Публичное право регламентирует отношения между государством как носителем власти и гражданами. Частное регулирует отношения, возникающие между равными субъектами права – физическими и юридическими лицами. Уголовное пра-

во, помимо вопросов о преступлении и наказании, содержит ряд норм, посредством которых приговор, постановленный в порядке уголовного судопроизводства о назначении наказания за совершение противоправного деяния, приводится в исполнение.

Вступление в законную силу решения суда является основанием для начала деятельности государственных органов по принудительному исполнению уголовного наказания, назначенного приговором. Поскольку наказание в виде лишения свободы отбывается в государственных пенитенциарных учреждениях, уголовно-исполнительное право ФРГ считается частью не только уголовного права, но и административного. Однако следует отметить, что в немецкой правовой доктрине уголовно-исполнительное право рассматривается в качестве самостоятельной отрасли публичного права. Его источниками являются: Конституция ФРГ, нормы уголовного и административного права, федеральное законодательство, законода-

тельство земель об исполнении наказания в виде лишения свободы.

Так, статья 2 Конституции ФРГ закрепляет право каждого гражданина на жизнь и личную неприкосновенность, ст. 104 запрещает лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, ни морально, ни физически подвергать жестокому обращению. Вопрос о допустимости и продолжительности лишения человека свободы решается только судьей. Нарушение этих прав допускается исключительно на основании закона [2, с. 25].

Проанализировав положения ст. 2 и 104 Конституции ФРГ, отметим, что они отражают общий подход к ограничению прав лиц, содержащихся под стражей. Правовой статус данной категории граждан, порядок и условия отбывания ими наказания в исправительных учреждениях определены в Федеральном законе ФРГ от 16 марта 1976 г. «Об исполнении лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы» [3]. До принятия данного закона (1949–1976 гг.) уголовно-исполнительное законодательство в ФРГ отсутствовало.

В ходе административной реформы 2006 г. полномочия по регулированию порядка и условий исполнения уголовных наказаний были переданы парламентам федеральных земель. Поэтому в каждой из 16 земель ФРГ существуют свои нормативные правовые акты об исполнении наказаний в виде лишения свободы. Однако в основе каждого из них лежат единые критерии, выработанные на федеральном уровне. Особо следует отметить федеральную землю Бранденбург, где в настоящее время действуют три закона, регулирующие вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы, исполнения наказания в виде лишения свободы, назначенного несовершеннолетним преступникам, предварительного заключения, ареста несовершеннолетних, а также содержания в заключении после отбытия наказания (превентивное заключение). Последнее касается преступников, которых признали не способными к исправлению.

Данные законы не регламентируют производство о применении принудительных мер медицинского характера и помещении подозреваемых в психиатрический стационар для проведения судебно-психиатрической экспертизы. Вместе с тем они отражают главную цель исполнения наказания в виде лишения свободы – создание для осужденного условий, которые позволят ему после освобождения из-под стра-

жи адаптироваться к новым жизненным обстоятельствам. Следовательно, мероприятия, проводимые в исправительных учреждениях Германии, в первую очередь направлены на реинтеграцию осужденных в общество.

Отметим, что идея ресоциализации преступников не сразу стала ведущей в деятельности пенитенциарных учреждений ФРГ, а прошла долгий и непростой путь развития.

В правовых системах Древней Греции и Древнего Египта преступник рассматривался как враг общества. В качестве наказания за нарушение закона применялись пытки, порка плетью, смертная казнь, рабский труд. Тюремное заключение как мера наказания в тот период не практиковалось.

Впервые о ресоциализации упоминается в Средневековье, когда к преступнику относились как к грешнику, способному исправиться только через покаяние. Однако уже в Позднее Средневековье основной целью наказания вновь становится месть преступнику. Осужденных содержат в городских тюрьмах, башнях, подземельях, их пытаются, ссылают на каторжные работы и морят голодом. В то же время следует отметить, что каторжные работы были направлены на перевоспитание преступников, основой которого являлся тяжелый физический труд. Но здесь вряд ли стоит рассуждать о ресоциализации, т. к. каторга унижала человеческое достоинство. Несмотря на то что каторжные работы противоречили принципам католической веры, такой вид наказания, как помещение в работный дом, был включен в Уголовное уложение Германии 1871 г.

Реальное воплощение идеи ресоциализации преступников получили в законодательстве Веймарской республики (1918–1933 гг.), которое включало в себя систему льгот для осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Эти льготы имели строгую вертикальную классификацию и были связаны с изменением режима по мере исправления осужденного. Такой подход стимулировал преступников к хорошему поведению и способствовал их адаптации к новым условиям жизни после освобождения. В Основных положениях об отбывании наказания в виде лишения свободы 1923 г. ресоциализация определялась как процесс формирования у осужденных ответственности, самостоятельности, приобретения ими социально полезных навыков [4, с. 81].

С приходом к власти национал-социалистов ресоциализация была исключена из целей наказания. Теперь оно было направлено на устрашение, уничтожение и воздаяние [5, с. 186–196].

После принятия Конституции ФРГ 1949 г. основу уголовной политики в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы вновь составили гуманистические принципы Веймарской республики.

В Германской Демократической Республике (далее – ГДР) существовала иная практика исполнения наказания – воспитание в духе социализма посредством общественно полезного труда. Поэтому все мероприятия, проводимые в пенитенциарных учреждениях системы внутренних дел ГДР, были связаны с организацией трудовой деятельности заключенных [6].

После объединения Германии на всей территории страны стали действовать общие принципы уголовно-исполнительного права ФРГ, среди которых ресоциализация занимает ведущее место.

В настоящее время под ресоциализацией понимается процесс усвоения человеком норм, ценностей, ориентиров и эталонов поведения группы, позволяющий ему успешно адаптироваться к новым условиям жизни. Основная ее цель заключается в познании причин противоправного поведения, их преодолении и исправлении осужденного. Таким образом, ресоциализация преступников представляет собой их вторичную социализацию, осуществляемую посредством изменения их жизненных установок, ценностей и поведения [9, с. 86].

Однако достаточно часто в полной мере ресоциализация заключенных не наступает, что обусловлено недостатками их воспитания и обучения. Поэтому в период отбывания наказания у таких преступников следует развивать уверенность в себе, умение избегать конфликтов, интеллектуальные способности и мотивацию к труду. В результате воздействия на личностные ресурсы осужденного у него формируется способность самостоятельно организовывать свою жизнь, принимать решения и высказывать собственную точку зрения.

Для достижения данных целей заключенные, содержащиеся под стражей в пенитенциарных учреждениях земли Бранденбург, по аналогии с жизнью на свободе, помимо прав, имеют ряд обязанностей, которые рассматриваются как часть их социальной ответственности.

Осужденные, в свою очередь, считают, что наличие у них обязанностей есть признание их человеческого достоинства.

Для того чтобы ресоциализация преступников прошла успешно, в учреждениях уголовно-исполнительной системы земли Бранденбург изучают их индивидуальные особенности посредством психологической диагностики, результаты которой обсуждаются с осужденными, после чего составляется план их реинтеграции в общество.

Кроме того, во время отбывания наказания в исправительных учреждениях каждый заключенный получает психотерапевтическую поддержку. Важное значение имеет работа, связанная с анализом и оценкой совершенного преступления, проводимая сотрудниками социальной службы. Осознание недопустимости повторного совершения преступлений усиливает мотивацию заключенного изменить свое поведение, порождает у него желание извиниться перед потерпевшим и возместить причиненный вред. При этом у него формируется умение принимать собственные решения, касающиеся не только организации свободного времени (осужденные, например, должны сами выбирать виды спорта, которыми они хотят заниматься), но и обязанности трудиться. Понятно, что если работа является единственным источником дохода для осужденного, то он, скорее всего, будет трудиться, даже при отсутствии желания. Заметим, что финансовая поддержка заключенным оказывается не только в случаях, если они работают. Так, за обучение новым профессиям, участие в мероприятиях, связанных с отказом от алкогольной или наркотической зависимости, также выплачивается денежная компенсация. Несмотря на это, многие осужденные предпочитают работать, т. к. в процессе трудовой деятельности они могут свободно общаться с другими лицами, учиться правильно планировать свой рабочий день и т. д.

Особое внимание уделяется условиям проживания осужденных. Они могут проживать одни либо в так называемых товариществах (группах) по интересам (например, группа, свободная от наркотиков, спортивная группа, группа «присоединения», в которую преимущественно входят лица, чей срок заключения подходит к концу). В результате такого совместного проживания у заключенных развиваются социальные компетенции.

Кроме того, ресоциализации осужденных способствует проведение экскурсий, возмож-

ность пребывать вне исправительного учреждения в течение дня либо покидать его для того, чтобы посетить магазин, парикмахерскую, библиотеку, почту и др.

На протяжении всего периода отбывания наказания осужденного сопровождают сотрудники социальных служб юстиции и медицинские работники (при наличии показаний к лечению). Если он не окончил курс лечения в период содержания под стражей, то медицинские назначения продолжают выполняться в поликлиниках и больницах по месту его жительства.

В исправительных учреждениях заключенные приобретают профессии столяра, слесаря, маляра-штукатур, строителя, электротехника, энергетика, сварщика, садовода-озеленителя, менеджера. Наряду с этим они могут проходить курсы повышения компьютерной грамотности, программирования, онлайн-дизайна, изучения английского языка, а, кроме того, дистанционное обучение, принимать интернет-участие в работе форумов и мастер-классах. В ближайшей перспективе планируется обучение

их профессиям, востребованным в цифровой экономике, например, менеджер по киберспорту или менеджер по контекстной рекламе, размещающий в поисковых системах объявления, содержание которых зависит от запросов пользователей. Документы, подтверждающие обучение, будут признаваться на всей территории Европейского Союза [8, с. 77–99].

Таким образом, германская модель исправления осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, учитывает стремительное развитие цифровых технологий, влияющих на рынок труда.

В заключение следует отметить, что положительный опыт ресоциализации осужденных в Германии может быть использован при реформировании отечественной уголовно-исполнительной системы. Профессиональное обучение и индивидуально-воспитательная работа, проводимая на постоянной основе с каждым осужденным, должны стать приоритетными направлениями в сфере уголовно-исполнительного права России.

1. Шапарь М.А. Опыт зарубежных стран в вопросе ресоциализации осужденных в пенитенциарный период // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России*. 2017. № 1(35).

2. Dürckheim C. von, Herrmann A. *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland in: Sartorius 1. Verfassungs- und Verwaltungsgesetze der Bundesrepublik*. München, 2017.

3. Gesetz über den Vollzug der Freiheitsstrafe und der freiheitsentziehenden Maßregeln der Besserung und Sicherung: gesetz vom 16.03.1976. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html>

4. Bertram C. *Kommentar zum Strafvollzugsgesetz*. Neuwied, 1990.

5. Барышева К.А. Исторический анализ уголовной политики Германии (1871–1945 гг.) // *Право. Журнал высшей школы экономики*. 2015. № 4.

6. Документы советской оккупационной зоны и Германской Демократической Республики (ГДР) 1945–1990 гг. URL: <http://www.documentarchiv.de/ddr.html>.

7. Kaiser G., Kerner H.J., Schöch H. *Strafvollzug: Eine Einführung in die Grundlagen*, IV Auflage. München, 1972.

8. Gamal J. *Geschichte des Strafvollzuges vom Altertum bis 1871 unter Einschluss der Entwicklung in England, Irland und den USA*. München, 2005.

1. Shapar M.A. *The experience of foreign countries in the matter of resocialisation of convicts in penal period* // *Bull. of the Krasnodar University of Russian MIA*. 2017. № 1(35).

2. Dürckheim Constantin von; Herrmann, Alexander (ed.). *Basic Law for the Federal Republic of Germany in: Sartorius 1. Constitutional and Administrative Laws of the Federal Republic*, 10th edition. Munich, 2017.

3. *On the execution of imprisonment and the deprivation of liberty measures of recovery and security (StVollzG): law d.d. March 16, 1976*. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stvollzg/BJNR005810976.html>

4. Bertram Claus (ed.), *Commentary on the Penal Law*, 3rd revised edition. Neuwied, 1990.

5. Barysheva K.A. *The Historical Analysis of Anti-Criminal Policies in Germany (1871–1945)* // *Law. Journal High School of Economy*. 2015. № 4.

6. *Documents of the Soviet occupation zone and the German Democratic Republic (GDR) 1945–1990* URL: <http://www.documentarchiv.de/ddr.html>.

7. Emperor G., Kerner H.J., Schöch H. *Prison: An Introduction to the Foundations*, IV Edition. Munich, 1972.

8. Gamal J. *History of the penitentiary from antiquity to 1871, including development in England, Ireland and the USA*. Munich, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фишер Хорст, руководитель отдела исполнения наказаний и социальных служб юстиции Министерства юстиции и защиты прав потребителей федеральной земли Бранденбург (Федеративная Республика Германия); e-mail: horstfischer@online.de;

Сушина Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, e-mail: suschin2011@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

H. Fischer, Head of the Department of corrections and social services of justice of the Ministry of justice and consumer protection of the Federal province of Brandenburg (Germany); e-mail: horstfischer@online.de;

T.E. Sushina, Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Procedures and Law in Kutafin Moscow State Law University, e-mail: suschin2011@yandex.ru

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Преступность в Краснодарском крае : состояние и прогноз / К. В. Вишневецкий, Н. Ш. Козаев, А. А. Аведян и др. ; под ред. А. В. Симоненко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 242 с.

В монографии проанализированы факторы, влияющие на преступность в Краснодарском крае, дана оценка криминологических показателей отдельных видов преступлений (против личности, в сфере экономики, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, преступности несовершеннолетних, рецидивной, террористической и экстремистской преступности, преступности в сфере информационных технологий). Обобщены показатели раскрываемости преступлений и результаты судебной практики. Подготовлен научно обоснованный прогноз изменений преступности в Краснодарском крае.

Для сотрудников правоохранительных органов, профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов образовательных организаций юридического профиля.

Каснова Мария Сергеевна

Проблема реализации мер раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ в общеобразовательной среде

В статье рассматриваются основные препятствия в практической реализации мер раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. На основе проведенных эмпирических исследований выявляются недостатки существующей практики проведения социально-психологического тестирования и профилактических медицинских осмотров обучающихся общеобразовательных организаций. Предлагаются меры, направленные по совершенствованию механизма раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, профилактика наркопотребления, общеобразовательная среда, обучающиеся, профилактика, социально-психологическое тестирование, профилактические медицинские осмотры.

The problem of implementing measures for the early detection of illicit consumption of narcotic drugs and psychotropic substances in the general educational environment

The main obstacles to the practical implementation of measures for the early detection of illicit consumption of narcotic drugs and psychotropic substances are considered. On the basis of the conducted empirical studies, the shortcomings of the existing practice of carrying out socio-psychological testing and preventive medical examinations of students of general education organizations are revealed. The author proposed measures aimed at improving the mechanism for the early detection of illicit consumption of narcotic drugs and psychotropic substances.

Key words: early detection of illegal consumption of narcotic drugs and psychotropic substances, prevention of drug use, educational environment, students, prevention, socio-psychological testing, preventive medical examinations.

Распространение наркомании по-прежнему остается одной из глобальных мировых угроз наряду с международным терроризмом и локальными военными конфликтами. Как отмечают криминологи, в России около 7 млн человек регулярно либо эпизодически употребляют наркотики. Число лиц, систематически употребляющих наркотики, составляет около 2 млн человек [1, с. 72].

В 2017 г. Российским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава России зафиксировано 5811 смертельных случаев отравления наркотиками, что на 0,8% больше, чем в 2016 г. Количество несовершеннолетних, госпитализированных в специализированные стационары с психозами, возникшими вследствие потребления наркотиков, увеличилось в 2017 г. на 2,3% в сравнении с прошлым годом. В 23 субъектах Российской Федерации показатели отравлений подростков наркотическими веществами превышают среднероссийские

цифры (14,3 на 100 тыс. детско-подросткового населения), из них в 9 субъектах – в 2 и более раз [2].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики России, численность детей в возрасте до 14 лет, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом «наркомания» и нуждающихся в квалифицированной помощи, с 2011 по 2016 г. возросла более чем в 3 раза – с 7 до 25 человек (на 100 тыс. детско-подросткового населения).

В 2011 г. на учете состояли 500 подростков в возрасте от 15 до 17 лет. В последующие пять лет отмечается весьма неустойчивая динамика: в 2012 г. – 300 чел., в 2013 г. – аналогичный показатель, в 2014 г. – 600 чел., в 2015 г. – 700, в 2016 г. – 500 чел. [3, с. 69]. Следует уточнить, что речь идет о подростках, страдающих наркозависимостью, к которым уже применяются соответствующие меры. По оценкам независимых экспертов, реальное количество

несовершеннолетних, имеющих зависимость от психоактивных веществ, в России в десятки раз больше.

Наркозависимость детей школьного возраста является серьезной угрозой физическому и интеллектуальному здоровью будущих поколений россиян. Уровень заболеваемости наркоманией среди подростков в 1,5 раза выше, чем среди взрослых [4, с. 49]. Сопоставление статистических данных употребления наркотических средств взрослым населением и в среде молодежи показывает, что они разнятся в 4,3 раза.

Проанализировав показатели о немедицинском потреблении лекарственных препаратов, наркотических средств, психотропных, ядовитых, а также сильнодействующих веществ в молодежной среде, можно утверждать, что интерес к ним только возрастает.

Потребление запрещенных веществ, как правило, приводит к совершению преступлений. Так, в 2008–2018 гг. 1787 подростков в возрасте 14–17 лет совершили преступления в наркотическом и ином опьянении (не считая алкогольного). В 2008 г. 336 несовершеннолетних осуждены за совершение преступлений в наркотическом опьянении. В 2017 г. 114 подростков совершили преступления в подобном состоянии, осуждено 1946 человек, участвовавших в преступлениях, связанных с изготовлением, хранением и сбытом наркотических средств и психотропных веществ. По итогам 2018 г. всего 1855 несовершеннолетних осуждено по ст. 228–234.1 УК РФ, из них 59 человек совершили преступления под воздействием наркотических средств, психотропных веществ – 7 человек и сильнодействующих веществ – 2. Совершено 781 тяжкое преступление, особо тяжких – 611, группой лиц по предварительному сговору – 540, организованной группой – 40, преступным сообществом – 1 [5].

В специальной литературе отмечается, что подростки являются объектом «двойного» вовлечения – в потребление наркотиков и совершение наркопреступлений, тем самым воспроизводя наркопреступность [6, с. 61]. Данный факт следует учитывать при разработке профилактических мероприятий, направленных на борьбу с наркоманизацией молодежи.

В настоящее время одним из основных препятствий реализации системы мер по сокращению спроса на наркотики (в том числе и в среде молодежи) является терпимое отношение государства и общества к тому, что немедицинское потребление наркотиков становится обыденным явлением. Очевидно, что проводимых

мероприятий, направленных на ограничение незаконного наркооборота, явно недостаточно, требуется разработка широкого комплекса профилактических мер [7], в первую очередь связанных с активизацией и применением разнообразных форм социального контроля.

Минздрав России выступил с предложением о создании единой профилактической среды на основе межведомственного взаимодействия. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» рассматривает профилактику как комплекс мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья, формирование здорового образа жизни, предупреждение возникновения и (или) распространения заболеваний, а также выявление причин и условий их появления и развития.

Ведущую роль в решении проблемы наркотизации детей и подростков должны играть образовательные организации [8].

Осуществляя профилактику наркомании в школах, необходимо дифференцировать ее формы и способы в зависимости от возраста обучающихся. Экспериментальные исследования доказывают, что профилактическая работа для младших и средних классов должна реализовываться принципиально разными способами. В частности, Е.В. Аверина утверждает, что начиная с седьмого класса должны использоваться особые методы профилактической работы, т. к. многие подростки, во-первых, уже употребляют психоактивные вещества, а во-вторых, осведомлены об их вреде больше, чем дети младших классов [9]. Вместе с тем исследование Л.В. Готчиной подтверждает тот факт, что, как правило, дети впервые пробуют наркотики в возрасте 8–10 лет [10], т. е. уже в раннем возрасте обладают определенной информацией о наркотических веществах, однако наркотизация названной категории не носит массового характера.

В соответствии со ст. 53.4 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ № 3) одним из способов профилактики наркотизации подростков выступает раннее выявление потребления наркотических средств и психотропных веществ, включающее в себя социально-психологическое тестирование и проведение профилактических медицинских осмотров обучающихся.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (п. 1 ст. 6) в качестве одного из основных на-

правлений данной деятельности закрепляет противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Как отмечается в юридической литературе, раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ предполагает диагностику «заражения» наркотиками на первых стадиях, в момент появления новых тенденций в наркоситуации [11].

Целью социально-психологического тестирования школьников является определение личностных характеристик, связанных с потенциальным рискованным поведением, особенностями стратегий при решении жизненных проблем, а также отношений подростков с родителями или другими близкими людьми. После завершения тестирования руководитель образовательной организации, в которой оно проводилось, обязан направить бланки ответов обучающихся в муниципальные органы управления образованием. Данные органы, в свою очередь, анализируют результаты, обобщают их и передают в региональный центр обработки информации, который предоставляет данные о количестве обучающихся, склонных к потреблению наркотических средств, психотропных веществ, с указанием места учебы, возраста, класса, группы в территориальный орган Министерства просвещения России. Последний обязан передать эти результаты в Министерство здравоохранения Российской Федерации. Подросткам, показавшим высокий процент склонности к потреблению наркотических средств, рекомендуют пройти добровольное лабораторное тестирование. При обнаружении тревожных симптомов специалисты проводят мотивационную беседу с обучающимися, попавшими в так называемую группу риска, для прохождения медицинского обследования в органах здравоохранения.

Порядок проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся определен приказом Минздрава России от 6 октября 2014 г. № 581н «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, а также образовательных организациях высшего образования в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ». Он состоит из следующих этапов:

профилактическая информационно-разъяснительная беседа с обучающимися, их родителями или иными законными представителями;

сбор анамнестических сведений и сведений о принимаемых по назначению врача наркотических и психотропных лекарственных препаратах;

медицинский осмотр психиатром-наркологом;

проведение предварительных химико-токсикологических исследований;

подтверждение химико-токсикологических исследований;

разъяснение обучающимся, их родителям или иным законными представителям результатов профилактического медицинского осмотра [11].

Нами было проведено интервьюирование специалистов, участвующих в диагностических исследованиях, педагогов и медицинских работников. Полученные данные позволили выявить ряд проблем в практической реализации рассматриваемых профилактических мер.

Во-первых, добровольное согласие на проведение указанных диагностических мероприятий, как правило, не дают те обучающиеся, которые находятся в зоне риска, в том числе несовершеннолетние наркоманы.

Во-вторых, родители и иные законные представители не всегда разрешают проводить тестирование своего ребенка в силу различных обстоятельств и опасений. На наш взгляд, это связано с недостаточным их информированием о целях и процедуре проведения указанных диагностических мероприятий.

В-третьих, подростки, относящиеся к группе риска, изначально давшие согласие на социально-психологическое тестирование, нередко отказываются в нем участвовать в ходе самого процесса. Причины этого могут быть разными, но в основном подростки ссылаются на плохое самочувствие. Согласно мнению специалистов, это хитрость, позволяющая им не проходить данный тест, отвести подозрения и избежать неудобных вопросов. На практике таких подростков в дальнейшем выявляют правоохранительные органы в связи с совершением ими правонарушений или участием в антиобщественной деятельности.

Указанные проблемы зачастую приводят к тому, что подростки, нуждающиеся в помощи специалистов, ее не получают, причем именно из-за того, что пользуются законным правом отказаться от прохождения диагностических исследований. В связи с этим механизм раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, предусмотренный в ст. 53.4 ФЗ № 3, не всегда позволяет в полной мере оценить

состояние наркоситуации в общеобразовательных организациях и выявить наркопотребителей на ранних стадиях наркотического заражения.

В письме Минобрнауки России от 6 апреля 2017 г. № ВК-1116/07 «О необходимости обеспечения максимального охвата образовательных организаций социально-психологическим тестированием» обращается особое внимание на обеспечение участия обучающихся старше 13 лет всех образовательных организаций в социально-психологическом тестировании. При этом в инструкции говорится о том, что тестирование проводится на добровольной основе. Следовательно, подростки имеют возможность уклониться от него.

Таким образом, перечисленные проблемы, возникающие в общеобразовательных организациях и связанные с ранним выявлением незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, позволяют наметить некоторые пути дальнейшего совершенствова-

ния законодательства в области профилактики потребления запрещенных веществ в среде молодежи. В частности, необходимо предусмотреть:

закрепление процедуры обязательного социально-психологического тестирования и проведения профилактических медицинских осмотров обучающихся общеобразовательных организаций, достигших определенного законодательством возраста;

осуществление четкой регламентации процедуры отказа от тестирования, допускаемого в процессе его проведения, определение причин, по которым подросток может отказаться от дальнейшего его прохождения и проведения профилактического медицинского осмотра, условий его возобновления;

определение мер ответственности родителей, не давших согласие на проведение диагностических мероприятий в отношении ребенка, у которого впоследствии обнаружены признаки потребления запрещенных веществ.

1. Симоненко А.В. Состояние и перспективы противодействия наркопреступности в России // *ОРГЪЛРЪ ПУСЧУР*. 2016. № 2.

2. Официальный сайт Государственного антинаркотического комитета РФ. URL: <https://gak.mvd.pf> (дата обращения: 14.06.2019).

3. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: стат. сб. М., 2017.

4. Целинский Б.П. Перспективы профилактики наркомании // *Профилактика наркомании в учреждениях образования: законодательный аспект*. М., 2004.

5. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения: 14.06.2019).

6. Лелеков В.А. Ювенальная криминология: учебник для студентов и вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М., 2017.

7. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Уголовная политика и культура противодействия преступности в России: состояние и перспективы // *Общество и право*. 2017. № 3(61).

8. Грибанов Е.В. Наркоситуация в общеобразовательной школе: диагностика и мониторинг // *Вестн. Тюмен. ин-та повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2014. № 1 (2).

1. Simonenko A.V. The state and prospects of countering drug crime in Russia // *ОРГЪЛРЪ ПУСЧУР*. 2016. № 2.

2. The official website of the State Anti-Drug Committee of the Russian Federation. URL: <https://gak.md.drf> (date of access: 14.06.2019).

3. The social situation and the standard of living of the population of Russia. 2017: stat. Sat. Moscow, 2017.

4. Tselinsky B.P. Prospects for drug abuse prevention // *Drug abuse prevention in educational institutions: legislative aspect*. Moscow, 2004.

5. The official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.cdep.ru> (date of access: 14.06.2019).

6. Lelekov V.A. Juvenile Criminology: a textbook for students and universities studying in the field of «Law». Moscow, 2017.

7. Simonenko A.V., Gribanov E.V. Criminal policy and culture of countering crime in Russia: state and prospects // *Society and Law*. 2017. № 3 (61).

8. Gribanov E.V. Drug situation in secondary school: diagnosis and monitoring // *Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. № 1(2).

9. Averina E.V. Prevention of drug addiction in the Russian school: author. abstr. ... Candidate Law. Moscow, 2003.

9. Аверина Е.В. Профилактика наркомании в российской школе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

10. Основные технологии профилактики наркомании: курс лекций / Л.В. Готчина, Ю.Н. Канибер и др. М., 2008.

11. Комментарий к Федеральному закону от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» / О.Р. Афанасьева, Э.Ю. Бадалянц, В.С. Болотин // СПС «Гарант».

10. *Basic technologies for the prevention of drug addiction: course of lectures* / L.V. Gotchina, Yu.N. Kaniber and others. Moscow, 2008.

11. *Commentary on the Federal Law of January 8, 1998 № 3-ФЗ «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances»* / O.R. Afanasyev, E. Yu. Badalyants, V.S. Bolotin // System «Garant».

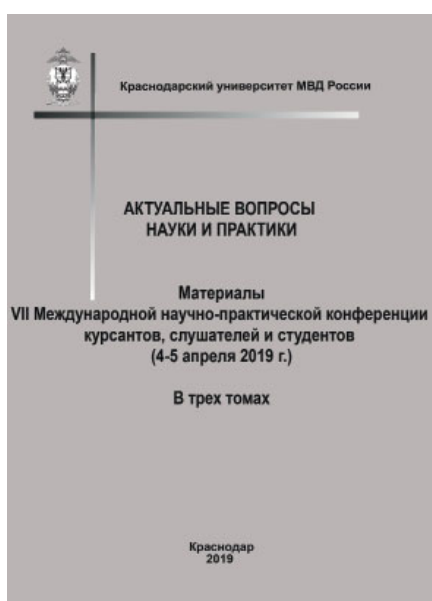
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Каснова Мария Сергеевна, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; тел.: +79186877092.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.S. Kasnova, Candidate of Law, Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +79186877092.

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Актуальные вопросы науки и практики: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. курсантов, слушателей и студентов, 4–5 апр. 2019 г.: в 3 т. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. – Т. I. – 516 с.

В сборнике опубликованы материалы VII Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов «Актуальные вопросы науки и практики», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 4–5 апреля 2019 г.

Для профессорско-преподавательского состава, докторантов, адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов образовательных организаций.

Влияние психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних как криминологическая проблема

В статье обосновывается социальная значимость проблемы влияния психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних. Анализируются нормативные правовые акты в области профилактики криминогенного влияния психического насилия на несовершеннолетних. Особое внимание уделяется современному состоянию изучения данной криминологической проблемы, а также основным направлениям ее решения.

Ключевые слова: психическое насилие, преступное поведение, виктимное поведение, криминализация, виктимизация, несовершеннолетние.

The influence of the mental violence in criminal and victim behavior of juveniles as a criminological problem

In article the social importance of a problem of influence of mental violence on criminal and victim behavior of minors is considered. Regulations in the field of prevention of criminogenic influence of mental violence on minors are analyzed. Special attention is paid to the current state of studying of this criminological problem and also the main directions of its decision.

Key words: mental violence, criminal behavior, viktimny behavior, criminalization, victimization, minors.

Одним из приоритетных направлений государственной политики является защита законных прав и интересов несовершеннолетних, всестороннее развитие каждого ребенка. В связи с этим 29 мая 2017 г. Президент России В.В. Путин подписал указ об объявлении в стране Десятилетия детства с 2018 по 2027 г. [1].

Глава Российского государства отметил значимость рассматриваемой проблемы на расширенном заседании Коллегии МВД России, прошедшем в феврале 2018 г.: «Надо сделать все, чтобы жизнь наших детей была спокойной; свести к минимуму возможные правонарушения» [2]. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В.А. Колокольцев, в свою очередь, подчеркнул, что одной из основных задач органов внутренних дел должна стать профилактика психологического или физического насилия, которое провоцирует суицидальное поведение подростка, проявление им агрессии и жестокости [3].

Однако, несмотря на предпринимаемые государством меры по защите несовершеннолетних граждан, они часто становятся жертвами различных форм насилия: сексуального, физического, психического, психологического и эмоционального. Жестокость, испытанная ребенком, приводит к серьезным последстви-

ям, начиная с антиобщественного поведения и заканчивая суицидальными наклонностями. «В основе проявления всех форм асоциального поведения детей лежит насилие, необязательно физическое, но обязательно психологическое» [4, с. 7].

Формирование преступного и виктимного поведения несовершеннолетних происходит в процессе их социализации и обусловлено влиянием факторов внешней и внутренней среды [4, с. 31–36]. Одной из главных и вместе с тем малоизученных детерминант преступности и виктимизации несовершеннолетних является психическое насилие [2, с. 109–110; 5, с. 265]. Под влиянием психического насилия, совершаемого путем шантажа, обмана, угроз, разжигания чувства зависти, манипуляций и других действий, несовершеннолетних можно склонить к различным формам антиобщественного поведения: изготовлению, потреблению, незаконному приобретению, перевозке, хранению, переработке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, употреблению алкогольной продукции, занятию проституцией, изготовлению порнографических материалов и т. п. [6, с. 708–712]. Психическое насилие является одной из причин суицидального поведения у детей и подростков.

В настоящее время феномен психического насилия рассматривается как частное понятие

по отношению к общему явлению. Например, в теории социализации личности преступника общим понятием выступает неблагоприятное влияние семьи, а частным – отрицательный микроклимат в семье, который может выражаться в унижении или угрозах.

В связи с этим исследователи уделяют особое внимание криминогенному влиянию психического насилия на различные сферы жизнедеятельности подростков [7, с. 78].

Так, в криминологической виктимологии акты психического насилия рассматриваются как провоцирующие поступки будущей жертвы. К примеру, постоянные унижения или оскорбления приводят к возникновению у «будущего преступника» аффективного состояния, побуждающего его совершать насилие [8, с. 124].

Влияние отдельных видов психического насилия на мотивацию преступного поведения доказывают эмпирические исследования Ю.М. Антоняна. В ходе криминологического анализа личности виновных в совершении насильственных преступлений против несовершеннолетних автор приходит к выводу, что дети, которые подвергались оскорблениям и унижениям со стороны родителей или лиц, их заменяющих, сами совершали действия насильственного характера в отношении детей младше двенадцати лет [9, с. 45].

С.Л. Сибиряков определяет оскорбление как один из видов психического насилия, «модель отклонения в поведении самих родителей или лиц, их заменяющих (механизм “дурного примера”). В такой модели ученые выделяют два подуровня: “косвенный”, когда взрослые члены семьи (с отклонениями в поведении) не проявляют этого в отношении с детьми, и «прямой», при котором родители, например, приобщают детей к употреблению алкоголя, воровству, занятию проституцией, избивают, оскорбляют их. Эта модель имеет место не менее чем в 90–95% случаев, особенно для преступных форм поведения» [10, с. 10].

Исходя из вышесказанного можно заключить, что психическое насилие в отношении несовершеннолетнего – это преднамеренные эпизодические или регулярные оскорбления и (или) унижения ребенка, высказывания в его адрес угроз, демонстрация негативного отношения или отвержение путем вербального и (или) невербального общения, приводящие к поведенческим нарушениям и проблемам социализации несовершеннолетнего, результатом которых являются причинение вреда здоровью и (или) иные уголовно наказуемые последствия.

Психическое насилие в отношении несовершеннолетних требует повышенного внимания психологов, педагогов и социальных работников, сотрудников органов внутренних дел и представителей различных общественных организаций.

Такой криминологической проблеме, как влияние психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних, уделяется внимание в следующих международно-правовых актах:

Всеобщей декларации прав человека 1948 г., провозглашающей, что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому обращению и наказанию, унижающим человеческое достоинство (ст. 5);

Декларации прав ребенка ООН 1959 г., закрепляющей право детей на защиту от небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (принцип 9), расовой, религиозной или иной формы дискриминации (принцип 10);

Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., предусматривающего, что каждый ребенок, несмотря на расу, цвет кожи, пол, язык, религию, социальное происхождение, имущественное положение и т. д., имеет право на защиту со стороны его семьи, общества и государства (ст. 24);

Конвенции о правах ребенка 1989 г., закрепляющей, что государство должно принимать все необходимые меры по защите детей от всех форм физического или психического насилия, оскорблений, небрежного, грубого обращения или эксплуатации со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица (ч. 1 ст. 19);

Руководящих принципов Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г., предусматривающих исследование, развитие и реализацию политики, мер и стратегий в рамках системы уголовного правосудия и вне их в целях предупреждения насилия в семье в отношении молодых людей и обеспечения справедливого обращения с жертвами этого насилия (принцип 52 гл. V) и др. Согласно п. 54 гл. VI ни один ребенок или молодой человек не должен подвергаться грубым или унижающим достоинство наказаниям в семье, школе или других местах.

Проблема психического насилия в отношении несовершеннолетних находит отражение и в нормативных правовых актах Российской Федерации:

Конституции России, провозглашающей, что никто не должен подвергаться пыткам, наси-

лию, другому жестокому обращению или наказанию (ч. 2 ст. 21);

Уголовном кодексе РФ, который предусматривает наказание за наиболее жестокие формы психического насилия: доведение до самоубийства (ст. 110), истязание (ст. 117); угрозу убийством или нанесение тяжких телесных повреждений (ст. 119); принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120); понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150); вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность (ст. 151); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2) и др.;

КоАП РФ, который закрепляет соответствующую ответственность за оскорбление (ст. 5.61), дискриминацию (ст. 5.62), вовлечение несовершеннолетнего в потребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных или одурманивающих веществ (ст. 6.10), табака (ст. 6.23) и др.;

СК РФ, который запрещает родителям причинять вред физическому или психическому здоровью детей, их нравственному развитию (ст. 65);

Федеральном законе от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», запрещающем жестокое обращение с детьми, физическое или психическое насилие над ними (ст. 14);

Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», предусматривающем санкции в отношении педагогических работников за допущенное ими физическое или психическое «насилие над личностью обучающегося или воспитанника» (ст. 36);

Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», который закрепляет меры прокурорского реагирования на выявленные факты жестокого обращения с детьми и семейного насилия в отношении несовершеннолетних;

Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», запрещающем применение по отношению к несовершеннолетним физическое и психическое насилие (ч. 4 ст. 8.1).

Вместе с тем следует отметить, что определение психического насилия не закреплено в указанных нормативных правовых актах. Во

многих из них словосочетание «психическое насилие» используется при характеристике таких явлений, как «насилие», «угроза убийством», «угроза нанесения тяжких телесных повреждений». Данный факт свидетельствует о наличии пробелов в сфере профилактики криминогенного влияния психического насилия на несовершеннолетних и выступает негативной тенденцией увеличения криминализации и виктимизации детей и подростков.

Исследованием общих методологических и теоретических основ насилия в отечественной криминологической и уголовно-правовой науке занимаются С.Н. Абельцев, Р.М. Абызов, Г.А. Аванесов и др. Особенно следует отметить работы Ю.М. Антоняна, С.Л. Сибирякова, в которых обосновывается положение о том, что психическое насилие в отношении несовершеннолетних обуславливает формирование у них мотивации преступного поведения.

Общие принципы влияния психического насилия на формирование девиантного поведения несовершеннолетних освещены в трудах ведущих специалистов в области педагогики, социологии и психологии, таких как А.В. Баженов, О.Н. Боголюбова и др.

Однако следует отметить, что самостоятельное криминологическое исследование механизмов влияния психического насилия на криминальное и виктимное поведение несовершеннолетних не проводилось.

Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что большая часть малолетних преступников совершала противоправные действия, желая отомстить за систематические издевательства, оскорбления, угрозы, т. е. за психическое насилие со стороны родителей, одноклассников и других лиц. Жертвами данных преступлений являлись дети, намеренно провоцировавшие конфликтную ситуацию, которая в дальнейшем приводила к совершению в отношении них преступлений.

В связи с этим представляется необходимым совершенствовать действующее законодательство в сфере профилактики преступного и виктимного поведения несовершеннолетних, разрабатывать государственные и муниципальные программы предупреждения правонарушений среди подростков, внедрять новые информационные технологии предупреждения криминализации и виктимизации детей и подростков, а также совершенствовать деятельность субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Проведение научных исследований в данной сфере во многом будет способствовать минимизации влияния психического насилия на виктимизацию поведения подростков. Они должны включать в себя следующие направления: криминологическое изучение влияния психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних; определение

роли психического насилия в формировании личности несовершеннолетнего преступника; выявление механизмов воздействия психического насилия на виктимизацию детей; разработка мер профилактики преступного и виктимного поведения несовершеннолетних, обусловленного влиянием психического насилия.

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2019).

2. Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия: учеб. пособие. М., 2007.

3. Расширенное заседание Коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 15.04.2019).

4. Грибанов Е.В. Преступность несовершеннолетних в контексте культуральной криминологии. Краснодар, 2017.

5. Вишневский К.В. Виктимность несовершеннолетних и проблемы социализации личности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9.

6. Таусинова О.К. Влияние насилия в семье на психологическое развитие подростков // Молодой ученый. 2016. № 4.

7. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2016. № 7(387).

8. Антонян Ю.М. Криминология: учеб. М., 2018.

9. Антонян Ю.М. Причины преступности в России. М., 2013.

10. Сибiryakov С.Л. Ребенок в опасности. СПб., 2002.

1. On declaring the Decade of Childhood in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 29, 2017 № 240. Access from legal reference system «ConsultatnPlus» (date of access: 17.06.2019).

2. Tsybal E.I. Child abuse: causes, manifestations, consequences: study guide. Moscow, 2007.

3. An extended Meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/> (date of access: 15.04.2019).

4. Gribanov E.V. Juvenile delinquency in the context of cultural criminology. Krasnodar, 2017.

5. Vishnivetsky K.V. Victimization of minors and the problems of socialization of the individual // Theory and practice of social development. 2012. № 9.

6. Tausinova O.K. The Influence of domestic violence on the psychological development of adolescents // Young scientist. 2016. № 4.

7. Gribanov E.V. School violence: measures of prevention and control (based on expert survey) // Sociological studies. 2016. № 7(387).

8. Antonyan Yu.M. Criminology: studies. Moscow, 2018.

9. Antonyan Yu.M. The causes of crime in Russia. Moscow, 2013.

10. Sibiriyakov S.L. The child is in danger. St. Petersburg, 2002.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубницкая Анна Валерьевна, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583563.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Dubnitskaya, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Interior of Russia; ph.: +78612583563.

Проблемы правовой интерпретации деятельности полиции в части рассмотрения заявлений и сообщений

В статье рассматриваются проблемные вопросы проведения доследственной проверки, связанные с неверным толкованием процессуальных функций полиции. Акцентируется внимание на основных направлениях деятельности органов внутренних дел, предлагаются способы их оптимизации, требующие закрепления в ведомственных нормативных актах.

Ключевые слова: преступление, правонарушение, полиция, проверка, заявление, сообщение, возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела.

Problems of legal interpretation activities of the police in terms of consideration of statements and messages

In article the problematic issues of conducting investigation verification connected with incorrect interpretation of procedural functions of police are considered. The attention is focused on the main activities of law-enforcement bodies, the ways of their optimization demanding fixing in departmental regulations are offered.

Key words: crime, offense, police, check, statement, message, initiation of criminal proceedings, refusal to initiate criminal proceedings.

Реализация правозащитного механизма в рамках уголовно-процессуальных отношений осуществляется сразу после поступления заявления или сообщения о преступлении в органы предварительного расследования, т. е. с момента их регистрации.

Проблему интерпретации процессуальной деятельности полиции можно рассматривать как с точки зрения защиты прав граждан, обращающихся за помощью в органы внутренних дел, так и с позиции правовой регламентации механизма осуществления правозащитной функции.

Современные исследователи отмечают увеличение количества регистрируемых заявлений и, соответственно, объема процессуальной деятельности. При этом наблюдается незначительное ежегодное снижение числа возбуждаемых уголовных дел (на 5%) и стремительное увеличение отказных материалов на фоне сокращения штатной численности сотрудников ОВД [1].

Полицию часто критикуют за несоблюдение процессуальных сроков проверки по заявлениям и сообщениям, указывая в качестве причины ненадлежащее исполнение сотрудниками ОВД своих обязанностей. Предлагаемые меры оптимизации деятельности органов внутренних дел в данном направлении, как правило, подразумевают наделение полицейских

дополнительными обязанностями и их законодательную регламентацию [2].

Организация деятельности ОВД в части реализации правозащитной функции регламентируется ст. 140–149 УПК РФ. Четкий алгоритм действий сотрудников полиции на стадии возбуждения уголовного дела закреплен в приказе МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (далее – Инструкция) [3].

Указанная Инструкция предусматривает единый порядок регистрации информации о преступлении, административном правонарушении и происшествии. Однако объектом нашего исследования являются уголовно-процессуальные отношения, поэтому вопросы, связанные с процедурами административной юрисдикции, останутся вне нашего внимания.

На первый взгляд, Инструкция конкретизирует и регламентирует действия сотрудников полиции, связанные с принятием и регистрацией любой информации, поступившей в ОВД. УПК РФ закрепляет поводы и основания для возбуждения уголовного дела, сроки, допустимые способы проверки информации о преступлениях и виды принимаемых решений. Однако

именно в стадии возбуждения уголовного дела больше всего возникает проблемных вопросов, решить которые не представляется возможным ввиду их коллизийного механизма, связанного с современной трактовкой ведомственной Инструкции. Сотрудники полиции открыто заявляют о том, что увеличение нагрузки и возложение на них функций, не свойственных полиции, влияют на качество исполнения ими своих служебных обязанностей.

Проанализировав данные о ежегодном количестве регистрируемых уголовных дел, приходим к выводу, что наблюдается устойчивое снижение роста преступности в большинстве регионов на протяжении последних 3 лет и на 4–5% в целом по России [4]. С какими же проблемами сталкиваются полицейские и о каком увеличении объема работы идет речь? Почему на сегодняшний день организацией работы полиции не довольны и граждане, и сами сотрудники ОВД? Для того чтобы ответить на данные вопросы, сравним вышеуказанные нормативные правовые акты федерального и ведомственного уровня, регулирующие порядок деятельности полиции по заявлениям и сообщениям граждан.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение...».

В свою очередь, п.п. 2.1 вышеназванной Инструкции обязывает все территориальные органы МВД России осуществлять прием, регистрацию и разрешение заявлений о преступлениях и происшествиях.

Следует констатировать, что положения ведомственных и уголовно-процессуальных норм не противоречат друг другу. Инструкция лишь дополнительно предписывает обязательную регистрацию заявлений о преступлении и происшествии, в ней поясняется, что сообщение о происшествии – это «письменное заявление о событиях, угрожающих личной или общественной безопасности, в том числе о несчастных случаях, дорожно-транспортных происшествиях, авариях, катастрофах, чрезвычайных происшествиях, массовых отравлениях людей, стихийных бедствиях, в отношении которых требуется проведение проверочных действий с целью обнаружения возможных признаков преступления» [3].

Для создания объективной и полной картины были проанализированы не только воз-

бужденные уголовные дела, но и отказные материалы (показатель, не учитываемый при расчете нагрузки на сотрудника полиции). В результате было установлено, что соотношение отказных материалов к возбужденным уголовным делам составляет 9:1, т. е. на десять регистрируемых заявлений и сообщений, только одно изначально содержит сведения о преступлении. Так, например, 5 лет назад отказных материалов было в 2 раза меньше, чем возбужденных уголовных дел, т. е. нагрузка по рассматриваемым материалам увеличилась в 2 раза. Возникает закономерный вопрос: в связи с чем на фоне общего снижения уровня преступности возросло количество обращений граждан? Ответ на него мы попытались найти, проанализировав сообщения, зарегистрированные в книге учета преступлений. Приведем некоторые из них: «У соседей громко работает телевизор (время 19.00 часов)»; «Автомобиль припаркован слишком близко и мешает проезду»; «Соседи две недели делают ремонт и шумят...»; «Умер гражданин 1930 года рождения (установлено документами)»; «Уроки в школе закончились час назад, а несовершеннолетний ... домой не вернулся...» «Кот залез на крышу, спуститься не может, помогите...»; «В квартире слышны инопланетные звуки...»; «Муж забрал совместно нажитые деньги и не отдает, помогите забрать...» и т. д. Ежедневно только в Краснодаре регистрируется до пятисот подобных обращений.

При этом, как показывает практика, абсолютно по всем заявлениям и сообщениям, независимо от их содержания, сотрудники полиции проводят проверку в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Напомним, указанная норма закона предоставляет право сотруднику ОВД «получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий». Таким образом, указанный комплекс мероприятий доследственной проверки может предшествовать как возбуждению уголовного дела, так и отказу

в его возбуждении (и решению о передаче по подследственности) [5].

Следовательно, сотрудник полиции, реализуя процессуальную деятельность по сообщению, изначально не содержащему признаков преступления, на стадии возбуждения уголовного дела выполняет функцию, не свойственную ему, т. к. занимается сбором материалов, подтверждающих отсутствие события либо состава преступления, что требует огромных временных затрат. Для того чтобы отработать каждый такой материал, необходимо: выйти на место происшествия; получить не менее трех объяснений граждан, одним из которых является заявитель; сделать необходимые запросы; получив ответы на них (заключение экспертизы, проведение освидетельствования и т. д.), принять процессуальное решение; систематизировать материалы; составить описание, подшить, подготовив таким образом дело к проверке законности принятого решения начальником органа дознания и прокурором. В этих случаях прокуроры во исполнение своих ведомственных приказов об усилении надзора за процессуальной деятельностью полиции на стадии возбуждения уголовного дела руководствуются не принципом достаточности информации, подтверждающей наличие либо отсутствие состава преступления, а полнотой использования средств и методов проверки [6]. В связи с этим полицейские вынуждены собирать материалы, доказывающие отсутствие в зарегистрированном сообщении события или состава преступления, т. к. в ином случае это повлечет возвращение материала для проведения дополнительной проверки, хотя и по формальным основаниям.

В соответствии со ст. 1 Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») органы внутренних дел призваны защищать права и свободы человека и гражданина, противодействовать преступности, охранять общественный порядок, собственность и обеспечивать общественную безопасность.

Основными направлениями деятельности полиции являются:

защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;

предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;

выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;

розыск лиц;

производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний;

обеспечение правопорядка в общественных местах;

обеспечение безопасности дорожного движения;

государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц;

осуществление экспертно-криминалистической деятельности (ст. 2 ФЗ «О полиции»).

Указанный перечень расширенному толкованию не подлежит, и в связи с этим напрашивается вывод: если обращения, поступающие в полицию, изначально не содержат информацию, прямо или косвенно указывающую на признаки преступления, значит, она не относится к ведению полиции и не может являться поводом, позволяющим начать уголовно-процессуальную деятельность.

Основной причиной сложившейся ситуации является ведомственное уравнивание процедур проверки заявлений (сообщений), как содержащих признаки преступления, так и не имеющих таковых. Ранее это разграничение осуществлялось на основании приказа МВД России [7], предусматривающего регистрацию информации, прямо не указывающей на событие преступления, в журнале учета информации. Такие сообщения также оперативно проверялись (без использования уголовно-процессуальных методов) и в случае неустановления признаков преступления списывалась в рамках ведомственного документооборота, минуя громоздкие и энергозатратные процедуры. Если же проверка подтверждала информацию о совершении преступления или содержала его признаки, то сотрудник полиции оформлял ее соответствующим рапортом об обнаружении признаков преступления, который и являлся поводом для начала уголовно-процессуального производства.

Действующий порядок принятия, регистрации и проверки заявлений (сообщений) о преступлениях и происшествиях, регламентированный Инструкцией, порождает вольную интерпретацию обязанностей сотрудников полиции со стороны граждан и средств массовой информации, что, в свою очередь, влечет рост обращений граждан в ОВД по вопросам, не входящими в их компетенцию. Распространенной является ситуация, когда в ОВД регистрируются сообщения о преступлении, но без указания его признаков. В результате полицейский проводит проверку, собирает необходимый

материал, а заинтересованное лицо впоследствии заявляет ходатайство об ознакомлении с материалом проверки, изготавливает копии и использует его в суде для решения своих гражданско-правовых вопросов. Полицейский в этой ситуации выступает в качестве бесплатного персонального юриста, обладающего особым правовым статусом.

Достаточно часто на официальных сайтах информационных каналов даются рекомендации обращаться в органы полиции по вопросам, прямо не имеющим отношения к деятельности МВД России. Одним из ярких примеров вольной интерпретации деятельности полиции является заявление в СМИ, сделанное после урагана в Москве в мае 2017 г., в результате которого погибли и получили травмы люди, было повреждено большое количество автомобилей и другого имущества. Они рекомендовали гражданам, имущество которых пострадало, вызывать на место происшествия участкового уполномоченного полиции, требовать составления протокола осмотра места происшествия, оценки поврежденного имущества и выдачи справки. Иными словами, СМИ предлагали зарегистрировать и провести полноценную проверку каждого факта причиненного вреда, включая различные экспертизы, за счет средств МВД России. Следует отметить, что ни УПК РФ, ни Инструкция не предусматривают проведение проверки информации без цели установления признаков преступления.

Применение сил и средств ОВД при ликвидации чрезвычайных ситуаций регламентирует Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Однако согласно ст. 17 указанного закона «при ликвидации чрезвычайных ситуаций силы и средства ор-

ганов внутренних дел Российской Федерации применяются в соответствии с задачами, возложенными на органы внутренних дел законами и иными нормативными актами Российской Федерации, законами и нормативными актами субъектов Российской Федерации». Таким образом, МВД России как функциональная подсистема Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) выполняет государственную функцию охраны общественного порядка с целью недопущения фактов административных правонарушений и преступлений в период проведения мероприятий, связанных с чрезвычайными ситуациями.

Сегодня расширенное толкование обязанностей сотрудников органов внутренних дел на стадии возбуждения уголовного дела не только рассредоточивает их силы и средства, но и превращает полицейских в заложников ситуации, когда во исполнение ведомственного приказа, утвердившего Инструкцию, в целях придания правовой формы реализации своей деятельности они вынуждены нарушать нормы федерального законодательства, в частности УПК РФ, и выполнять огромный объем заведомо бесполезной работы, что влечет ненадлежащее исполнение основных функциональных обязанностей и, как следствие, подрывает авторитет МВД России.

Выход из этой ситуации видится в необходимости принятия нового приказа МВД России, разграничивающего деятельность сотрудников полиции по заявлениям (сообщениям), происшествиям, изначально содержащим и не содержащим информацию о преступлении, который бы регламентировал отдельный порядок их регистрации, учета, проверки и принятия решений, что, на наш взгляд, оптимизирует механизм реализации правозащитной функции органов внутренних дел.

1. Тарзиманов В.М. *Процессуальные аспекты проведения проверки сообщения о преступлении: дис. ... канд. юрид. наук.* Челябинск, 2014.

2. Оренбуркина В.Е. *Виды нарушений законности при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях // Правопорядок: история, теория, практика.* 2015. № 2(5).

3. *Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о про-*

1. Tarzimanov V.M. *Procedural aspects of the verification of the crime report: diss. ... Candidate of Law.* Chelyabinsk, 2014.

2. Orenburkina V.E. *Types of violations of legality at reception, registration and verification of messages about crimes // Law and order: history, theory, practice.* 2015. № 2(5).

3. *On approval of the Instruction about the procedure of admission' registration and permission in territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation of statements and messages on crimes of administrative offences' of incidents: order of the Ministry of internal Affairs of Russia d.d. Aug. 29,*

исшествиях: приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736 (ред. от 7 нояб. 2016 г. № 708) // Рос. газ. 2014. 14 нояб.

4. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. М., 2018.

5. Злыденко Д.С., Денисова Э.С. Развитие уголовно-процессуального законодательства регламентирующего процедуру доследственной проверки с позиции обеспечения возможности доступа граждан к правосудию // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2013.

6. Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях: приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26 марта 2014 (зарегистрирован в Минюсте России 04.08.2014 № 33432). URL: <http://www.consultant.ru/search/base/>

7. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации сообщений о преступлениях и иной информации о правонарушениях: приказ МВД России от 13 марта 2003 г. № 158 (зарегистрирован в Минюсте РФ 04.04.2003 № 4381). Документ утратил силу.

2014 № 736 (amended on 07.11.2016 № 708) // Russian newspaper. 2014. Nov. 14.

4. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and the payment options for its development: analytical survey / Yu.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova and others. Moscow, 2018.

5. Zlydenko D.S., Denisova E.S. Development of the criminal procedure legislation regulating the procedure of pre-investigation check from the position of ensuring the possibility of access to justice // Modern problems of criminal policy: proc. of the IV Intern. sci.-pract. conf. / ed. Ilyashenko. Krasnodar, 2013.

6. On strengthening of Prosecutor's supervision and departmental control over the legality of procedural actions and decisions on refusal in excitation of criminal case upon resolution of reported crimes: order of the Prosecutor General of the Russian Federation №147, the Ministry of internal Affairs of Russia № 209, FSB of Russia № 187, SK of Russia № 23, Federal drug control service of Russia № 119, Federal customs service of Russia No. 596, Federal penitentiary service of Russia № 149, of the Ministry of defense of Russia № 196, the Federal bailiff service of Russia № 110, EMERCOM of Russia № 154 d.d. March, 26, 2014 (Registered in Ministry of justice of Russia 04.08.2014 № 33432). URL: <http://www.consultant.ru/search/base/>

7. About the statement of the Instruction on the order of reception, registration and permission in law-enforcement bodies of the Russian Federation of messages on crimes and other information on offenses: order of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. d.d. March 13, 2003 № 158 (it is Registered in the Ministry of justice of the Russian Federation The document is no longer valid.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Башинская Инна Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.G. Baishinskaya, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Bashinskaya_ig@mail.ru

Порядок и процессуальная форма истребования предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела

В статье рассматривается правовое регулирование и практическая реализация полномочия следователя истребовать предметы и документы в стадии возбуждения уголовного дела. Автор обосновывает необходимость исключения из ч. 2 ст. 144 уголовно-процессуального закона второго предложения и закрепления порядка истребования предметов и документов, прекращения практики привлечения граждан к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ в случаях непредставления предметов и документов по запросам следователей при проверке сообщений о преступлениях.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, полномочие, истребование, принуждение, ответственность, процессуальная форма.

The procedure and procedural form of requesting items and documents at the stage of a criminal case initiation

In article legal regulation and implementation of power of the investigator is considered to claim objects and documents in a stage of initiation of legal proceedings. The author proves need of an exception of Part 2 of Article 144 of the criminal procedure law of the second offer and fixing of an order of reclamation of objects and documents, the terminations of practice of involvement of citizens to administrative responsibility according to Article 17.7 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences in cases of non-presentation of objects and documents by inquiries of investigators at verification of messages about crimes.

Key words: criminal case initiation, authority, reclamation, coercion, responsibility, procedural form.

Полномочие следователя истребовать документы и предметы закреплено в ч. 1 ст. 144 и ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Системное толкование названных норм позволяет сделать вывод, что истребование предметов и документов осуществляется следователем путем направления запросов. Более подробного правового регулирования рассматриваемого полномочия уголовно-процессуальный закон не содержит, что порождает ряд проблем как в теории, так и в практической деятельности.

Основной видится проблема обеспечения исполнения запросов следователя силой государственного принуждения. Ряд авторов полагают, что истребование возможно только в добровольном порядке [1, с. 131]. Другие считают принуждение в этой ситуации оправданным [2, с. 35]. Согласно третьей точке зрения, применять меры процессуального принуждения в стадии возбуждения уголовного дела недопустимо, однако привлечение лиц, отказывающихся предоставлять предметы (документы) по запросу следователя, к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ (умышленное невыполнение законных требований

следователя) возможно. Последний подход реализуется в рамках судебно-следственной практики [3; 4].

Вместе с тем угроза привлечения к административной ответственности, как и само привлечение к таковой, является формой принуждения, хотя и не уголовно-процессуальной. Однако в стадии возбуждения уголовного дела принуждение граждан в какой бы то ни было форме не должно применяться, более того, ч. 4 ст. 21 УПК РФ не дает для этого никаких правовых оснований.

Так, все предписания ст. 21 УПК РФ, в том числе и об обязательности требований следователя, касаются реализации его полномочий в ходе осуществления уголовного преследования, что вытекает из названия и содержания рассматриваемой нормы, расположенной в гл. 3 УПК РФ («Уголовное преследование»). В свою очередь, уголовное преследование возможно лишь начиная со стадии предварительного расследования. Необходимо согласиться с мнением профессора О.Д. Жука о том, что «функция уголовного преследования не реализуется на так называемых проверочных стадиях» [5, с. 57].

Действительно, анализ законодательства и решений Конституционного Суда РФ подтверждает вышесказанное. Так, согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Для этого необходимо констатировать сам факт его совершения путем вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Если следователь в ходе проверки сообщения о преступлении делает вывод, что преступление совершено, и собирает доказательства вины лица, не придавая ему официального правового статуса подозреваемого или обвиняемого, то необходимо вести речь не об осуществлении уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела как таковом, а о незаконных действиях следователя, не принявшего процессуальное решение о возбуждении уголовного дела. Об этом же, но применительно к стадии предварительного расследования, пишет профессор О.Д. Жук: «Когда лицо при наличии достаточных оснований все же не было привлечено в качестве обвиняемого, в отношении него так же, как и в отношении лица, не получившего статус подозреваемого, осуществляется незаконное уголовное преследование» [5, с. 51]. В связи с вышеизложенным представляется необходимым направлять усилия не на искусственное расширение границ уголовного преследования, распространяя их на стадию, когда следователь еще не располагает достаточными данными о самом факте преступления, а на искоренение практики незаконного уголовного преследования, в том числе путем незамедлительного возбуждения уголовного дела при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а также признания доказательств, полученных в результате незаконного уголовного преследования, недопустимыми.

В пункте 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, регламентирующем момент допуска защитника к участию в уголовном деле, законодатель говорит не об уголовном преследовании, а об осуществлении процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 этого же кодекса. Действительно, такие действия нельзя приравнивать к уголовному преследованию, в противном случае законодатель включил бы

лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении, в ч. 2 ст. 50 УПК РФ, содержащую перечень лиц, по чьей просьбе следователь обеспечивает участие защитника, расходы на оплату труда которого, согласно ч. 5 ст. 50 УПК РФ, компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Конституционный Суд РФ выразил свою позицию относительно момента начала уголовного преследования в определении от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О [6], указав, что стадия возбуждения уголовного дела является обязательной. Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование преступника от имени государства в связи с совершением им преступного деяния, что обуславливает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия, суда и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность.

Таким образом, ч. 4 ст. 21 УПК РФ закрепляет обязательность требований, поручений и запросов следователя, предъявленных в ходе уголовного преследования. Однако поскольку в стадии возбуждения уголовного дела уголовное преследование не осуществляется, то исполнение требований, поручений и запросов следователя на данном этапе, в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального закона, не должно быть обеспечено силой государственного принуждения, в том числе путем применения мер административной ответственности. В связи с этим считать обоснованной сложившуюся практику привлечения к административной ответственности лиц, не исполняющих запросы следователей в стадии возбуждения уголовного дела, не представляется возможным. В противном случае придется признать, что требования следователя дать объяснения, предоставить образцы для сравнительного исследования и т. д. являются, в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ, обязательными для граждан, поскольку предъявляются в пределах полномочий, закрепленных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, и отказ от выполнения любого из них влечет административное наказание, а значит, эти действия обеспечены силой государственного принуждения. Такой подход противоречит самой сути стадии возбуждения уголовного дела. В связи с этим сложившуюся правопримени-

тельную практику привлечения к административной ответственности за неисполнение требований следователя в стадии возбуждения уголовного дела необходимо прекратить.

По указанным основаниям видится неоправданной норма ч. 2 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которой редакция средства массовой информации обязана передать по требованию следователя имеющиеся в ее распоряжении документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда оно попросило сохранить в тайне источник информации.

Кроме того, вызывает сомнение целесообразность анализируемой нормы. Так, если редакция добровольно согласится предоставить запрошенные документы, она сделает это и без специальной уголовно-процессуальной нормы. Однако если она не пожелает сотрудничать со следствием, то вряд ли стоит ожидать, что ее заставит это сделать обязанность, предусмотренная ч. 2 ст. 144 УПК РФ. Логичнее ожидать, что редакция откажется предоставить материалы, сославшись на условие о сохранении в тайне источника информации, предусмотренное в качестве исключения указанной нормой, а также ст. 41 закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [7].

Следовательно, анализируемая норма противоречит принципу свободы от принуждения в стадии возбуждения уголовного дела, а также является бесполезной с практической точки зрения. В связи с этим представляется необходимым исключить предложение второе ч. 2 ст. 144 УПК РФ из уголовно-процессуального закона.

Еще одной широко обсуждаемой проблемой, связанной с реализацией полномочия истребовать предметы (документы), является форма этого процессуального действия.

Большинство авторов сходятся во мнении, что истребование возможно как в устной, так и письменной формах. Под письменной формой истребования понимается направление запросов, а под устной – составление протоколов [8, с. 177]. Согласиться с такой постановкой вопроса довольно сложно. Составление запроса и протокола либо справок, актов и т. д. представляет собой письменную фиксацию истребования. Глагол «истребовать» означает «потребовать, потребовав, получить» [9, т. 1, с. 692]. В свою очередь, слово «потребовать»

в словарях толкуется как «просить чего-либо или предлагать сделать что-либо в настойчивой, категорической форме» [9, т. 4, с. 402]. Как видится, отражение просьбы или предложения в запросе либо протоколе не меняет письменного характера истребования.

В практической деятельности применяется истребование в устной форме, которое заключается в высказывании просьбы передать следователю предмет или документ, после чего он, не составляя никаких процессуальных документов, получает истребованный документ и приобщает его к материалу проверки сообщения о преступлении либо изготавливает вне процессуальной составляющей (фото-, видео- и др.) копию полученного предмета, которую также приобщает к материалу проверки сообщения о преступлении. Об использовании описанного способа получения документов в практической деятельности заявили свыше 90% опрошенных следователей. Такая практика не порождает доказательств по уголовному делу, однако и не препятствует оперативному получению данных, указывающих на наличие либо отсутствие признаков преступления, в связи с чем ее можно признать обоснованной.

На наш взгляд, для того чтобы предметы (документы) можно было в последующем признать доказательствами, необходимо соблюдать письменную форму истребования. Как отметил П.А. Лупинская, в доказательственной деятельности уголовного процесса проявляется единство познавательной и удостоверительной сторон [10, с. 85–86]. Удостоверительный характер письменности является средством отражения порядка предварительного расследования [11, с. 32] и проверки сообщения о преступлении. Таким образом, наличие копии письменного запроса в материале проверки или в уголовном деле объясняет путь появления доказательства, что является одним из условий его допустимости [12, с. 350].

Уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо правил составления и направления запросов. Из этого обстоятельства А.Г. Калугин заключает, что истребование предметов и документов априори не предусматривает уголовно-процессуальную форму, поскольку заключается в использовании общепринятых стандартных правил документооборота и деловой переписки (по схеме «официальный запрос – официальный ответ в форме сопроводительного письма к запрашиваемому

документу, предмету») [13, с. 16–17]. Отчасти соглашаясь с данным утверждением, необходимо заметить, что оно справедливо только для получения данных, указывающих на наличие либо отсутствие признаков преступления. Однако если истребование преследует цель получение предметов (документов), которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, необходимо соблюдать принцип процессуального формализма, посредством которого реализуется принцип законности.

Несоблюдение процессуальной формы лишает процессуальное действие легитимности и влечет недопустимость полученных доказательств. Вследствие этого в практической деятельности сложилась феноменальная ситуация: уголовно-процессуальный закон проигнорировал закрепление формы запроса следователя, но это сделала сама практика. Так, изучение запросов по уголовным делам и материалов проверок сообщений о преступлениях из разных регионов России позволило сделать вывод, что, несмотря на множественность способов их оформления, все они содержат общие элементы: реквизит «адресат»; фактическое и юридическое обоснование производства процессуального действия; номер уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении; адрес органа предварительного расследования; должность следователя, в чьем производстве находится уголовное дело или материал проверки сообщения о преступлении; его подпись. И если указание в запросе таких реквизитов, как «адресат», «подпись адресанта», можно назвать «общепринятыми стандартными правилами документооборота и деловой переписки», то остальные элементы – это не что иное, как установленная и признанная практикой процессуальная форма истребования, которая нашла отражение в инструкциях по делопроизводству различных органов предварительного расследования.

Однако заметим, что инструкции по делопроизводству не должны подменять собой уголовно-процессуальные нормы, в связи с этим необходимо внести изменения в УПК РФ, закрепляющие формальные правила истребования, к которым целесообразно отнести правила составления процессуального документа, его направления (вручения), а также сроки исполнения. В частности, в настоящее время сроки исполнения запросов следователя

Следственного комитета России регулируется ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [14], в соответствии с которой требования (запросы, поручения) обязательны для исполнения незамедлительно или в указанный в них срок. Установление названных сроков должно относиться к сфере действия уголовно-процессуального законодательства, в котором, в частности, необходимо предусмотреть максимальный срок исполнения запроса об истребовании предметов (документов) – 5 рабочих дней, поскольку исполнение запросов организациями, учреждениями, должностными лицами связано с осуществлением ими профессиональной деятельности). В данный срок не включается время, потраченное на пересылку ответа.

Кроме того, закрепление уголовно-процессуальной формы истребования должно сопровождаться внесением изменений в иные федеральные законы и нормативные правовые акты, предъявляющие не предусмотренные УПК РФ требования к форме запросов.

Например, п. 1 ч. 1 ст. 63 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [15] предписывается, что сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, предоставляются бесплатно по запросам правоохранительных органов по находящимся у них в производстве уголовным делам. Рассматриваемый закон не должен ограничивать полномочия следователя истребовать документы в ходе проверки сообщения о преступлении. Форма запроса о предоставлении сведений, установленная приказом Минэкономразвития России от 23 декабря 2015 г. № 968 «Об установлении порядка предоставления сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, и порядка уведомления заявителей о ходе оказания услуги по предоставлению сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» [16], не соответствует требованиям инструкций по делопроизводству различных органов предварительного расследования, а также правилам оформления запросов следователя Следственного комитета России, включенным в раздел 3.12 приказа Следственного комитета Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 40 «Об утверждении Инструкции по дело-

производству Следственного комитета Российской Федерации» [17].

Также ч. 4 ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [18] предусматривает правила предоставления справок по счетам и вкладам физических лиц органам предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, и лишь при наличии согласия руководителя следственного органа. Данный закон также содержит ограничения процессуальных полномочий следователя.

Вышеописанные правила оформления запросов определяют порядок истребования предметов (документов), что противоречит ч. 1 ст. 1 УПК РФ, согласно которой уголовное судопроизводство на территории России осуществляется в соответствии с УПК РФ, в связи с чем они подлежат исключению.

Таким образом, полномочие истребовать предметы и документы должно обрести порядок его реализации и процессуальную форму исключительно в уголовно-процессуальном законе.

1. Семенцов В.А. *Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006.*

2. Белозеров Ю.Н., Рябоконт В.В. *Законность и обоснованность возбуждения уголовных дел органами внутренних дел. М., 1988.*

3. *Решение Пермского краевого суда от 15 ноября 2017 г. по делу № 7-2202-2017 (12-841/2017) // Официальный сайт Пермского краевого суда. URL: <https://oblsud--perm.sudrf.ru> (дата обращения: 09.04.2019).*

4. *Решение Калининского районного суда г. Чебоксары от 1 ноября 2016 г. по делу № 12-902/2016 // Официальный сайт Калининского районного суда г. Чебоксары. URL: <https://kalininsky--chv.sudrf.ru> (дата обращения: 09.04.2019).*

5. Жук О.Д. *Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами: современные проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.*

6. *Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (документ официально не опубликован).*

7. *Рос. газ. 1992. 8 февр.*

8. Дермучев Л.Г. *Общие проблемы истребования доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2011. № 1.*

9. *Словарь русского языка: в 4 т. / под общ. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985. Т. 1.*

10. Лупинская П.А. *Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976.*

11. Николаева Н.М. *Письменность предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002.*

1. Sementsov V.A. *The conceptual basis of the system of investigative actions in pre-trial proceedings: diss. ... Dr of Law. Yekaterinburg, 2006.*

2. Belozеров Yu.N., Ryabokon V.V. *The legality and validity of the institution of criminal cases by internal affairs bodies. Moscow, 1988.*

3. *Session of the Perm Regional Court of 11/15/2017 in case № 7-2202-2017 (12-841/2017) // The official website of the Perm Regional Court. URL: <https://oblsud--perm.sudrf.ru> (date of access: 09.04.2019).*

4. *The decision of the Kalininsky District Court of Cheboksary dated Nov. 1, 2016 in case № 12-902/2016 // The official website of the Kalininsky District Court of Cheboksary. URL: <https://kalininsky--chv.sudrf.ru> (date of access: 09.04.2019).*

5. Zhuk O.D. *Criminal prosecution in criminal cases on the organization of criminal communities (criminal organizations), participation in them and on the crimes committed by these communities: Current problems of theory and practice: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2004.*

6. *Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (the document has not been officially published).*

7. *Rus. newsp. 1992. Febr. 8.*

8. Dermuchev L.G. *General problems of obtaining evidence at the stage of initiating a criminal case // Society and law. 2011. № 1.*

9. *Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / gen. ed. by A.P. Evgenieva. Moscow, 1985. Vol. 1.*

10. Lupinskaya P.A. *Decisions in criminal proceedings. Their types, content and forms. Moscow, 1976.*

11. Nikolaeva N.M. *The writing of the preliminary investigation: diss. ... Candidate of Law. Omsk, 2002.*

12. *Criminal procedure: textbook / V.N. Grigoriev, A.V. Pobedkin, V.N. Yashin Moscow, 2008.*

12. Уголовный процесс: учеб. / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. М., 2008;
13. Калугин А.Г. К вопросу о процессуальной форме изъятия предметов и документов в стадии возбуждения уголовного дела // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2017. № 3.
14. Собр. законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
15. Рос. газ. 1997. 30 июля.
16. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (документ официально не опубликован).
18. Рос. газ. 1996. 10 февр.
13. Kalugin A.G. On the issue of the procedural form of the seizure of objects and documents at the stage of initiation of a criminal case // Bull. of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3.
14. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 15.
15. Rus. newsp. 1997. July 30.
16. published on 04.05.2016 on the official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
17. Access from the legal reference system «Consultant Plus» (the document has not been officially published).
18. Rus. newsp. 1996. Febr. 10.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Косенко Андрей Михайлович, аспирант кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; e-mail: Kosenko_am@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.M. Kosenko, Postgraduate of the Chair of Criminal Procedure of the Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: zbaisheva@yandex.ru

Генезис запрета определенных действий в российском уголовном процессе

В статье анализируются исторические предпосылки становления и развития такой меры пресечения, как запрет определенных действий, в контексте избрания и применения домашнего ареста. Рассматриваются правовые нормы, регламентирующие запрет определенных действий.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий.

The genesis of the prohibition of certain acts in the Russian criminal process

The article analyzes the historical background of the formation and development of such a preventive measure, such as the prohibition of certain actions, in the context of the election and use of house arrest. We consider the legal norms governing the prohibition of certain actions.

Key words: criminal procedure, criminal procedure legislation, preventive measures, house arrest, prohibition of certain actions.

Конституция Российской Федерации закрепляет, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Их ограничение допускается в порядке, предусмотренном законом.

Так, уголовно-процессуальное законодательство России предоставляет правоохранительным органам полномочия по ограничению прав и свобод человека при избрании мер принуждения в отношении подозреваемого или обвиняемого. Следует отметить, что при избрании и применении указанных мер необходимо обеспечивать соблюдение общепризнанных международных принципов и норм по защите прав и интересов гражданина, а также соразмерность налагаемых ограничений совершенному деянию. В связи с этим проблема избрания и применения мер пресечения не утратила своего научно-практического значения.

С момента принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации институт мер пресечения неоднократно реформировался. Большинство внесенных в него изменений касается мер пресечения, ограничивающих право на свободу и личную неприкосновенность, избираемых по решению суда. Их доработка направлена на расширение практики избрания мер пресечения, не связанных с изоляцией подозреваемых и обвиняемых от общества, а также сокращение фактов избрания более строгой меры пресечения – заключения под стражу и принятие решений о применении альтернативных мер. Условно

процесс совершенствования порядка применения мер пресечения рассматриваемой категории можно разделить на два этапа. Первый этап связан с принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 420) [1], а второй – с утверждением Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» (далее – ФЗ № 72) [2].

Анализ уголовно-процессуальных норм позволяет сделать вывод о том, что до принятия ФЗ № 72 отдельные запреты являлись составной частью домашнего ареста и применялись к подозреваемым или обвиняемым только при избрании им данной меры пресечения [2, с. 34–35]. В связи с этим исследование генезиса запрета определенных действий необходимо начать с рассмотрения такой меры пресечения, как домашний арест.

Впервые данная мера была закреплена в Своде законов Российской империи 1832 г. Согласно проведенным исследованиям в до-революционный период данная мера была малоэффективна и практически не избиралась. Исключение составляли случаи, связанные с высоким положением обвиняемого в обществе или тяжелой болезнью лица, подозреваемого в совершении преступления [3].

В УПК РСФСР 1922 и 1923 г. домашний арест рассматривался как мера пресечения, направленная на лишение свободы обвиняемого путем его изоляции дома, в отдельных случаях с назначением стражи. Данная мера включала в себя только два запрета – покидать определенное судом жилое помещение и находиться в обозначенных местах [4, с. 45–47]. Однако после принятия УПК РСФСР 1960 г. домашний арест был исключен из перечня мер пресечения. Ю.Ю. Ахминова приходит к выводу, что домашний арест был недостаточно регламентирован в отечественном законодательстве и редко применялся на практике [5].

Поскольку такие запреты, как выход за пределы жилого помещения и нахождение в определенных местах, были тесно связаны только с домашним арестом, серьезные исследования проблем применения запрета определенных действий также не проводились.

Впервые на законодательном уровне отдельные запреты были сформулированы в контексте избрания и применения домашнего ареста. В первоначальной редакции ст. 107 УПК РФ, закрепляющей домашний арест, предусматривалось ограничение свободы передвижения лица, в отношении которого указанная мера пресечения была избрана. Кроме того, законом устанавливались запреты на общение с определенными людьми, получение и отправку корреспонденции, ведение переговоров с использованием любых средств связи. В постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения, в соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ, обязательно указывались ограничения, налагаемые на лицо, в отношении которого она избиралась, а также сведения об органе или должностном лице, которые должны осуществлять надзор за соблюдением установленных ограничений.

Из текста ч. 1 ст. 107 УПК РФ следует, что при избрании домашнего ареста на подозреваемого или обвиняемого должны быть наложены все три запрета. В то же время ч. 3 этой же статьи предписывает установление одного или нескольких ограничений, в зависимости от характера преступления, личности обвиняемого (подозреваемого) и других обстоятельств дела. Данная несогласованность положений ст. 107 влекла за собой противоречивую правоприменительную практику наложения ограничений. Так, Хорошевским районным судом города

Москвы 21 апреля 2010 г. подозреваемому П. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с установлением всех ограничений и запретов. Однако Тверским районным судом 24 февраля 2010 г. подозреваемому М. при избрании домашнего ареста, помимо запрета покидать место жительства (за исключением случаев обращения за медицинской помощью в соответствующие организации и явки в следственный орган), установлено только одно ограничение – общаться с участниками уголовного судопроизводства по уголовному делу, кроме адвоката, прокурора, следователя, руководителя следственного органа [6].

Указанная противоречивая правоприменительная практика негативно влияла на соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

ФЗ № 420 внес существенные коррективы в положения, регламентирующие порядок избрания и применения домашнего ареста. В результате были установлены следующие запреты:

выходить за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый или обвиняемый;

общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

Кроме того, законодатель конкретизировал, что судом к подозреваемому (обвиняемому) могут быть применены все запреты и (или) ограничения либо некоторые из них, в зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств дела [1].

Несмотря на достаточно успешное реформирование домашнего ареста и расширение практики его применения, заключение под стражу по-прежнему остается наиболее распространенной мерой пресечения, избираемой подозреваемым или обвиняемым по решению суда. Так, согласно статистическим данным, за первое полугодие 2018 г. доля удовлетворенных судами общей юрисдикции ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу составила около 88,5% от общего числа удовлетворенных ходатайств об избрании мер пресечения. При этом домашний арест назначался в 11,5% случаев [7]. Приведенная статистика свидетельствует о том, что мера пресечения в виде домашнего ареста как альтернатива заключения под стражу недостаточно эффективна.

В связи с тем, что международными стандартами определено более широкое применение альтернативных мер пресечения, ФЗ № 72 ввел в УПК РФ новую меру – запрет определенных действий (ст. 105.1).

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста» в положениях закона существует ряд пробелов и противоречий, касающихся избрания и применения домашнего ареста, разграничения тяжести положения домашнего ареста, применяемого без установления запрета на выход за пределы жилого помещения и с его установлением, зачета времени нахождения под домашним арестом, не связанного с запретом покидать жилое помещение, в срок содержания под стражей и др. [8]. В связи с этим возникла необходимость в конкретизации запретов и ограничений, не предусматривающих изоляцию подозреваемого (обвиняемого) в жилище и не приравненных к заключению под стражу.

Так, в ст. 105.1 УПК РФ закреплено, что запрет определенных действий избирается по решению суда в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности примене-

ния иной, более мягкой, меры пресечения. Основными ее целями являются возложение на подозреваемого или обвиняемого обязанности своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд (цель, общая для всех мер пресечения, не связанных с лишением свободы), а также соблюдение одного или нескольких предусмотренных законом запретов.

Действующая редакция ст. 105.1 УПК РФ содержит шесть запретов, два из которых (находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) являются новыми.

В заключение необходимо отметить, что исторический анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет говорить о наличии устойчивой тенденции увеличения количества запретов, применяемых к подозреваемому или обвиняемому при избрании и применении домашнего ареста. Данное обстоятельство, в свою очередь, дает возможность прогнозировать появление новых ограничений в рамках исследуемой нами меры пресечения в виде запрета определенных действий.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

3. Кык А.В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7.

4. Шадрин В.С. Домашний арест: обновляемая мера пресечения // Криминалист. 2012. № 1.

5. Ахминова Ю.Ю. Домашний арест как мера пресечения: проблемы избрания и реализации на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017.

1. On amendments to the criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 7, 2011 № 420-FL // Assembly of legislation of the Russian Federation. 2011. № 50. Art. 7362.

2. On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation in the election and the application of measures of restraint in the form of prohibition of certain actions, pledge and house arrest: federal law from April 18, 2018 № 72-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2018. № 17. Art. 2421.

3. Kvyk A.V. Prohibition of certain actions: what you need to know about the new measure of restraint // Criminal proceedings. 2018. № 7.

4. Shadrin V.S. House arrest: updated preventive measure // Criminalist. 2012. № 1.

5. Akhminova Yu.Yu. House arrest as measure of restraint: the problem of the election and implementation at the stage of preliminary investigation: diss. ... Candidate of law. St. Petersburg, 2017.

6. Архив решений судов общей юрисдикции. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo> (дата обращения: 10.04.2019).

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1-е полугодие 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

8. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» (законопроект № 900722-6) // Законотворчество: единая государственная автоматизированная система. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2019).

6. Archive of decisions of courts of law. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo> (date of access: 10.04.2019).

7. Report on the work of courts of General jurisdiction in criminal cases at first instance for the 1st half of 2018 // Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 01.03.2009).

8. Explanatory note to the draft Federal law «On amendments to the Criminal procedure code of the Russian Federation (regarding election and application of preventive measures in the form of pledge, prohibition of certain actions and house arrest)» (bill № 900722-6) // Lawmaking: unified state automated system. URL: <http://www.duma.gov.ru> (date of access: 01.03.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаева Наталия Александровна, адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России; e-mail: natalische1212@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

N.A. Nikolaeva, Adjunct of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: natalische1212@mail.ru

Комаров Игорь Михайлович

Особенности первоначального этапа расследования фальшивомонетничества

В статье рассматривается специфика деятельности правоохранительных органов на первоначальном этапе расследования фальшивомонетничества. Анализируются соответствующие ему типичные следственные ситуации, а также проблемы, возникающие у сотрудников правоохранительных органов на данном этапе, предлагаются пути их разрешения.

Ключевые слова: фальшивомонетничество, первоначальный этап расследования, поддельные денежные знаки, следственная ситуация.

Features of the initial stage of the investigation of for counterfeiting

The article discusses the specifics of the activities of law enforcement agencies at the initial stage of the counterfeiting investigation. The typical investigative situations arising at the initial stage of the investigation of this category of crimes are analyzed. The problems arising at this stage among law enforcement officers were studied, and ways to solve them were proposed.

Key words: counterfeiting, initial stage of investigation, counterfeit bank-notes, investigative situation.

В криминалистической литературе термин «фальшивомонетничество» объединяет преступления, связанные с изготовлением и сбытом поддельных монет, денежных билетов и ценных бумаг. Опыт борьбы с фальшивомонетничеством показывает, что подделка денег является неизменным компонентом экономической преступности, независимо от общественного, экономического и политического устройства. Современному фальшивомонетничеству характерна тенденция использования поддельных денег в качестве инструмента финансирования незаконной преступной деятельности: экстремистской и террористической, проституции, незаконного оборота наркотических средств и др. Это вынуждает государства применять жесткие меры и выделять огромные ресурсы на борьбу с данным негативным явлением. Несмотря на это, число желающих обогатиться за счет изготовления и сбыта поддельных денежных знаков остается стабильно высоким.

В XXI в. преступная деятельность по изготовлению поддельных денег и ценных бумаг получила мощный импульс в связи со стремительным развитием компьютерной техники.

Постоянное совершенствование приемов и методов фальшивомонетчиков, оборудования и современных информационных технологий нивелировали многие меры противодействия данному виду преступной деятельности в Российской Федерации. Об этом свидетельствует статистика Центрального банка Российской Федерации: ежегодно на территории нашей

страны выявляется более 30 тыс. поддельных денежных билетов Банка России и иностранной валюты, ущерб от внедрения которых в денежный оборот исчисляется сотнями миллионов рублей [1].

Важнейшим направлением борьбы с подделкой денег и ценных бумаг выступает совершенствование существующих методик расследования фальшивомонетничества, их адаптация к современным реалиям. Вопросы методического обеспечения расследования фальшивомонетничества неоднократно освещались в юридической литературе. Различные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений данного вида рассматривались в работах Х.А. Асатряна, Б.С. Болотского, А.В. Варданяна, А.Ф. Волынского, А.М. Губиной, В.Д. Ларичева, А.Н. Першина, Е.В. Старикова, С.Б. Шашкина, Н.Г. Шурухнова и других известных криминалистов. К сожалению, большая часть исследований проводилась в конце XX – начале XXI в., поэтому не отражает специфику механизма преступной деятельности по изготовлению и сбыту поддельных денег, сформировавшуюся в последние два десятилетия.

Научно-практическое значение изучения уголовно-процессуальных и организационно-тактических особенностей первоначального этапа расследования преступлений неоднократно подчеркивалось многими учеными-криминалистами. Успех расследования и производства по уголовному делу в целом во многом зависит от правильного выбора необходимых следственных и иных процессуальных действий, их квалифицированного и своевременного выполнения.

Первоначальный этап расследования фальшивомонетничества характеризуется дефицитом информации о лицах, осуществляющих изготовление и сбыт подделок, и обстоятельствах совершения преступления. Поэтому основной задачей первоначального этапа расследования преступлений данной категории становится преодоление информационной неопределенности: поиск и закрепление криминалистически значимой информации о способах изготовления и сбыта поддельного денежного билета, лицах, причастных к совершению преступления.

Для моделирования деятельности следователя на первоначальном этапе расследования, определения направлений и конкретных задач, способов и средств их решения, последовательности выполнения следственных и иных действий в криминалистической методике традиционно применяется ситуационный подход. Анализ материалов судебной и следственной практики показал, что наиболее типичными следственными ситуациями на первоначальном этапе расследования фальшивомонетничества являются:

поддельный денежный знак выявлен сотрудниками финансово-кредитных учреждений, осуществляющих обработку денежных средств;

поддельный денежный знак обнаружен работниками торговых учреждений;

поддельный денежный знак выявлен гражданином в собственных денежных средствах;

факт изготовления или сбыта поддельного денежного знака установлен в результате оперативно-розыскной деятельности.

Наиболее часто денежный билет с признаками подделки выявляется при пересчете денежных средств сотрудниками банковских организаций. В этом случае отсутствует какая-либо информация о лице, осуществившем сбыт денежного знака, обстоятельствах совершения преступления.

При обнаружении сомнительного денежного знака и подтверждении в ходе экспертизы наличия признаков подделки банковские организации в срок не позднее следующего рабочего дня с момента составления справки об итогах исследования [2] извещают органы внутренних дел о факте его выявления. Исследование проводится в расчетно-кассовом центре Банка России, который после его завершения передает поддельный денежный знак в территориальный орган полиции.

Следователь должен истребовать всю имеющуюся в банковском учреждении документацию, позволяющую установить место сбыта поддельных денежных знаков, и провести их технико-криминалистическую экспертизу, по результатам которой может быть принято ре-

шение о возбуждении уголовного дела. При этом в специальной литературе неоднократно отмечалось, что такая экспертиза фактически дублирует исследование специалистов расчетно-кассового центра Банка России [3].

Полагаем, что результатов исследования денежных знаков с признаками подделки, проводимого специалистами расчетно-кассового центра Банка России, уже достаточно для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Отказ от повторной экспертизы, на наш взгляд, позволит оптимизировать деятельность правоохранительных органов на этапе проверки сообщения о преступлении, даст возможность оперативно возбудить уголовное дело и приступить к расследованию преступления с использованием всего арсенала уголовно-процессуальных средств. В том числе обеспечить обстоятельное исследование в ходе технико-криминалистической экспертизы, уже не ограниченной процессуальными сроками проведения предварительной проверки.

Вторая следственная ситуация, когда сомнительный денежный знак выявляется работниками торговых учреждений, характеризуется наличием определенной информации об обстоятельствах сбыта (его месте и времени). В этом случае зачастую известно лицо, осуществившем сбыт, либо задержан сбытчик непосредственно при попытке реализации подделки.

В такой ситуации главной задачей следователя становится отработка частных версий о намерении лица осуществить сбыт поддельного денежного знака, поскольку только наличие умысла образует состав уголовно наказуемого деяния. Кроме того, необходимо провести его допрос с целью выяснения обстоятельств появления поддельного денежного знака в его владении.

Обязательным следственным действием в данной ситуации выступает осмотр места обнаружения денежного знака с признаками подделки, в ходе которого выясняются обстоятельства совершенного преступления, предпринимаются меры по обнаружению и изъятию его следов. К сожалению, на практике данному следственному действию не уделяется должное внимание. Зачастую осмотр места происшествия проводится сотрудником подразделения по борьбе с экономическими преступлениями с целью изъятия денежных знаков с признаками подделки, и специалист к участию в этом следственном действии не привлекается. В результате такого осмотра места происшествия следы преступления не выявляются, не фиксируются и не изымаются.

Основным следственным действием, позволяющим получить криминалистически значимую информацию в случае обнаружения денежного знака с признаками подделки гражд-

данином в собственных денежных средствах, является допрос, в ходе которого необходимо выяснить:

обстоятельства, при которых потерпевший обнаружил поддельные денежные знаки;

признаки, по которым он установил факт подделки;

место и время получения данных денежных знаков.

Кроме того, необходимо установить лицо, от которого были получены фальсификаты, и зафиксировать отличительные черты его внешности и сведения о нем.

Четвертая следственная ситуация заключается в том, что возбуждению уголовного дела предшествует оперативно-розыскная деятельность, направленная на выявление фактов изготовления и сбыта поддельных денежных знаков. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия направлены в первую очередь на установление обстоятельств изготовления или сбыта поддельных денежных знаков, фиксацию и изъятие вещественных доказательств, установление круга причастных к преступлениям лиц. Одной из задач следователя, как отмечает Х.А. Асатрян, является вы-

явление возможных преступных связей с иными организованными преступными группами на территории данного и других регионов, из которых поддельные денежные знаки поступали или в которых они сбывались [4]. Наибольшую сложность у сотрудников правоохранительных органов в данной ситуации вызывают такие следственные действия, как осмотр и изъятие оборудования и материалов, предназначенных для изготовления поддельных денежных знаков. Большинство поддельных денежных билетов изготавливаются при помощи компьютерной техники (принтеров, сканеров, копировально-множительного оборудования) и различного программного обеспечения для обработки изображения. Это предопределяет необходимость в ходе проведения следственных действий фиксировать и изымать различную компьютерную информацию, что нередко вызывает определенные трудности у следователей и оперативных работников, не специализирующихся на расследовании компьютерных преступлений. Для этого необходимо привлекать в ходе осмотра или обыска мест изготовления поддельных денежных знаков соответствующего специалиста.

1. Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России: информационно-аналитические материалы Центрального банка Российской Федерации // Сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/> (дата обращения: 10.08.2019).

2. Суров О.А. Методика расследования фальшивомонетничества: учеб. пособие. Красноярск, 2009.

3. Кочетов К.А. Теоретические и практические проблемы расследования фальшивомонетничества: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2006.

4. Асатрян Х.А. Основные следственные ситуации и первоначальные следственные действия по делам о фальшивомонетничестве // Изв. Иркутской гос. экономической академии. 2006. № 6.

1. Data on the counterfeit bank notes revealed in a banking system of Russia: informational and analytical materials of the Central bank of the Russian Federation // Website of the Central Bank of the Russian Federation. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/> (date of access: 10.08.2019).

2. Surov O.A. Counterfeiting investigation technique: manual. Krasnoyarsk, 2009.

3. Kochetov K.A. Theoretical and practical problems of investigation of counterfeiting: diss. ... Candidate of Law. Kaliningrad, 2006.

4. Asatryan H.A. Main investigative situations and initial investigative actions for cases of counterfeiting // News of the Irkutsk state economic academy. 2006. № 6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного университета; e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.M. Komarov, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics of the Moscow State University; e-mail: mgu.ikomarov@mail.ru

Применение батиметрии в криминалистических целях

В статье рассматривается новый подход к научному пониманию криминалистического обеспечения следственного осмотра, производимого в условиях гидросферы земли (водная среда). Определяются перспективы развития тактики и технологии деятельности следователя, а также лиц, оказывающих ему содействие в проведении следственного осмотра в условиях гидросферы. Обосновывается необходимость учета различных природных, техногенных и иных факторов, непосредственно влияющих на выбор тактико-технологических подходов следователя при выполнении поисково-познавательных действий в ходе рассматриваемого следственного мероприятия.

Ключевые слова: криминалистика, следственный осмотр, гидросфера, следователь, поисково-познавательные действия, криминалистическая тактика, криминалистическая технология, батиметрия.

Application of bathymetry in the criminalistic purposes

In article the new approach to scientific understanding of criminalistic ensuring the investigative survey made in the conditions of the hydrosphere of the earth (the water environment) are considered. The prospects of development of tactics and technology of activity of the investigator and also the persons rendering him assistance in carrying out investigative survey in the conditions of the hydrosphere are defined. Technogenic and other factors having a direct impact on the choice of tactical and technological approaches of the investigator when performing search and informative actions during the considered investigative action is proved.

Key words: criminology, investigative examination, hydrosphere, investigator, search and cognitive actions, criminalistic tactics, criminalistic technology, bathymetry.

Развитие криминалистического знания о технологическом процессе и разработка тактических рекомендаций проведения следственного осмотра в условиях гидросферы требуют серьезного научного анализа данных видов деятельности. Учитывая отсутствие в криминалистике четкой научной системы взглядов на то, как именно надлежит проводить следственный осмотр в указанных условиях, полагаем, что рекомендации должны отражать опыт использования технических средств и подходов к научному познанию явлений и процессов, протекающих в гидросфере. Одним из таких направлений познания гидросферы является метод батиметрии, применяемый для изучения рельефа дна различных водных объектов (озера, реки, моря и т. д.).

Возникновение батиметрической технологии исследования подводной части гидросферы непосредственно связано с поверхностной и подводной навигацией. Как известно, навигация требует хорошего знания в том числе рельефа дна водоемов, где осуществляется судоходство. Изображение дна, полученное в ходе батиметрических исследований, созда-

ется при помощи изобатов, представляющих собой линии с обозначением одинаковой глубины рассматриваемого водоема, показываемой относительно его уровня. С целью наглядного батиметрического отображения дна определенной зоны гидросферы (его структуры и специфических особенностей) происходит оцифровывание модели его рельефа [1].

Батиметрические данные получают при помощи гидроакустических лотов (эхолотов, или сонаров). Крепление указанных приборов может происходить по дну судов (кораблей), что позволяет с точностью до пяти сантиметров определять рельеф дна гидросферы, сканируемого с их помощью. Кроме водного сканирования различных зон гидросферы, ее изучение может происходить и в воздушном пространстве. В отличие от водного, воздушное сканирование характеризуется высокой степенью производительности – до 2,5 тыс. кв. км, если съемка выполняется в масштабе 1:25 000 [2].

Независимо от места расположения акустические устройства работают по единому принципу – подсчет времени между отправкой и приемом отраженного звукового сигнала, кото-

рый проходит специальную обработку с целью получения данных о предполагаемой глубине объекта гидросферы, а также строении дна изучаемого водоема. В последнее время активно стали применяться батиметрические лидары – приборы, являющиеся лазерными локаторами, работающими в ИК-диапазоне. Они позволяют проводить точное комплексное картографирование любых зон гидросферы (реки, озера, шельфовые зоны океанов и морей).

Лидар представляет собой аэрогеодезический прибор, устанавливаемый на различные летательные аппараты. Он позволяет изучать пространство с использованием дальномера. При помощи лидаров исследуются не только труднодоступные зоны гидросферы, где невозможно применение уже известных методов акустической локации, но и примыкающие к гидросфере прибрежные районы суши. В процессе съемки батиметрическим лидаром инфракрасный свет, излучаемый его лазерной установкой, отражается от преграды (земля, водная поверхность), одновременно дополнительное излучение зеленого луча лазера проходит через толщу воды, что позволяет анализировать два разных импульса, определяя при этом глубину водоемов [3]. К сожалению, глубина сканирования зон гидросферы при помощи обозначенных лидаров не превышает 70 м, т. к. в водоемах присутствуют различные химические и механические примеси, препятствующие лучу прибора проникать в глубину [4].

Изучение возможности использования рассмотренных выше приборов в криминалистических целях определяется потребностью решаемых в ходе предварительного расследования задач. В первую очередь это касается организации и проведения следственных действий поисково-познавательной направленности, осуществляемых в гидросферической среде. На сегодняшний момент практически все криминалистические рекомендации по проведению поисково-познавательных следственных действий разработаны применительно к условиям литосферы, под которой понимается земная поверхность (суша). Однако практика предварительного расследования свидетельствует о том, что не только литосфера становится объектом проведения поисково-познавательных действий, но и водная оболочка нашей планеты, которая занимает около 71% ее площади [5].

Вопрос о возможном использовании батиметрических приборов в криминалистических целях в России является актуальным по причине большого количества имеющихся водоемов. Как известно, поверхностные воды (включая болота) занимают 12,4% территории нашей страны. Кроме того, Россия омывается 12 морями мирового океана, общая протяженность береговой линии морей составляет 60985 км, общая площадь акватории, представляющей собой участки водной поверхности, ограниченные естественными, искусственными или условными границами (моря, заливы, бухты, озера, каналы, реки, водохранилища, порты) [4], находящейся под юрисдикцией России, составляет 8,6 млн кв. км. В России более 2,8 млн рек, общая длина которых превышает 12,4 млн км, 2 747 997 озер общей площадью 408 856 кв. км (без учета Каспийского моря). На территории нашей страны находятся в эксплуатации около 30 тыс. водохранилищ и прудов, регулирующих речной сток, суммарный объем которых превышает 800 куб. км. Протяженность береговой линии только водохранилищ в России составляет 75,4 тыс. км, а 1 528 312 км ее территории занято болотами [6].

Приведенные данные свидетельствуют об актуальности разработки криминалистических рекомендаций, направленных на формирование единого научного подхода к эффективной организации и проведению следственных действий поисково-познавательной направленности. В первую очередь это касается случаев, когда имеет место гибель людей в результате водных происшествий, причинение ущерба чужому имуществу, а также преступное нарушение человеком экологического баланса природной среды. По данным статистики, только на море в 2018 г. в России произошло 103 происшествия, в том числе 67 – с судами торгового мореплавания, что повлекло гибель 6 человек, 36 – судами рыбопромыслового флота, в результате 34 человека погибли и 4 получили травмы. Из 116 зафиксированных в 2018 г. случаев транспортных происшествий на морях и внутренних водоемах России 3 связаны с затоплением судов [7].

Необходимость обследования подводных поверхностей, как правило, возникает, когда требуется юридическая оценка происшествия с точки зрения уголовного права. Поскольку гидросфера является достаточно сложной средой для осуществления поисково-

познавательной деятельности при проведении следственных действий, важно предусмотреть возможность использования батиметрических аппаратов для определения глубин водоемов, структуры их дна, а также находящихся в воде затопленных объектов. В связи с этим необходимо понять, как они должны применяться с точки зрения технологического процесса обеспечения следственного действия.

Изучение возможности использования батиметрических аппаратов в следственных целях показывает, что передвижные криминалистические лаборатории (далее – ПКЛ) обязательно должны оснащаться надувными плавательными средствами с возможностью прикрепления к ним гидроакустических лотов. Особых трудностей работа с этими аппаратами у подготовленного человека не вызывает, но требует определенных навыков. Формирование таких навыков должно стать одной из задач подготовки не только следователей, но и тех, кто может принять участие в проведении следственных действий, в том числе осуществляемых в условиях гидросферы, в качестве специалиста-криминалиста.

По нашему мнению, следователь, прежде чем применить гидроакустический лот с плавающего средства, должен проанализировать данные батиметрических лидаров, позволяющих выполнить сканирование места предстоящего осмотра как на конкретном участке водной поверхности, так и береговой линии, прилегающей к ней. Поэтому ПКЛ должно предусматривать наличие батиметрических летательных аппаратов (далее – БПЛА), которые могут крепиться к беспилотным летательным аппаратам, например, различным управляемым дронам. Опыт их применения для батиметрического лазерного сканирования водоемов и их берегов уже существует. О данном факте свидетельствует наличие предложений о продаже лидаров, смонтированных на базе беспилотных управляемых дронов, где систему ScanLook LiDAR серии A устанавливают на летающую платформу DJI Matrice 600 [8].

Предварительное сканирование водоема при помощи лидара дает следователю возмож-

ность определить контур береговой линии, в том числе находящейся вне зоны визуального ее восприятия, глубину водоема и, если позволит прозрачность его воды, формировать первоначальную информацию о состоянии его дна и наличии затопленных объектов.

В ряде случаев данных лидара оказывается достаточно для организации проведения поисково-познавательных действий по изучению гидросферы в интересующем следователя месте, а также сил и средств следственно-оперативной группы и взаимодействующих с ней служб. Кроме того, знание следователем глубин водоемов позволит не только принять необходимые меры безопасности на воде, но и определить виды необходимых технических устройств.

Таким образом, благодаря лидару, прикрепленному к БПЛА, следователь получает необходимые данные для организации поисково-познавательных действий в рамках проводимого им следственного мероприятия. В случае недостаточности батиметрической информации, полученной с лидара, следователь может использовать плавающее средство, на которое крепится гидроакустический лот. Сопоставляя данные, полученные при помощи лидара, с информацией гидроакустического лота следователь может определить точные координаты объекта осмотра, находящегося в водоеме, выяснить, что препятствует проведению следственного действия по изучению объекта осмотра.

Полученные следователем батиметрические данные необходимо отражать в протоколе того следственного действия, при производстве которого они использовались. Помимо этого, в протоколе указываются наименование батиметрического прибора, информация о конкретных точках расположения объектов, находящихся на дне водоема, подлежащих дальнейшему осмотру. Вся цифровая информация приборов батиметрии должна копироваться следователем на определенные носители, приобщаемые к материалам следственного действия.

1. Батиметрия. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 19.06.2019).

2. Батиметрия – наука, которая представляет собой измерение глубин водных объектов. URL: <http://archivis.ru> (дата обращения: 19.06.2019).

3. Батиметрический лидар. URL: <https://desktop.arcgis.com/ru> (дата обращения: 19.06.2019).

4. Водная среда обитания. URL: <http://fb.ru> (дата обращения: 19.06.2019).

5. Экватория. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 16.04.2019).

6. Воды России. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 16.04.2019).

7. Сведения об аварийности с судами на море и внутренних водных путях за 2018 г. URL: <http://sea.rostransnadzor.ru> (дата обращения: 16.04.2019).

8. Лидары (LiDAR). URL: <https://technokauf.ru> (дата обращения: 16.04.2019).

1. Bathymetry. URL: <https://ru.wikipedia.org> (date of access: 19.06.2019).

2. Bathymetry is the science that is the measurement of the depths of water bodies. URL: <http://archivis.ru> (date of access: 19.06.2019).

3. Bathymetric lidar. URL: <https://desktop.arcgis.com/ru> (date of access: 19.06.2019).

4. Aquatic habitat. URL: <http://fb.ru> (date of access: 19.06.2019).

5. Water area. URL: <https://ru.wikipedia.org> (date accessed: 16.04.2019).

6. water of Russia. URL: <https://ru.wikipedia.org> (date of access: 16.04.2019).

7. Information on accidents with ships at sea and inland waterways for 2018. URL: <http://sea.rostransnadzor.ru> (date of access: 16.04.2019).

8. Lidar (LiDAR). URL: <https://technokauf.ru> (date of access: 16.04.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусев Алексей Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: Gusewlescha@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.V. Gusev, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Gusewlescha@yandex.ru

Исследование продуктов аддитивных технологий как перспективное направление совершенствования экспертных методик

В статье рассматривается проблема развития в России аддитивных технологий и их использования в криминальных целях. Анализируются зарубежные исследования, связанные с разработкой экспертных методик идентификации изделий, выполненных на 3D-принтерах.

Ключевые слова: аддитивные технологии, 3D-принтеры, идентификация, криминалистика, судебная экспертиза.

Research of products of the additive technologies as perspective direction of perfecting of expert techniques

In article the development problem in Russia the additive of technologies and their use in the criminal purposes is considered. Foreign researches, the bound to development of expert techniques of identification of the products executed on 3D-printers are analyzed.

Key words: additive technology, 3D-printers, identification, criminalistics, forensics.

В настоящее время создание трехмерных материальных объектов современными техническими средствами стало реальностью. Более того, аддитивное производство достаточно быстро получило свое развитие и вышло за пределы сугубо узкоспециализированного [1, с. 28–35]. Так, согласно данным Аналитического отчета J'son & Partners Consulting 2018 г. [2], применение аддитивных технологий в производстве, маркетинге, проектировании, визуализации для клиентов и руководства компании расширяется с каждым годом.

Опрос 1000 глобальных промышленных компаний, проведенный Sculpteo (облачный сервис-провайдер услуг 3D-печати (Франция) [3], показал, что в 2018 г. более 40% из них уже применяют 3D-печать для изготовления своей продукции (в 2017 г. – 22%).

Мировые промышленные лидеры и эксперты прогнозируют, что к 2030 г. 2/3 всей изготавливаемой продукции будет производиться с напечатанными комплектующими, а к 2030–2050 гг. в ряде производственных отраслей 3D-печать позволит выпускать полностью готовые изделия.

Продукты аддитивных технологий применяются в таких отраслях, как авиационное и космическое производство, автомобилестроение, медицина и стоматология, потребительский сектор.

3D-печать имеет ряд бесспорных преимуществ:

беспрецедентное сокращение производственного цикла и разработки продукта; возможность создавать собственный дизайн (в т.ч. для новых продуктов);

создание различных материалов для печати (полимеры, металлы, композиты и т. д.) и др.

Проблема использования аддитивных технологий в криминальных целях является актуальной для современной России. В стране уже появились производители материалов и дорогостоящих промышленных 3D-принтеров стоимостью от 5 млн рублей, накопилась критическая масса разработок, аддитивная отрасль включена в технологическую повестку государства. Ведущие промышленные центры страны и госкорпорации начали переход от прототипирования, производства оснасток, изучения возможности технологий и НИОКР к ремонту функциональных изделий и выборочной печати конечных рабочих изделий.

Результаты анализа, проведенного J'son & Partners Consulting, свидетельствуют о том, что технологического отставания России в сегменте аддитивного производства нет. По отдельным качественным показателям достижений аддитивного производства (двигатели, турбины, здания, материалы и т. д.) Россия уже сейчас входит в число мировых лидеров по освоению технологий. Но из-за внедренческих, инвестиционных и коммерческих условий и все еще слабой кооперации значительно отстают гражданские отрасли производства в части

применения аддитивного производства и развития сферы коммерческих услуг (3D-печать по требованию). J'son & Partners Consulting заключает, что доля России на сегодняшний день в мировом рынке 3D-печати не превышает 1,5%, что нерепрезентативно как показатель степени освоения технологии в отдельно взятой стране.

Сегодня в России подготавливаются национальные стандарты для данного сегмента, уже создано несколько центров компетенций аддитивных технологий и прототипирования, разработан Комплексный план мероприятий по развитию и внедрению аддитивных технологий в Российской Федерации на период 2018–2025 годы [4], который позволит консолидировать усилия российских ученых и разработчиков средств аддитивного производства.

В целом консультанты J'son & Partners Consulting констатируют, что в России существуют все условия для качественного развития рынка технологий аддитивного производства.

В связи с этим необходимо дать объективную оценку не только положительных последствий развития аддитивных технологий в нашей стране, но и негативных в виде отклика криминальных структур на возможность реализации своих преступных намерений с использованием средств и методов этого передового направления цифрового производства. Известно, что преступное сообщество наиболее чутко реагирует на достижения науки и техники. Говоря о становлении качественно новой преступности в условиях научно-технической революции, Р.С. Белкин отмечает: «Вооружившись новейшими средствами связи, транспорта, прочей техникой, используя все более изощренные, в том числе наукоемкие, методы совершения и сокрытия преступлений, она (преступность. – Авт.) захлестнула Германию, Францию, Англию, США» [5, с. 1].

В прессе (преимущественно зарубежной) периодически появляются публикации о применении аддитивных принтеров для производства контрафактных продуктов, подделки произведений искусства, а также изготовления орудий преступления – отмычек, дубликатов ключей, банковских карт, огнестрельного оружия и его частей, скиммеров [6; 7; 8].

Научное сообщество только начинает оценивать негативные последствия использования 3D-принтеров в нашей стране. Известные нам (единичные в настоящее время) отечествен-

ные исследования в области неправомерного применения аддитивных технологий сводятся к рассмотрению вопросов защиты права интеллектуальной собственности [9, с. 90–102; 10, с. 26–29, 11, с. 23–49] либо баллистического анализа огнестрельного оружия, изготовленного с использованием 3D-принтеров [12, с. 67–70; 13, с. 34–41; 14, с. 196–199], а также проблемы нормативно-правового регулирования, связанные с противодействием незаконному изготовлению оружия рассматриваемым способом [15, с. 121–124].

Вместе с тем внимания отечественных специалистов в области экспертно-криминалистической деятельности, вне всякого сомнения, заслуживает достижение зарубежных ученых, о котором пока известно лишь по кратким новостным сообщениям в научно-популярных интернет-изданиях [15; 16]. Группой исследователей из Университета Буффало (США) разработана и успешно протестирована технология идентификации изделий, изготовленных посредством 3D-принтеров разных моделей [17].

В ходе исследования были определены наиболее значимые для формирования индивидуального паттерна на корпусе изделия конструктивные элементы: печатающая головка с экструдером, нагреватель с соплом и механизмы перемещения. Совокупное движение этих элементов при создании изделия с учетом особенностей морфологии используемого расходного материала создает продукт, микрорельеф (поверхностная структура) которого, по мнению авторов исследования, уникален применительно к каждому конкретному 3D-принтеру. Причем речь идет не только о поверхностном рисунке, но и о структуре краев изделия – месте окончания наложения очередной полосы материала и изменения последующего направления движения основных частей печатающего механизма. В результате было выделено 20 идентификационных признаков изделия, позволяющих с точностью, близкой к 100%, определить конкретный принтер. Более того, признаки остаются неизменными на протяжении 10 месяцев его использования, также не является препятствием идентификации постороннее воздействие на конечное изделие в виде закрашивания или механического затирания его поверхности и даже его разрушения [18; 19].

Результатом исследования стало создание системы идентификации изделий, выполненных на 3D-принтерах, – PrinTracker. Принцип

ее действия основан на сканировании поверхности изделия специально разработанной модификацией сканера штрих-кода, введении полученной информации в специальную базу и сопоставлении ее с массивом имеющихся данных об изделиях, выполненных аддитивным способом. Фактически данная система является аналогом успешно действующих автоматизированных дактилоскопических информационных систем.

Вместе с тем анализ публикаций, посвященных данной разработке, не содержит ответов на ряд существенных вопросов. Во-первых, не уточнен принцип каталогизации видимых проявлений аппаратной и программной конфигурации принтера, таких как скорость выдавливания, диаметр сопла, температурная стабильность и ускорение [20]. Во-вторых, авторы исследования признают, что успешная идентификация 3D-изделий возможна только при условии регистрации 3D-принтеров и регулярного предоставления обновляемых образцов печатных объектов для включения их в базу данных. В противном случае PrintTracker не сможет определить, какой именно принтер создал объект, однако установит его марку и модель. Учитывая вышеизложенное, возникает вопрос о том, как поддерживать и обновлять базу данных, а главное, какие ресурсы для

этого потребуются, если внесение изменений в конструкцию соответствующего 3D-принтера или его программное обеспечение неизбежно отразится на конечном изделии.

Таким образом, несмотря на ряд очевидных недочетов, связанных с недостаточной апробированностью рассмотренного нами изобретения, в целом можно признать, что система PrintTracker является действенным средством предотвращения и раскрытия преступлений. На наш взгляд, результаты данного исследования уже сейчас должны быть взяты отечественными учеными за основу серьезного экспериментального исследования, результатом которого стала бы разработка новой экспертной методики трасологической или трасолого-материаловедческой экспертизы изделий, выполненных на 3D-принтерах.

Такое исследование могло бы носить превентивный характер и обеспечить готовность экспертно-криминалистических служб к использованию объектов, созданных при помощи аддитивных технологий, в криминальных целях, а также стать положительным примером реализации криминалистического принципа внедрения передового зарубежного опыта в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

1. Печать реальности // Бизнес журнал. 2012. № 11(200).

2. Рынок 3D-печати в России и мире (Аддитивное Производство, АП / Additive Manufacturing, AM). 2018. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ (дата обращения: 01.07.2019).

3. The State of 3D Printing. URL: https://www.sculpteo.com/media/ebook/State_of_3DP_2018.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

4. Сформирован План развития аддитивных технологий в России на период до 2025 года // Редкие земли. 2018. 11 июля URL: <http://rareearth.ru/ru/pub/20180711/04016.html> (дата обращения: 01.07.2019).

5. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.

6. AR-15 with 3D printed lower receiver seized in Oregon. URL: <https://3dprintingindustry.com/news/> (дата обращения: 01.07.2019).

7. Homemade gun in Stanford student's murder-suicide spurs question on 'ghost guns'.

1. Printing reality // Business magazine. 2012. № 11 (200).

2. 3D Printing Market in Russia and the World (Additive Production, AP / Additive Manufacturing, AM), 2018. URL: http://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ (date of access: 01.07.2019).

3. The State of 3D Printing. URL: https://www.sculpteo.com/media/ebook/State_of_3DP_2018.pdf_of_3DP_2018.pdf (date of access 01.07.2019).

4. A Plan for the development of additive technologies in Russia for the period up to 2025 has been drawn up // Rare lands. 2018. July 11, URL: <http://rareearth.ru/ru/pub/20180711/04016.html> (date of access: 01.07.2019).

5. Averianova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Criminalistics: textbook for universities / ed. by R.S. Belkin. 2nd ed., rework, and additional. Moscow, 2004.

6. AR-15 with 3D printed lower receiver seized in Oregon. URL: <https://3dprintingindustry.com/news/> (date of access: 01.07.2019).

7. Homemade gun in Stanford student's murder-suicide spurs question on 'ghost guns'.

URL: <https://www.mercurynews.com/2015/08/06/> (дата обращения: 01.07.2019).

8. More Arrests, 3D Printed Gun Fears in Australia. URL: <https://3dprint.com/158490/3d-printed-gun-arrests-melbourne/> (дата обращения: 01.07.2019).

9. Ахобекова Р.А., Загородная А.А., Наумов В.Б. Проблемы правового регулирования трехмерной печати // Закон. 2017. № 4.

10. Воскресенская Е.В. Правовой статус аддитивных технологий: вопросы защиты // Юридические науки как основа формирования правовой культуры современного человека: сб. ст. по итогам Международной научно-практ. конф. М., 2018.

11. Сухарева А.Е. Некоторые вопросы охраны интеллектуальных прав при создании объектов путем 3D-печати // Вестн. гражданского права. 2018. Т. 18. № 1.

12. Дульнев Д.С., Кубитович С.Н. Оружие, изготовленное на 3D-принтере, как новый объект судебной баллистики // Совершенствование деятельности органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений на современном этапе развития России: сб. науч. ст. / под ред. А.Д. Аветисяна. М., 2018.

13. Кокин А.В. 3D-оружие и перспективы его криминалистического исследования // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2.

14. Харин Д.С. Объемная печать как средство для производства самодельного оружия в криминальных целях // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XX Международной научно-практической конференции молодых ученых: в 2 т. Пермь, 2018.

15. Медведицкова Л.В. Технологии 3D-печати при изготовлении огнестрельного оружия. Проблемы в расследовании преступлений / Л.В. Медведицкова, И.А. Неупокоева, Л.А. Кочерова, А.В. Нестеренко // Закон и право. 2019. № 3.

16. Отаров А.А. Перспективы противодействия преступным проявлениям, связанным с использованием объектов, созданных на основе аддитивных (3D-) технологий / А.А. Отаров, В.А. Гаужаева // Юристы-Правоведь. 2019. № 1(88).

17. Каждый 3D-принтер по-своему уникален. URL: <https://www.nkj.ru/news/34689/> (дата обращения: 01.07.2019).

18. 3D printers have 'fingerprints,' a discovery that could help trace 3D-printed guns, counterfeit goods. URL: <http://engineering.buffalo.edu/>

URL: <https://www.mercurynews.com/2015/08/06/> (date of access: 01.07.2019).

8. More Arrests, 3D Printed Gun Fears in Australia. URL: <https://3dprint.com/158490/3d-printed-gun-arrests-melbourne/> (date of access: 01.07.2019).

9. Ahobekova R.A., Zagorodnaya A.A., Naumov V.B. Problems of legal regulation of three-dimensional printing // Law. 2017. № 4.

10. Voskresenskaya E.V. Legal status of additive technologies: protection issues // Legal sciences as a basis for the formation of a legal culture of modern man: coll. of articles on the results of the Intern. sci. conf. Moscow, 2018.

11. Sukhareva A.E. Some issues of protection of intellectual rights in the creation of objects by 3D-printing // Civil Law Herald. 2018. Vol. 18. № 1.

12. Dulnev D.S., Kubitovich S.N. Weapons made on 3D-printer as a new object of forensic ballistics // Improvement of the activity of preliminary investigation bodies and expert-criminalistic units at the present stage of development of Russia: Collection of scientific articles / ed. by A.D. Avetisyan. Moscow, 2018.

13. Kokin A.V. 3D-weapons and perspectives of his forensic research // Theory and practice of forensic examination. 2017. Vol. 12. № 2.

14. Harin D.S. Volumetric seal as a means for the production of homemade weapons for criminal purposes // Norma. Law. Legislation. Law: materials of the XX International Scientific-Practical Conference of Young Scientists: in 2 vols. Perm, 2018.

15. Medveditskova L.V. 3D printing technologies in manufacturing of firearms. Problems in crime investigation / L.V. Medveditskova, I.A. Neupokoeva, L.A. Kocherova, A.V. Nesterenko // Law and right. 2019. № 3.

16. Otarov A.A. Prospects of counteraction to the criminal manifestations connected with the use of the objects created on the basis of the additive (3D-) technologies / A.A. Otarov, V.A. Gauzhaeva // Jurist-Pravoved. 2019. № 1(88).

17. Each 3D printer is unique in its own way. URL: <https://www.nkj.ru/news/34689/> (date of access: 01.07.2019).

18. 3D printers have 'fingerprints,' a discovery that could help trace 3D-printed guns, counterfeit goods. URL: <http://engineering.buffalo.edu/computer-science-engineering/news-and-events/news.host.html/content/shared/university/news/news-center-releases/2018/10/030.detail.html> (date of access: 01.07.2019).

computer-science-engineering/news-and-events/news.host.html/content/shared/university/news/news-center-releases/2018/10/030.detail.html (дата обращения: 01.07.2019).

19. *PrinTracker: Fingerprinting 3D Printers using Commodity Scanners*. URL: <https://cse.buffalo.edu/~wenyaoxu/papers/conference/xu-ccs2018.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

20. *No, Your 3D Printer Doesn't Have a Fingerprint*. URL: <https://hackaday.com/2019/03/12/no-your-3d-printer-doesnt-have-a-fingerprint/> (дата обращения: 01.07.2019).

19. *PrinTracker: Fingerprinting 3D Printers using Commodity Scanners*. URL: <https://cse.buffalo.edu/~wenyaoxu/papers/conference/xu-ccs2018.pdf> (date of access: 01.07.2019).

20. *No, Your 3D Printer Doesn't Have a Fingerprint*. URL: <https://hackaday.com/2019/03/12/no-your-3d-printer-doesnt-have-a-fingerprint/> (date of access: 01.07.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Отаров Алим Арсенович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: examiner81@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Otarov, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: examiner81@mail.ru

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Криминалистика: теория и практика [Электронный ресурс] : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 31 мая 2019 г. / редкол.: Э. С. Данильян, А. Г. Кольчурин, М. Н. Кузьмин, А. В. Гусев, В. И. Еремченко. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019.

В сборнике содержатся материалы VII Международной научно-практической конференции «Криминалистика: теория и практика», отражающие современное состояние и развитие криминалистики и судебно-экспертной деятельности.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Науменко Оксана Александровна

Проблемы в расследовании уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной среды

В статье исследуются проблемы, возникающие в ходе расследования уголовных дел, связанных с мошенничеством, которое совершается с использованием информационно-телекоммуникационной среды, в том числе сети Интернет. Автор приходит к выводу, что рассматриваемые проблемы имеют правовой, организационный и криминалистический характер, предлагает пути их решения.

Ключевые слова: расследование, мошенничество, информационно-телекоммуникационная среда, следователь, способы совершения преступления.

Problems in the investigation of criminal cases of fraud committed using information and telecommunications environment

The article examines the problems arising in the course of the investigation of criminal cases related to fraud committed with the use of information and telecommunications environment, including the Internet. The author comes to the conclusion that the problems under consideration are legal, organizational and forensic in nature, suggests ways to solve it.

Key words: criminal procedure, criminal procedure legislation, preventive measures, house arrest, prohibition of certain actions.

Информационно-телекоммуникационная среда уже давно является частью жизнедеятельности человека, служит для обеспечения доступа к различным информационным ресурсам и системам. В первую очередь это связано с транснациональным характером экономических взаимоотношений в обществе. В то же время методы, способы и средства совершения преступлений в сети Интернет, в том числе мошенничества, становятся все сложнее.

Необходимо отметить, что мошенничество, совершаемое в информационно-телекоммуникационной среде, в том числе в сети Интернет и посредством нее, имеет латентный характер. По данным МВД России за 2018 г., на территории России зарегистрировано 1 991 532 преступления, что на 66944 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-3,3%). В структуре преступности основную массу составляют преступления против собственности (41,3%). Количество мошенничеств (ст. 159–159.6 УК РФ) по сравнению с 2017 г. снизилось на 3,5% и составило 215036 преступлений. Стремительный рост мошенничеств зарегистрирован в

Новосибирской области (на 1883, или 42,7%), Республике Крым (на 1066, или 57,6%), Краснодарском крае (на 1028, или 10,5%), Московской (на 495, или 8,1%), Ленинградской (на 397, или 37,1%) областях. Возросло на 2,2% (57418 деяний) и число предварительно расследованных преступлений данного вида, из которых по 45027 (0,1%) преступлениям уголовные дела направлены в суд.

Однако по итогам 3 месяцев 2019 г. зарегистрировано уже 62,3 тыс. мошенничеств, что на 10,9% больше, чем за аналогичный период 2018 г. Из них раскрыто всего 16926 преступлений [8], т. е. раскрываемость мошенничества за три месяца 2019 г. составила менее 25%.

Полагаем, что такая ситуация обусловлена несколькими причинами: использованием мошенниками информационно-телекоммуникационной среды, исключая личный контакт, удаленностью преступника от жертвы и его действиями по сокрытию следов.

Изучением проблем расследования преступлений, совершаемых посредством или в сети Интернет, занимаются такие ученые, как

А.Л. Осипенко, Е.П. Ищенко, В.Е. Козлов, И.Г. Иванова и др. [3; 4; 5; 6].

Следует отметить, что указанные проблемы имеют не только криминалистический характер. Например, правовые вопросы были разрешены постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [2].

В частности, урегулирован вопрос, связанный с дополнительной квалификацией по ст. 272–273 или 274.1 УК РФ мошенничества в сфере компьютерной информации, совершенного посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или создания, использования и распространения вредоносных программ. Законодатель разъясняет, что если предметом преступления, связанного с мошенничеством, являются безналичные денежные средства, в том числе электронные, то оно считается оконченным с момента их изъятия с банковского счета владельца.

Очевидно, что в ходе раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с мошенническими действиями, совершенными в сети Интернет, возникают различные трудности. Анализ правоприменительной практики показывает, что чаще всего совершаются следующие преступные действия:

- неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации;

- применение вредоносных программ с целью незаконного использования объектов авторского права, в том числе прав на программное обеспечение;

- хищения путем заражения систем дистанционного банковского обслуживания, выставления поддельных POS-терминалов, атак на мобильные устройства, брокерские системы в сети Интернет и банки;

- использование методов социальной инженерии, в результате чего потерпевшие самостоятельно предоставляют злоумышленникам реквизиты своих банковских карт, конфиденциальную информацию, а также паспортные данные, позволяющие провести идентификацию и совершить хищение денежных средств.

Преступники используют различные способы мошенничества и схемы обмана, что вынуждает законодателя вносить коррективы в уголовный закон. Так, Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

Федерации» внесены изменения в ст. 159.3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа), 159.6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), связанные с противоправными действиями преступников с электронными денежными средствами потерпевших.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся способы совершения мошеннических действий в сети Интернет:

- рассылка SMS о выигрыше автомобиля, блокировке банковской карты или с просьбой от якобы родственников о помощи. Зачастую мошенники используют социальные сети для рассылки таких сообщений. Например, при изучении архивных материалов уголовных дел был выявлен следующий способ совершения преступления: в социальной сети «ВКонтакте» потерпевшей поступило сообщение якобы от ее брата Абаева, который просил одолжить ему денежные средства – 13 тыс. руб., перечислить их на счет его банковской карты. В тот же день, примерно в 12 ч, супруг потерпевшей, по ее просьбе, через интернет-приложение «ВТБ-24» перевел со счета своей банковской карты на счет карты мошенника необходимую сумму;

- создание интернет-сайтов либо интернет-магазинов, которые предлагают товары по заниженным ценам, требуя при этом перечисления предоплаты. В таких случаях мошенникам необходимы определенные знания и навыки по созданию сайтов. Так, согласно материалам уголовного дела «05.03.2018 потерпевшая в сети Интернет, на сайте “Юла”, обнаружила объявление о продаже мобильного телефона “Айфон 7+” стоимостью 27 тыс. рублей. Связавшись с продавцом по соответствующему абонентскому номеру, указанному в объявлении, потерпевшая договорилась с ним о покупке указанного телефона. При этом она должна была отправить предоплату – 13 тыс. руб., что она сделала, используя приложение “Сбербанк Онлайн”. Однако 15.03.2018 мошенник на связь с потерпевшей выходить перестал, условленный мобильный телефон “Айфон 7+” не прислал, т. е. обязательства свои не выполнил»;

- предоставление услуг – изготовление, распространение и использование вредоносных программ, которые позволяют дистанционно подменять платежные распоряжения с компьютерных устройств потерпевших либо управ-

лять операциями выдачи денежных средств из банкоматов. Для этого мошенники должны не только быть уверенными пользователями персональных компьютеров, но и владеть специальными программами, позволяющими дистанционно проводить указанные операции.

Анализ правоприменительной практики расследования мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной среды, в том числе Интернета, позволил выявить следующие проблемы:

1. Особенности расследования уголовных дел данной категории связаны с необходимостью установления реального IP-адреса, который может быть зарегистрирован на территории иностранного государства. В таких ситуациях направляется запрос по каналам Интерпола в правоохранительные органы иностранных государств – членов Интерпола о преступлении в области высоких технологий, имеющем международный характер. Срок исполнения указанного запроса может достигать нескольких месяцев, что обусловлено объективными причинами (например, IP-адрес анонимайзера, выходной узел сети Тог и т. п.). От оперативности и добросовестности сотрудников правоохранительных органов иностранного государства зависит установление реального IP-адреса, который может быть привязан к территории России. Свободный и несложный способ использования зарубежных IP-адресов, серверов и ресурсов (например, серверов почтовых ящиков @google.com, @yahoo.com, @aol.com), находящихся вне юрисдикции РФ, практически полностью исключает возможность получения необходимой информации сотрудниками МВД России. Поэтому серьезным препятствием в расследовании преступлений данной категории является отсутствие у России договоров с некоторыми иностранными государствами об оказании правовой помощи в расследовании уголовных дел.

2. Длительность (от 1 до 3 месяцев) получения информации, имеющей доказательственное значение по уголовным делам (сведений о владельцах, биллинге, движении денежных средств по лицевым счетам абонентских номеров), от компаний сотовой связи других регионов, т. к. в большинстве случаев лица, на чьи счета переведены похищенные средства, зарегистрированы в других субъектах Российской Федерации. Преодолеть эту проблему можно путем заключения договоров с соответствующими

организациями об электронном документообороте.

3. Неэффективное использование автоматизированных информационных баз и отсутствие информационно-накопительной системы в следственных подразделениях, например, такой как «Дистанционное мошенничество», используемой в УМВД России по Мурманской области для раскрытия преступлений в сети Интернет.

4. Отсутствие индивидуального подхода к составлению плана согласованных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Так, анализ архивных материалов показал, что зачастую по уголовным делам о мошенничестве с использованием сети Интернет следователи составляли планы по «шаблону», ограничиваясь выдвиганием двух-трех версий. Решение данной проблемы возможно посредством усиления контроля со стороны руководителей следственных органов, организации совместных совещаний по заслушиванию нераскрытых преступлений, в том числе мошенничеств с использованием сети Интернет, с привлечением оперативных работников и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений.

5. Недостаточное количество экспертов, имеющих допуск к производству компьютерно-технических судебных экспертиз, длительность их производства, а также высокая их стоимость в негосударственных экспертных организациях (от 15 до 300 тыс. руб. за одну экспертизу при причиненном в большинстве случаев ущербе от 1 до 15 тыс. руб.). В ряде подразделений штатная численность таких специалистов составляет 1–3 сотрудника. В экспертных криминалистических центрах УМВД России по Владимирской и Калининградской областям в 2018 г. экспертизы по установлению вредоносного программного обеспечения и способов его появления на электронных носителях не производились ввиду отсутствия соответствующих специалистов и технического оснащения. Длительность проведения экспертиз, в том числе обусловленная нехваткой экспертов, имеющих допуск к их производству, является одной из основных причин увеличения процессуальных сроков по уголовным делам указанной категории.

6. Ограниченные сроки хранения информации в банках, платежных системах, операторами сотовой связи, а также ненадлежащее взаимодействие правоохранительных органов

с крупными платежными системами, действующими на территории России.

Актуальным остается вопрос о запрете дополнительного подключения абонентских номеров мобильных телефонов к банковской карте, кроме зарегистрированных непосредственно на ее владельца либо лиц, указанных в договоре.

В практике правоохранительных органов существуют положительные примеры раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети Интернет, которые нельзя оставить без внимания. Так, в 2017 г. в районный суд Саратовской области направлено уголовное дело по обвинению жителя г. Энгельса в совершении 9 преступлений, предусмотренных ч. 2–3 ст. 159 УК РФ. Обвиняемый размещал на сайте Avito.ru объявления о продаже автомобильных колес на литых дисках в сборе на автомобиль марки «Мерседес» по низкой цене, но со 100% предоплатой. После перечисления денежных средств на банковскую карту преступника он прекращал отвечать на телефонные звонки. По результатам анализа MAC-адресов, IP-адресов, детализации телефонных переговоров потерпевших с привязкой к приемопередающим базовым станциям, а также выемки электронных сообщений с электронных почтовых ящиков и их изучения следователями Главного следственного управления ГУ МВД России по Саратовской области совместно с сотрудниками управления уголовного розыска и отдела «К» Бюро специальных технических мероприятий ГУ МВД России по Саратовской области совершенные преступления раскрыты.

В Главном следственном управлении ГУ МВД России по Краснодарскому краю в 2017 г. окончено производством уголовное дело в отношении преступного сообщества. Установлено, что группой лиц в 2013–2014 гг. была организована деятельность по привлечению вкладов граждан в высокодоходные сферы мировой экономики, фондовых и финансовых рынков. Участниками преступного сообщества был создан интернет-сайт, а так-

же использован специальный программный продукт HYIPManagerScript, предназначенный для автоматического вычисления процентов по вкладам на основании заданных администратором параметров и демонстрации в личном кабинете потерпевшим процесса фиктивного начисления процентов по вкладам. Фактически инвестирование денежных средств не осуществлялось, а деятельность преступного сообщества представляла собой финансовую пирамиду. В результате совершения указанных действий 533 гражданам, проживающим на территории Краснодарского края и Республики Адыгея, причинен ущерб на общую сумму 137,5 млн руб.

Отличительной особенностью рассмотренных преступлений является то, что они совершены дистанционно, поэтому их раскрытие и расследование зависят от своевременного проведения комплекса оперативно-розыскных, следственных мероприятий, экспертиз с целью документирования следов преступной деятельности лиц, совершающих преступление, проведения детального анализа используемых преступниками расчетных счетов, абонентских номеров, мобильных устройств, интернет-сайтов и т. д.

Изучение проблем, возникающих при расследовании уголовных дел о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационной среды, позволило сделать вывод о том, что они имеют комплексный характер. Это и правовые (отсутствие нормативной базы для оказания правовой помощи по уголовным делам в некоторых зарубежных странах, договоров об электронном документообороте между органами внутренних дел и компаниями сотовой связи), и организационные (вопросы непроцессуального взаимодействия при расследовании нераскрытых уголовных дел, отсутствие координированного планирования расследования, недостаточное количество экспертов, имеющих допуск к производству соответствующих экспертиз). Полагаем, что для их решения также необходим комплексный подход.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 17.06.2019). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление

1. Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL (with amendment and additional of 17.06.2019). Access from legal reference system «Garant».

2. About court practice on cases of fraud, assignment and waste: resolution of the Plenum of

ние Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

3. IT-справочник следователя / В.Б. Вехов и др.; под ред. С.В. Зуева. М., 2019.

4. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / И.Г. Смирнова и др.; науч. ред. И. Г. Смирнова. М., 2016.

5. Муратова Н.Г. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт / Н.Г. Муратова, М.С. Сергеев; под ред. М.В. Беляева. М., 2019.

6. Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы. Омск, 2009.

7. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве / В.С. Балакшин, В.Б. Вехов, В.Н. Григорьев и др.; под ред. С.В. Зуева. М., 2018.

8. Состояние преступности в Российской Федерации. М., 2019.

9. Электронные носители информации в криминалистике / И.В. Александров и др.; под ред. О.С. Кучина. М., 2017.

the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Nov. 30, 2017 № 48. Access from legal reference system «Garant».

3. *IT reference book by the investigator / V.B. Vekhov, et al.; ed. by S.V. Zuev. Moscow, 2019.*

4. *Cyber crime: criminological, criminal, criminal procedure and criminalistic analysis / I.G. Smirnova, et al.; sci. ed. by I.G. Smirnov. Moscow, 2016.*

5. *Muratova N.G. Legal regulation of application of electronic information and electronic media of information in criminal trial: domestic and foreign experience / N.G. Muratova, M.S. Sergeev; ed. by M.V. Belyaev. Moscow, 2019.*

6. *Osipenko A.L. Network computer crime: theory and practice of fight. Omsk, 2009.*

7. *Information technology development in criminal trial / V.S. Balakshin, V.B. Vekhov, V.N. Grigoriev, et al.; ed. by S.V. Zuev. Moscow, 2018.*

8. *A condition of crime in the Russian Federation. Moscow, 2019.*

9. *Electronic media of information in criminalistics / I.V. Alexandrov, et al.; ed. by O.S. Kuchina. Moscow, 2017.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Науменко Оксана Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: kseny1010@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

O.A. Naumenko, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e-mail: kseny1010@mail.ru

Перспективы использования современных инструментальных методов исследования в рамках производства судебно-медицинской экспертизы трупа

В статье описываются возможности современной рентгеновской компьютерной и магнитно-резонансной томографии, рассматривается учение о виртуальной аутопсии, ее сильных и слабых сторонах. Обосновывается необходимость внедрения в отечественную судебную медицину подходов, исключающих вскрытие трупа при исследовании тела умершего. Излагается поэтапная программа внедрения виртуальной аутопсии в судебно-медицинскую экспертную деятельность.

Ключевые слова: криминалистика, судебно-экспертная деятельность, судебная медицина, аутопсия, виртуальная аутопсия, инструментальная диагностика причин смерти.

Prospects for the use of modern instrumental methods of research in the production of forensic examination of the corpse

In article opportunities modern x-ray computer and magnetic resonance imaging, the doctrine about virtual autopsy, its strong and weaknesses are described. The expediency of introduction in domestic forensic medicine of the approaches excluding need of opening of a corpse at a research of a body of the dead is considered. The stage-by-stage program of introduction of virtual autopsy in the territory of the Russian Federation is stated.

Key words: forensic science, forensic science, forensic medicine, autopsy, virtual autopsy, instrumental diagnosis of causes of death.

Жизнь и здоровье человека являются одними из важнейших ценностей, охраняемых государством. Ответственность за посягательство на них регламентируется гл. 16 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на очевидность совершения преступления, подпадающего под признаки одного из составов, включенных в обозначенную главу УК РФ, невозможно говорить о правильной квалификации содеянного без привлечения специальных знаний в области судебной медицины.

Основание и порядок производства судебно-медицинских экспертиз определены в приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (далее – Порядок). Данный документ, в частности, регламентирует вопросы производства судебно-медицинских экспертиз вещественных доказательств, трупа, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и др., а также иных видов исследований (биохими-

ческое исследование биологических объектов, генетическое, судебно-цитологическое исследования и пр.).

В главе 4 указанного Порядка закреплены: действия эксперта на месте происшествия при осмотре и описании трупа в различных ситуациях (при наличии на теле жертвы следов повреждений от тупых либо острых предметов, при наступлении гибели вследствие падения с высоты, асфиксии, утопления, повешения и др.); порядок и объем проведения наружного и внутреннего исследования трупа и его частей с применением инструментальных и лабораторных методов, а также иные особенности экспертной работы с телом погибшего человека [1].

В рассматриваемом ведомственном нормативном правовом акте [1] также нашли отражение следующие вопросы: действия эксперта при вскрытии трупа; алгоритм описания; порядок действий в нестандартных ситуациях (выявление факта заражения тела погибшего опасной инфекцией, наличие ВИЧ-инфекции и других опасных заболеваний); использование технических средств и предметов инструментальной диагностики.

Следует отметить, что применяемые инструментальные методы исследования не соответствуют современным достижениям науки и техники в области медицины. Так, в Порядке определено, что при изучении биологических объектов, как и проведении комплексной судебно-медицинской экспертизы трупа с целью установления времени наступления смерти, например, используются: метод двумерного стокс-поляриметрического картографирования биологических слоев [2, с. 84–85]; метод изучения электропроводящей способности стекловидного тела [3]; метод спиновых зондов с использованием стекловидного тела и др. [4; 5, с. 85–88]. В ходе исследования трупа применяются такие технические средства, как операционный микроскоп, рентгеновский аппарат, лупа, стереомикроскоп, измерительная линейка, электронные и напольные весы, источник ультрафиолетового и инфракрасного освещения, бактерицидный облучатель, секционный набор, фотоаппарат (как пленочный, так и цифровой), циркуль-ростомер, электропила для распила костей. Данные технические средства ориентированы исключительно на обеспечение возможности осуществления классической аутопсии.

Между тем развитие инструментальных методов исследования в медицине позволяет говорить об исключении или как минимум сокращении числа случаев, когда традиционная аутопсия является обязательной.

В соответствии со ст. 196 УПК РФ судебно-медицинская экспертиза назначается при необходимости установления причины смерти. Аутопсия проводится при насильственной, скоропостижной и внезапной смерти, при подозрении факта оказания некавалифицированной медицинской помощи, а также в иных случаях, требующих установления истинной причины гибели человека. Как правило, в целях исключения криминального характера смерти вскрытие проводится во всех случаях гибели.

Несмотря на то что в правоохранительной практике уже давно используется аутопсия, зарекомендовавшая себя как наиболее точный способ установления причины смерти, у данного подхода есть противники. Прежде всего это связано с религиозными взглядами, а также неприятием подобного обхождения с телом умершего со стороны родственников и близких лиц, что периодически приводит к массовым беспорядкам. Так, например, в

2018 г. серьезные столкновения произошли в Иерусалиме между радикально настроенными ультраортодоксальными евреями и полицейскими, намеревавшимися эвакуировать тело умершего для производства судебно-медицинской экспертизы [6]. Подобные ситуации возникают и в России, в частности, республиках, значительная часть населения которых исповедует ислам. Так, в Чеченской Республике на государственном уровне обсуждается возможность замены классической аутопсии альтернативными методами исследования тела умершего. Более того, в 2017 г. Парламентом Чечни был подготовлен и представлен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект о виртуальной аутопсии – исследовании, позволяющем установить причины смерти человека без традиционного вскрытия тела умершего [7], который, однако, до настоящего времени не принят. В законопроекте в качестве основного средства инструментальной диагностики, обеспечивающего получение информации о состоянии внутренних тканей и органов, предлагается использовать возможности компьютерного и магнитно-резонансного томографа.

Суть томографического исследования основана на послойном анализе структуры различных объектов. Основными достоинствами рентгеновской компьютерной томографии (далее – РКТ) являются: высокая скорость исследования (занимает от одной до пяти минут) со значительным пространственным разрешением получаемых снимков; возможность воссоздания трехмерной модели просканированного объекта; малые эксплуатационные затраты [8, с. 4].

В свою очередь, исследование, проводимое с использованием магнитно-резонансного томографа (далее – МРТ), имеет следующие достоинства: более высокая разрешающая способность и контрастность изображения по сравнению с РКТ; возможность получения изображений сосудов; проведение анализа объекта в любой произвольной плоскости, производство функциональных исследований; определение спектрального состава вещества [8, с. 5].

В то же время данные медицинские приборы не лишены недостатков. Так, РКТ оказывает вредное воздействие на организм человека, снимки делаются исключительно в поперечном сечении, при наличии в теле ме-

талла на них возникают артефакты, требуется подстройка прибора к объекту исследования. Для производства исследования МРТ необходимо значительно больше времени по сравнению с РКТ (от пятнадцати до тридцати минут), при наличии в теле металла на снимках также появляются дефекты и др. [8, с. 4–5].

Сегодня возможности виртуальной аутопсии уже применяются при производстве судебно-медицинской экспертизы трупа в ряде государств, среди которых Швейцария, Германия, Япония, Франция и США [9]. Подобная практика была предложена директором Института судебной медицины Университета г. Цюриха М. Тали, который впоследствии издал первый в мире учебник по производству виртуальной аутопсии – *Virtopsy* [10, с. 93–94]. Его методика основана на использовании в исследовании фотосканера, позволяющего детально запечатлеть внешнее состояние тела умершего, и РКТ, применяемого для построения трехмерной модели внутренних тканей. Также в комплекс виртуального вскрытия включен автоматизированный комплекс *Virtobot*, разработанный при участии профессора Р. Дирнхофера, который позволяет с учетом выстроенной трехмерной модели тела умершего при помощи специальной иглы брать частицы тканей его внутренних органов для их дальнейшего микроскопического и химического исследования [11].

Таким образом, внедрение методики виртуальной аутопсии дает возможность установления причины смерти человека без производства классического вскрытия. Данный метод имеет и другие положительные стороны:

- сводится к минимуму влияние субъективного фактора человека на результаты судебно-медицинского исследования (исключается возможность их фальсификации);

- наглядная трехмерная модель тела погибшего может храниться неограниченно долго в материалах дела и быть подвергнута повторному исследованию при возникновении дополнительных вопросов;

- позволяет более детально изучать различные травмы и повреждения скелета, выявлять патологические состояния;

- снижает риски, связанные с исследованием инфицированных трупов;

- является более гуманным методом исследования тела умершего, что позволяет исключить возникновение конфликтных ситуаций, основанных на религиозных и иных

убеждениях родственников и близких умершему лицу.

Однако следует отметить, что не все так однозначно и невозможно говорить о полной замене классической аутопсии виртуальным вскрытием, т. к. подобная методика имеет ряд недостатков:

- обработка детальной трехмерной модели трупа требует значительных аппаратных ресурсов;

- оценка результатов виртуальной аутопсии зависит не только от судебно-медицинского эксперта, но и от квалификации специалиста-рентгенолога;

- в ряде случаев в результате виртуальной аутопсии могут возникнуть трудности при оценке посмертных трупных явлений (трупных пятен, отеков, эмфизем) и их дифференциальной диагностики с кровоизлияниями, трактовке морфологических изменений во внутренних органах, головном и спинном мозге, поиске и оценке морфологических проявлений асфиксии, отравлений, гипотермических состояний, инфекционных заболеваний, опухолей, сосудистых нарушений и др. [10, с. 93–94].

Кроме того, в настоящее время нормативное, методическое и техническое обеспечение государственных судебно-медицинских экспертных учреждений не позволяет использовать обозначенный метод исследования трупа при производстве судебно-медицинской экспертизы. По данным Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, на территории Российской Федерации функционируют 87 бюро судебно-медицинской экспертизы. Вполне очевидно, что, для того чтобы обеспечить их дорогостоящим оборудованием (цена на восстановленный магнитно-резонансный томограф варьируется от 6 до 30 млн руб., а на новый – от 40 до 64 млн руб. [12]), необходимо сначала наработать отечественную практику его использования при проведении виртуального вскрытия.

Безусловно, возможности виртуальной аутопсии позволят дифференцированно подходить к необходимости производства классической аутопсии, значительно сократить число случаев производства вскрытия тела умершего. Вместе с тем внедрение данного метода исследования в отечественную судебно-экспертную практику, как видится, должно включать в себя следующие этапы:

создание в России центра виртуальной аутопсии, нацеленного на разработку и апробацию методики использования современных возможностей томографов в решении задач судебно-медицинской экспертизы трупа;

учреждение в образовательных организациях Министерства здравоохранения Российской Федерации кафедр виртуальной аутопсии, занимающихся подготовкой соответствующих специалистов;

проработка и реализация нормативной правовой базы, регламентирующей использование виртуальной аутопсии в судебно-медицинской экспертной деятельности;

техническое оснащение танатологических отделов (отделов судебно-медицинской экспертизы трупов) бюро судебно-медицинской экспертизы соответствующими инструментальными средствами медицинской диагностики.

1. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации: приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 09.07.2019).

2. Гараздюк М.С., Батчинский В.Т., Саркисова Ю.В., Паливода Ю.Г. Исследование ликвора методом двумерного стокс-поляриметрического картографирования биологических слоев для определения давности наступления смерти // Судебная медицина. 2016. № 2.

3. Онянов А.М. Динамика импедансометрических показателей стекловидного тела в позднем посмертальном периоде: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2008.

4. Ермакова Ю.В. Определение давности наступления смерти в позднем посмертальном периоде методом спиновых зондов с использованием стекловидного тела: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2012.

5. Приходько А.Н., Лаврукова О.С. К вопросу об использовании биологических объектов для определения давности наступления смерти // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 2.

6. Порат И., Нахшони К. Жители пытались помешать медиками и полицией эвакуировать тело для вскрытия. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5073846,00.html> (дата обращения: 10.07.2019).

7. Чеченский парламент предложил отменить обязательное вскрытие убитых. URL: <https://meduza.io/news/2017/05/05/chechenskiy-parlament-predlozhil> (дата обращения: 10.07.2019).

8. Марусина М.Я., Казначеева А.О. Современное состояние и перспективы развития томографии // Научно-технический вестник

1. About the statement of the Order of the organization and production of forensic medical examinations in the state forensic expert institutions of the Russian Federation: the order of the Ministry of health and social development of the Russian Federation d.d. May 12, 2010 № 346n. URL: <http://www.garant.ru/> (date of access: 09.07.2019).

2. Garaschuk M.S., Batchinsky V.T., Sarkisov Yu.V., Palyvoda Y.G. Study of cerebrospinal fluid method for two-dimensional Stokes polarimetric mapping of biological layers to determine the prescription of death coming // Forensic medicine. 2016. № 2.

3. Onanov A.M. Dynamics of the impedance metric indicators of the vitreous body in the late pomorania period: auth. abstr. ... Candidate of Medicine. Moscow, 2008.

4. Ermakova Y.V. Determination of prescription of death coming in late pomorania period by the method of spin probes with the use of the vitreous body: auth. abstr. ... Candidate of Medicine. Moscow, 2012.

5. Prikhodko A.N., Lavrikova O.S. To the question of the use of biological objects to determine the prescription of death coming // Scientific notes of Petrozavodsk state University. 2017. № 2.

6. Porat I., Nahshoni K. Residents tried to prevent doctors and politickim to evacuate the body for an autopsy. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5073846,00.html> (date of access: 10.07.2019).

7. The Chechen Parliament proposed to abolish the mandatory autopsy of the dead. URL: <https://meduza.io/news/2017/05/05/chechenskiy-parlament-predlozhil> (date of access: 10.07.2019).

8. Marusina M.Ya., Kaznacheeva A.O. Current state and prospects of tomography development // Journal Scientific and technical of information technologies, mechanics and optics. 2007. № 42.

9. Antipova A.M., Bychkov M.V. Virtual autopsy: foreign experience and development prospects

информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 42.

9. Антипова А.М., Бычков М.В. Виртуальная аутопсия: зарубежный опыт и перспективы развития в РФ // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. LXIX Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 10(69). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/10\(69\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/10(69).pdf) (дата обращения: 10.07.2019).

10. Спиридонов В.А. К вопросу развития виртуальной аутопсии в России, или Что делать? // Судебная медицина. 2016. № 2.

11. Richard Dirnhofer, Peter J. Schick, Gerhard Ranner: *Virtopsy – Obduktion neu in Bildern*. Wien, 2010.

12. Сканеры для МРТ. URL: <https://www.mrtmed24.ru> (дата обращения: 10.07.2019).

in Russia // Scientific community of students: Interdisciplinary research: sat. art. on Mat. LXIX international. stud. science.-pract. conf. № 10(69). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/10\(69\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/10(69).pdf) (date of access: 10.07.2019).

10. Spiridonov V.A. *On the development of virtual autopsy in Russia, or what to do? // Forensic medicine. 2016. № 2.*

11. Richard Dirnhofer, Peter J. Schick, Gerhard Ranner: *Virtopsy – Obduktion neu in Bildern*. Wien, 2010.

12. Scanners MRI. URL: <https://www.mrtmed24.ru> (date of access: 10.07.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Еремченко Владимир Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; e-mail: mail_lom@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.I. Eremchenko, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mail_lom@mail.ru

Зайцев Руслан Яковлевич

К вопросу о применении сотрудниками полиции мер пресечения административных правонарушений, связанных с эксплуатацией, использованием и управлением транспортными средствами

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования применения сотрудниками полиции мер отстранения водителя от управления транспортным средством, задержания транспортного средства, запрещения его эксплуатации. Предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: отстранение от управления транспортным средством, задержание транспортного средства, запрещение эксплуатации транспортного средства, применение к задержанному транспортному средству блокирующих устройств.

To the question of the use by the police of measures to prevent administrative violations related to the operation, use and management of vehicles

The article deals with the problems of legal regulation of the use of police removal of the driver from driving, detention of the vehicle, the prohibition of its operation, the ways of their solutions.

Key words: suspension control of a vehicle, detention of the vehicle, the prohibition of the operation of the vehicle, the application of the detainee to the vehicle locking devices.

В сфере обеспечения безопасности дорожного движения в целях пресечения административных правонарушений, связанных с эксплуатацией, использованием и управлением транспортными средствами, административное законодательство предусматривает применение таких мер, как отстранение водителя от управления транспортным средством, задержание транспортного средства, запрещение его эксплуатации [1; 2].

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим применение отстранения от управления транспортным средством и его задержание, является КоАП РФ.

Согласно ч. 1 ст. 27.12 КоАП РФ водитель подлежит отстранению от управления транспортным средством при наличии у него признаков опьянения, а также в случае совершения им правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.3, ч. 2 ст. 12.5, ч. 1 и 2 ст. 12.7 КоАП РФ.

Однако КоАП РФ не разъясняет, что следует понимать под отстранением от управления транспортным средством. В нем говорится только о необходимости применения данной меры в присутствии понятых (или с использованием видеозаписи) и составления соответствующего протокола.

Вместе с тем п. 224 Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения (далее – Административный регламент) предусматривает, что отстранение от управления транспортным средством осуществляется сотрудником полиции «путем запрещения управления этим транспортным средством данным водителем» [2].

Из вышеизложенного следует, что отстранение от управления транспортным средством выражается только в формально вынесенном письменном запрете лицу управлять им, что не может обеспечить эффективность применяемой меры, поскольку водитель имеет возможность нарушить запрет, совершив тем самым правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции). Данный факт будет являться основанием для преследования транспортного средства, его принудительной остановки, применения к водителю физической силы или специальных

средств. Тем не менее управление транспортным средством продолжится, пусть даже на незначительное время, причем в условиях, угрожающих безопасности дорожного движения.

На наш взгляд, отстранение от управления транспортным средством не может выражаться в устном или письменном требовании к водителю не совершать какие-либо действия, направленные на приведение его в движение, даже если он добровольно соглашается его выполнить. Отстранение от управления должно предусматривать реальные действия сотрудников полиции, не позволяющие водителю привести транспортное средство в движение.

В случае отсутствия возможности устранить причины отстранения водителя от управления транспортным средством осуществляется задержание последнего согласно ст. 27.13 КоАП РФ, т. е. исключение транспортного средства из процесса дорожного движения. Применяются следующие способы:

перевозка при помощи автоэвакуатора на специализированную стоянку;

использование на месте задержания блокирующих устройств, исключающих движение транспортного средства;

перемещение транспортного средства под управлением водителя или сотрудника полиции на специализированную стоянку либо в ближайшее место, где оно не будет препятствовать дорожному движению, последующее использование блокирующих устройств.

КоАП РФ детально регламентирует основания, порядок, процессуальное оформление задержания транспортного средства. Применение данной меры конкретизируется в ряде других нормативных правовых актов: постановлении Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 1496 [3], Административном регламенте, законах субъектов РФ, регулирующих перемещение задержанных транспортных средств на специализированные стоянки.

Следует, на наш взгляд, рассмотреть проблемы, связанные с правовым регулированием вышеназванных второго и третьего способов задержания.

В части 1 ст. 27.13 КоАП РФ говорится о том, что в случае невозможности перемещения транспортного средства на специализированную стоянку по техническим причинам задержание осуществляется на месте при помощи блокирующих устройств. В первую очередь это касается тяжеловесных, большегрузных авто-

мобилей и транспортных средств, перевозящих опасные грузы.

Однако заметим, что КоАП РФ не содержит определение понятия «блокирующее устройство», не регламентирует порядок его применения. Соответствующие комментарии отсутствуют и в законах субъектов РФ, регулирующих перемещение задержанных транспортных средств на специализированные стоянки. Данные нормативные правовые акты регламентируют только вопросы их погрузки, перевозки, разгрузки при помощи автоэвакуаторов. В результате применение блокирующих устройств является недействующей правовой нормой.

Перемещение задержанного транспортного средства под управлением самого водителя или сотрудника полиции также требует некоторых пояснений.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 27.13 КоАП РФ основаниями задержания транспортного средства являются следующие правонарушения:

отсутствие регистрационных документов на транспортное средство;

неисправность тормозной системы, рулевого управления, сцепного устройства в составе автопоезда;

движение тяжеловесного или крупногабаритного транспортного средства с превышением допустимых габаритов либо допустимой массы (нагрузки) на ось;

перевозка опасных грузов водителем, не имеющим свидетельства о соответствующей подготовке или допуске транспортного средства к перевозке опасных грузов, либо на транспортном средстве, конструкция которого не соответствует установленным правилам.

Следовательно, при управлении транспортным средством в подобных случаях будет совершено правонарушение, аналогичное тому, за которое транспортное средство и было задержано.

Во-вторых, управление сотрудником полиции задержанным транспортным средством, которое имеет «ограниченную» страховку ОСАГО, подразумевающую, что транспортным средством могут управлять только водители, указанные в страховке, образует состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.37 КоАП РФ.

В-третьих, в законодательстве не закреплен порядок процессуального оформления перемещения задержанного транспортного средства под управлением сотрудника полиции. В результате возникают дополнительные

и незастрахованные риски, связанные с порчей или гибелью имущества. Не исключено, что впоследствии к сотруднику полиции будут предъявлены претензии, связанные с тем, что из салона транспортного средства пропали вещи, появились какие-либо дефекты, например, в работе рулевого управления, тормозной системы, двигателя, деформировано колесо, повреждено лакокрасочное покрытие и т. п.

Кроме того, реализация этого полномочия сотрудника полиции в системной взаимосвязи норм действующего законодательства противоречит отдельным его положениям. Так, КоАП РФ не предусматривает запрещение эксплуатации транспортного средства. Данная мера была исключена из него Федеральным законом от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». До этого момента запрещение эксплуатации выражалось в составлении протокола и снятии с транспортного средства государственных регистрационных знаков. Водителю разрешалось в течение суток продолжать движение к месту устранения причины запрещения эксплуатации.

Сегодня запрещение эксплуатации транспортного средства регламентируется федеральными законами от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» [4] (далее – ФЗ «О безопасности дорожного движения»), от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [5], Правилами дорожного движения РФ [6], Административным регламентом. При этом в них отсутствует определение понятия данной меры, процессуальное ее оформление не регламентируется.

Согласно ст. 19 ФЗ «О безопасности дорожного движения» запрещается эксплуатация транспортного средства, если лицо, управляющее им, находится в состоянии опьянения, владелец не заключил договор ОСАГО либо выявлены технические неисправности, создающие угрозу безопасности дорожного движения.

Речь идет о повреждениях, перечисленных в приложении к Основным положениям по допуску транспортных средств к эксплуатации и

обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения [7].

Способ запрещения эксплуатации указан только в Административном регламенте. Так, при наличии определенных технических неисправностей сотрудник полиции «требует прекратить движение транспортного средства» (п. 68) или предлагает «прекратить движение до устранения соответствующих неисправностей» (п. 259). Исходя из этого, следует отметить, что данная мера выражается в устном запрете водителю управлять транспортным средством.

Согласно п. 259 Административного регламента водитель должен устранить соответствующие неисправности. Однако если это сделать невозможно, то, соблюдая меры предосторожности, ему разрешается продолжить движение к месту ремонта. Исключения составляют случаи, связанные с неисправностями тормозной системы, рулевого управления, сцепного устройства (в составе автопоезда), световых приборов (фар и задних габаритных огней) в темное время суток или в условиях недостаточной видимости, стеклоочистителя со стороны водителя во время дождя или снегопада. Таким образом, запрещение эксплуатации транспортного средства исключает дальнейшее его движение только при наличии неисправностей, создающих серьезную угрозу безопасности дорожного движения.

Для решения проблем правового регулирования рассмотренных мер пресечения представляется необходимым:

сформулировать определения понятий «отстранение от управления транспортным средством», «блокирующее устройство», «запрещение эксплуатации транспортного средства»;

определить порядок процессуального оформления запрещения эксплуатации транспортного средства, предусмотреть административную ответственность для лиц, управляющих транспортным средством, эксплуатация которого запрещена;

признать основанием для отстранения от управления транспортным средством только наличие достаточных оснований полагать, что водитель находится в состоянии опьянения. Это связано с тем, что проведение медицинского освидетельствования на состояние опьянения и наличие в организме водителя алкоголя, а также химико-токсикологического исследования отобранного у него биологического материала, занимает определенное время (до нескольких

недель). Причины для задержания транспортного средства в подобных случаях отсутствуют, поскольку водитель не отказался от медицинского освидетельствования.

Иные основания для отстранения от управления транспортным средством (совершение правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12.3, ч. 2 ст. 12.5, ч. 1 и 2 ст. 12.7 КоАП РФ) следует исключить, поскольку они одновременно являются основаниями для задержа-

ния транспортного средства, что вынуждает сотрудников полиции составлять два практически одинаковых по содержанию протокола: об отстранении от управления транспортным средством и его задержании;

закрепить порядок применения к транспортным средствам блокирующих устройств в законах субъектов РФ, регулирующих вопросы перемещения задержанных транспортных средств на специализированные стоянки, их хранение и возврат.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 7 октября 2018 г. № 13-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 17.05.2019).

2. Административный регламент исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 23 авг. 2017 г. № 664. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 12.03.2019).

3. Об утверждении правил перемещения транспортного средства вооруженных сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формирований при федеральных органах исполнительной власти или спасательных воинских формирований федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны, на специализированную стоянку, а также его хранения, оплаты расходов на перемещение и хранение, возврата транспортного средства: постановление Правительства РФ от 30 дек. 2012 г. № 1496. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 12.03.2019).

4. О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 20 дек. 2017 г. № 398-ФЗ). URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 02.05.2019).

5. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г. № 305-ФЗ). URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2019).

1. Russian Federation Code of Administrative Offences: fed. law d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (edition. of October 7, 2018 № 13-FL) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 17.05.2019).

2. Administrative regulations of execution of the state function by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on implementation of federal state supervision of observance by participants of traffic of requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of traffic safety: order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation d.d. Aug. 23, 2017 № 664. URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 12.03.2019).

3. About the approval of rules of movement of the vehicle of the Armed Forces of the Russian Federation, the National Guard Troops of the Russian Federation, technical, road-building military formations at federal organs of the executive authority or saving military formations of the federal organ of the executive authority authorized on the solution of tasks in the field of civil defense on the specialized parking and also its storages, payments of expenses on movement and storage, return of the vehicle: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 30, 2012 № 1496.

4. About traffic safety: fed. law d.d. Dec. 10, 1995 № 196-FL (an edition d.d. Dec. 20, 2017 № 398-FL). URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 02.05.2019).

5. About police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL (an edition of July 3, 2016 № 305-FL). URL: <http://www.garant.ru> (date of access: 10.04.2019).

6. Traffic regulations of the Russian Federation: resolution of Council of ministers – The Governments of the Russian Federation of October 23, 1993 № 1090 (an edition from Oct. 20, 2017 № 1276). URL: <http://www.garant.ru> (date of the address: 21.11. 2018).

6. *Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 20 окт. 2017 г. № 1276). URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 21.11. 2018).*

7. *Приложение к Основным положениям по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 окт.я 1993 г. № 1090 (ред. от 27 авг. 2018 г. № 995). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.05.2019).*

7. *The annex to Basic provisions on the admission of vehicles to operation and an obligation of public officials for traffic safety: resolution of Council of ministers – The Governments of the Russian Federation from Oct. 23, 1993 № 1090 (an edition from Aug. 27, 2018 № 995). URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 16.05.2019).*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцев Руслан Яковлевич, кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России, тел.: +79676726367.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

R.Ya. Zaitsev, Candidate of Law, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity of the Internal Affairs bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, ph.: + 79676726367.

Равнюшкин Алексей Викторович
Нагорный Александр Петрович
Попов Алексей Николаевич

О совершенствовании осуществления личного досмотра сотрудниками полиции, обеспечивающими охрану общественного порядка в обычных условиях

В статье анализируется современное состояние правового регулирования личного досмотра, определяются основания для его проведения. Изучаются и систематизируются научные подходы к решению вопросов, связанных с применением данной меры административного принуждения. Авторы обосновывают необходимость внесения изменений и дополнений в ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ, предлагают ее новую редакцию.

Ключевые слова: физическое лицо, сотрудники полиции, меры административного принуждения, наружный досмотр, личный досмотр.

On the improvement of the implementation of personal inspection by police officers, ensuring the protection of public order in normal conditions

The article analyzes the current state of the legal regulation of personal searches, identifies the grounds for its conduct. Scientific approaches to the solution of issues related to the use of this administrative coercion measure are being studied and systematized. The authors justify the need for changes and additions to Part 4 of Art. 27.7 of the Administrative Code of the Russian Federation, offer its new edition.

Key words: natural person, police officers, measures of administrative coercion, external inspection, personal inspection.

Досмотр физического лица и вещей, находящихся при нем, является одной из наиболее распространенных мер административного принуждения, применяемых органами внутренних дел Российской Федерации. При личном досмотре должны быть обеспечены безопасность и здоровье граждан, личное достоинство, сохранность полученных сведений. В определенных случаях данная мера требует соблюдения санитарно-гигиенических норм, т. к. ее производство может быть сопряжено с обнажением досматриваемого лица.

В связи с этим соблюдение законности сотрудниками полиции при применении данной меры является одной из актуальных задач, стоящих перед органами правопорядка. Ограничения прав и свобод при личном досмотре осуществляются до вступления в законную силу решения по делу об административном правонарушении, т. е. производятся в отношении лиц, которые, согласно ст. 1.5 КоАП РФ, считаются невиновными в совершении правонарушения.

Проблемы административно-правового регулирования и производства личного досмотра вызывают интерес как в научной среде, так и у практических работников. Для определения путей их решения следует проанализировать нормативные правовые акты, регламентирующие этот вид деятельности сотрудников полиции, предложения ученых по ее совершенствованию, а также практику применения.

А.Ю. Соколов, занимавшийся изучением развития советского законодательства, не обнаружил в нем определения понятия «досмотр». Ученый пришел к выводу, что под досмотром понималась мера административного принуждения, имеющая двойственную природу, административно-предупредительную и административно-процессуальную [1, с. 10–13]. Тем не менее уже тогда активно обсуждался вопрос о том, что сотрудникам патрульно-постовой службы милиции необходимы правовые гарантии их личной безопасности при контакте с задержанными, а наружный осмотр использовался в качестве оптимальной меры ее обеспечения: согласно п. 205 Устава патрульно-постовой

службы советской милиции «в зависимости от обстоятельств наружный осмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других работников милиции, дружинников или граждан. Обнаруженное оружие и предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд милиции или побега, немедленно изымаются» [2, с. 122]. Данное положение с некоторыми изменениями нашло отражение в действующем Уставе патрульно-постовой службы полиции (далее – Устав ППСП) и выступает в качестве правового средства личной безопасности сотрудников правоохранительных органов [3].

Ученые-административисты отмечают, что и в российском законодательстве отсутствует систематизация правовых норм, регламентирующих проведение сотрудниками полиции мероприятий по осмотру и досмотру [4, с. 39]. Анализ действующих нормативных правовых актов показал, что по-прежнему не сформировано и законодательно не закреплено определение досмотра.

М.Е. Труфанов, например, относит личный досмотр к административно-предупредительным мерам, направленным на недопущение правонарушений, и подчеркивает, что основания и порядок его применения требуют дополнительного урегулирования [5, с. 179]. Возможность применения данного вида досмотра сотрудниками полиции закреплена в пп. 16 и 25 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») [7]: сотрудники органов внутренних дел вправе проводить досмотр пассажиров, их ручной клади и багажа на объектах транспорта и т. д. Однако, как справедливо полагают исследователи, не всегда меры административно-предупредительного характера осуществляются с соблюдением процессуальных требований [6, с. 61]. Если сотрудником полиции выявлено административное правонарушение, определены необходимые элементы его состава, то он должен осуществить производство с целью привлечения правонарушителя к административной ответственности. Разумно предположить, что если, например, был установлен факт потребления лицами наркотических средств, то у них могут находиться психоактивные и другие запрещенные вещества, опасные предметы. В целях их выявления сотрудники полиции обязаны досмотреть всех

причастных к правонарушению граждан, составить целый ряд процессуальных документов. Согласно п. 16 ч. 1 ФЗ «О полиции» личный досмотр граждан осуществляется с соблюдением процессуальных норм.

Распространенным видом досмотра физического лица, применяемым сотрудниками полиции при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, является личный досмотр – мера обеспечения административного процесса (ст. 27.7 КоАП РФ). Исследованию данной меры административного принуждения посвящено множество научных работ. Изучением природы личного досмотра, его специфических признаков и особенностей занимался А.В. Мягков [8]. Автор отмечает, что личный досмотр может применяться только в случаях привлечения лица к административной ответственности. Данную точку зрения разделяет О.Ю. Зубкова, указывая, что личный досмотр производится только в связи с совершением правонарушения и в целях, указанных в законе [9, с. 243–244]. Несмотря на то что личный досмотр имеет правовую регламентацию, он нуждается в совершенствовании, т. к. существуют некоторые недостатки в определении оснований и порядка проведения.

При производстве личного досмотра необходимо соблюдать правила, указанные в ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ, согласно которым он осуществляется лицом одинакового пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола, а досмотр вещей, находящихся при физическом лице, – уполномоченными на то должностными лицами в присутствии понятых либо с применением видеозаписи. Однако далеко не всегда имеется возможность обеспечить присутствие понятых, особенно одного пола с лицом, совершившим административное правонарушение. Сотрудник полиции, проводящий досмотр, также может оказаться иного пола, чем правонарушитель.

Некоторые исследователи выступают за упрощение процедуры привлечения понятых. По их мнению, в КоАП РФ необходимо уточнить: «досмотр производится при понятых, если возможно обеспечить их присутствие» [4, с. 62]. Однако такая формулировка нуждается в пояснении, т. к. непонятно, о чем идет речь: отсутствуют кандидаты на роль понятых либо подходящие лица имеются, но их участие в процессуальных действиях невозможно по каким-либо причинам.

КоАП РФ и иные нормативные правовые акты не регламентируют место и условия осуществления личного досмотра. Данный вопрос является важным с точки зрения соблюдения прав граждан. Часть 3 ст. 27.7 КоАП РФ не содержит указаний о возможности или обязанности использования фото- и видеосъемки при личном досмотре физического лица [10, с. 59], однако в ч. 5 этой же статьи говорится о применении данного способа фиксации доказательств «в случае необходимости». Следовательно, в процессе производства личного досмотра, досмотра вещей может осуществляться фото- и видеосъемка, а также иные способы фиксации вещественных доказательств [11, с. 136]. В то же время неясно, фото- и киносъемка вещественных доказательств должна вестись непосредственно в ходе личного досмотра физического лица или после его завершения, когда документируются уже изъятые предметы и орудия совершения административного правонарушения. Кроме того, законодательно необходимо также определить, может ли фото- и видеосъемка заменить присутствие понятых непосредственно при личном досмотре.

Установленные в ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ дозволения являются исключением из общего правила личного досмотра. Ряд исследователей полагают, что причиной, по которой в КоАП РФ допущено проведение данного действия без понятых, является необходимость обеспечения их защиты от противоправных посягательств [10, с. 59]. Проблема заключается в том, что если у сотрудника ОВД нет достаточных оснований полагать (либо нет данных), что у физического лица находятся опасные либо запрещенные предметы, то осуществить личный досмотр в рамках закона не представляется возможным. Как же обеспечить безопасность должностных лиц, сотрудников полиции, осуществляющих личный досмотр? Следует ли законодательно закрепить возможность проведения досмотра сотрудником правоохранительных органов мужского пола женщины-правонарушителя? Ученые приходят к выводу, что ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ следует дополнить положением, позволяющим в исключительных и неотложных случаях, например для предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, осуществлять личный досмотр лиц иного пола [6, с. 63].

Именно проблема обеспечения безопасности сотрудников полиции при пресечении административного правонарушения и прове-

дении личного досмотра граждан обусловила развитие положения о наружном досмотре. Принимая во внимание, что требования п. 266 Устава ППСП об осуществлении наружного досмотра сотрудником того же пола, что и досматриваемое лицо, отсутствуют, как и указания о том, что наружный досмотр осуществляется в присутствии понятых, ряд авторов полагают, что они не требуются и, соответственно, нет необходимости в обеспечении их безопасности [12, с. 204]. В широком смысле наружный досмотр на практике применяется редко, т. к. далеко не каждый сотрудник полиции мужского пола будет проводить наружный досмотр женщины, несмотря на то что требование осуществлять наружный досмотр сотрудником того же пола, что и досматриваемое лицо, в Уставе ППСП отсутствует [12, с. 204; 13, с. 439]. В связи с этим М.В. Сергеев, О.А. Дизер считают, что вопрос о необходимости присутствия понятых при наружном досмотре является дискуссионным и подлежит дальнейшей проработке [4, с. 42].

После проведения наружного досмотра сотрудник полиции должен подготовить соответствующий рапорт, в котором указать изъятое оружие и иные предметы, запрещенные в гражданском обороте. Однако в ситуации, когда изъятое оружие или иной предмет может выступать орудием совершения или предметом административного правонарушения, согласно российскому законодательству, данные действия сотрудников являются незаконными. КоАП РФ не относит рапорт к процессуальным документам. Согласно п. 266 Устава ППСП наружный досмотр осуществляется только в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а не совершивших административное правонарушение. Как справедливо указывает А.Ю. Темников, зачастую сотрудники полиции, заподозрив лицо в совершении преступления, проводят наружный досмотр его одежды и, обнаружив оружие, осуществляют его изъятие без составления протокола. Затем доставляют задержанного в территориальный орган МВД России, оружие помещают туда, откуда его достали, а потом проводят личный досмотр и повторное изъятие в присутствии понятых, что, конечно же, является незаконным [13, с. 439]. Кроме того, имеются установленные судом факты «подбрасывания» вещественных доказательств сотрудниками органов внутренних дел на месте выявления правонарушения и последующее их «изъятие», зафиксированное

в протоколе личного досмотра [14]. В целом необходимо отметить, что вопросы осуществления личного досмотра в связи с совершением лицом общественно опасного деяния, имеющего признаки преступления, до возбуждения уголовного дела, когда уголовно-процессуальные нормы не могут быть применены, остаются недостаточно исследованными [8, с. 30].

Порядок проведения наружного досмотра, закрепленный в Уставе ППСП, противоречит требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. Однако можно согласиться с авторами, которые утверждают, что проведение наружного досмотра задерживаемых и иных лиц, а также досмотра находящихся при них вещей, для обеспечения личной и общественной безопасности является необходимой мерой [15, с. 247]. Главным сегодня является следующий вопрос: необходимо ли предусмотреть наружный досмотр как отдельную правовую административно-предупредительную норму закона или признание необходимости обеспечения личной безопасности понятых и должностных лиц путем досмотра физического лица будет выражено дополнением к действующей процессуальной норме – ст. 27.7 КоАП РФ? Отвечая на этот вопрос, следует помнить о том, что при личном досмотре невозможно полноценно обеспечить безопасность как должностных лиц, его осуществляющих, так и присутствующих при нем понятых, а при наружном досмотре, который не является процессуальным действием, нельзя законно изъять предметы, запрещенные или ограниченные в свободном обороте. Однако в нормативных правовых актах такой «переход» не регламентирован [16, с. 139].

Учитывая огромное значение обеспечения личной безопасности сотрудников полиции и окружающих лиц на месте совершения правонарушений, исследователи приходят к выводу, что необходимо одновременно расширить перечень оснований и целей применения ст. 27.7 КоАП РФ, а также включить положения о наружном досмотре в п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции» [13, с. 440; 15, с. 247; 17, с. 236; 18, с. 343; 19, с. 115; 20, с. 143]. По нашему мнению, принятие отдельной нормы, регламентирующей проведение наружного досмотра, нецелесообразно. В качестве материальной административно-предупредительной меры наружный

досмотр не может широко применяться в обычных условиях и обеспечивать процессуальную сторону изъятия предметов и орудий совершения административных правонарушений. Поэтому представляется необходимым изменить и дополнить ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ, предусмотрев следующее:

1. Указать, что личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, проводятся не только при наличии достаточных оснований полагать, что при нем находятся оружие и предметы, используемые в таком качестве, но и наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги либо новые потенциально опасные психоактивные вещества. Например, шприц с открытой иглой в руках правонарушителя может угрожать жизни и здоровью окружающих. При помощи него он может совершить нападение или оказать сопротивление. В то же время у сотрудников полиции отсутствуют указанные в ст. 182 УПК РФ достаточные данные о том, что у правонарушителя находятся оружие, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые затем могут иметь важное значение для уголовного преследования. Поэтому для производства личного обыска нет достаточных оснований, но они имеются для проведения личного досмотра. В связи с этим необходимо расширить основания проведения личного досмотра.

2. Закрепить положение о том, что личный досмотр в исключительных случаях может производиться в присутствии понятых иного пола, чем досматриваемое лицо. Данное дозволительное положение может способствовать оперативности проведения личного досмотра. В то же время необходимо констатировать, что обычная процедура личного досмотра осуществляется в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ.

3. При наличии достаточных оснований полагать, что у физического лица имеются оружие и предметы, используемые в таком качестве, наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, личный досмотр осуществляется обязательно на месте совершения административного правонарушения. В исключительных случаях он может завершиться после доставления подозреваемого в отдельное помещение территориального органа или подразделения полиции,

в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение при условии, что данные вещества могут быть спрятаны в повязках, протезах, организме и осмотр невозможен без участия специалиста – медицинского работника.

4. Осуществленный на месте обнаружения административного правонарушения личный досмотр не сопряжен с действиями, оскорбляющими честь и достоинство гражданина, т. к. он произведен в соответствии с предлагаемой редакцией ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ. При этом сотрудники полиции обязаны исключить присутствие посторонних лиц, не принимающих участие в личном досмотре.

5. Личный досмотр, досмотр вещей следует проводить в порядке, закрепленном в ст. 12.27 КоАП РФ. Согласно требованиям закона невозможно провести медицинское освидетельствование в медицинской организации, не предложив правонарушителю на месте пройти процедуру освидетельствования на состояние алкогольного опьянения.

Исходя из вышеизложенного предлагаем содержание ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ изложить в следующей редакции:

«В исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги либо новые потенциально опасные психоактивные вещества и (или) оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, обязательно производятся должностным лицом на месте выявления административного правонарушения в присутствии двух понятых того же пола, что и досматриваемое лицо.

В случаях, когда невозможно обеспечить присутствие понятых того же пола, что и досматриваемое лицо, допускается участие понятых иного пола или проведение досмотра без таковых, но с обязательным применением видеозаписи. Личный досмотр на месте выявления административного правонарушения может производиться в том числе должностным лицом иного пола, чем досматриваемое лицо, совершившее административное правонарушение.

В случаях если на месте выявления административного правонарушения личный досмотр осуществляется должностным лицом иного пола в присутствии понятых иного пола или без таковых, но с применением видеозаписи, то досматриваются только имеющиеся на физическом лице элементы и предметы верхней одежды, в том числе складки и карманы.

При наличии достаточных оснований полагать, что у досматриваемого физического лица и после личного досмотра на месте выявления административного правонарушения имеются предметы и (или) орудия совершения административного правонарушения, личный досмотр продолжается после доставления в отдельном помещении территориального органа или подразделения полиции, помещении муниципального органа, ином служебном помещении.

Личный досмотр, осуществляемый после доставления, производится с соблюдением требований части 3 настоящей статьи».

Предлагаемая редакция ч. 4 ст. 27.7 КоАП РФ отражает оптимальный порядок действий сотрудников полиции, осуществляющих предупреждение и пресечение административных правонарушений во время охраны общественного порядка в обычных условиях.

1. Соколов А.Ю. Развитие законодательства о досмотре как мере административного принуждения в советский период // История государства и права. 2011. № 21.

2. Устав патрульно-постовой службы советской милиции: приказ МВД СССР от 20 июля 1974 г. № 200. М., 1974.

3. Устав патрульно-постовой службы полиции «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции»: приказ МВД России от 29 янв. 2008 г. № 80 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 27.

1. Sokolov A.Yu. Development of legislation on inspection as a measure of administrative coercion in the Soviet period // History of state and law. 2011. № 21.

2. The Charter of the patrol service of the Soviet militia: approved. order of the Ministry of internal Affairs of the USSR d.d. July 20, 1974 № 200. Moscow, 1974.

3. The Charter of the patrol service of police «Questions of the organization of activity of front divisions of patrol and sentry service of police»: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia d.d. Jan. 29, 2008 № 80 // Bull. of regulations of Federal Executive authorities. 2008. № 27.

4. Сергеев М.В., Дизер О.А. Вопросы регламентации досмотровых и осмотровых мероприятий, осуществляемых сотрудниками полиции в отношении физических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3(45).
5. Труфанов М.Е. Проблемы административно-правового регулирования применения личного досмотра // Актуальные проблемы современной науки: материалы III Международной научно-практической конференции. 2014. Вып. 3. Т. 1.
6. Газизов Д.А., Мягков А.В., Радько С.Ф. Процедура применения милицией досмотра // Полицейское право. 2005. № 3.
7. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 5 дек. 2017 г.) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
8. Мягков А.В. Досмотр как мера административно-процессуального обеспечения, применяемая милицией // Полицейское право. 2006. № 1(5).
9. Зубкова О.Ю. Личный досмотр как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Научные открытия – 2018: материалы XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018.
10. Черкасова Е.К. Особенности правового регулирования и производства личного досмотра // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. №1.
11. Сошин А.А., Желтобрюх А.В. О некоторых вопросах применения личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, сотрудниками полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. Иркутск, 2017. Т. 1.
12. Безгачев Ф.В., Крупин В.А. Актуальные проблемы проведения личного и наружного досмотра сотрудниками органов внутренних дел // Novaum. 2017. № 10. URL: <http://novaum.ru/> (дата обращения: 25.02.2019).
13. Темников А.Ю. О некоторых вопросах проведения наружного досмотра сотрудниками полиции // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной Всероссийской науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) / под общ. Ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб., 2018.
14. Решение Красносельского районного суда Санкт-Петербурга по делу № 2-4281/2017 от 28 июня 2017 г. о компенсации морального вреда в связи с незаконным личным досмотром. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/> (дата обращения: 25.02.2019)
15. Бабин С.В. К вопросу о законности применения полицией наружного досмотра // NOVAUM.RU. 2018. №15.
4. Sergeev M.V., Dizer O.A. Issues of regulation of inspection and inspection activities carried out by police officers against individuals // Legal science and law enforcement practice. 2018. № 3(45).
5. Trufanov M.E. Problems of administrative and legal regulation of the use of personal inspection // Actual problems of modern science: proc. of the III Intern. sci.-pract. conf. 2014. Iss. 3. Vol. 1.
6. Gazizov D.A., Myagkov A.V., Radko S.F. Procedure of police inspection // Police law. 2005. № 3.
7. About police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 (as amended on Dec. 5, 2017) № 3-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
8. Myagkov A.V. Inspection as a measure of administrative procedural support applied by the police // Police law. 2006. № 1(5).
9. Zubkova O.Yu. Personal inspection as a measure of ensuring the proceedings in the case of an administrative offense // Scientific discoveries – 2018: proc. of the XXXVIII Intern. sci. and pract. conf. Moscow, 2018.
10. Cherkasova E.K. Features of legal regulation and production of personal inspection // Bull. of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. №1.
11. Soshin A.A., Zheltobriukh A.V. About some questions of application of personal inspection, examination of things, held by a natural person, police // Law enforcement Activity in modern conditions: proc. of XXII Intern. sci.-pract. conf.: in 2 vols. Irkutsk, 2017. Vol. 1.
12. Besaces F.V., Krupin V.A. Actual problems of a personal and external inspection by employees of internal Affairs bodies // Novaum. 2017. № 10. URL: <http://novaum.ru/> (date of access: 25.02.2019).
13. Temnikov A.Yu. On some issues of external inspection by police officers // Actual problems of administrative and procedural law: collection of articles on the materials of the annual all-Russian scientific and practical conference (Sorokin readings) / gen. ed. by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. St. Petersburg, 2018.
14. Decision of the Krasnoselsky district court of St. Petersburg in case № 2-4281/2017 d.d. June 28, 2017 on compensation for moral damage in connection with illegal personal inspection // Sud-Praktika.ru. URL: http://sud-praktika.ru/precedent (date of access: 25.02.2019).
15. Babin S.V. On the question of the legality of the use of external inspection by the police // NOVAUM. 2018. № 15.
16. Ravnushkin B.A. External examination as a measure to protect the personal safety of a police officer // Legal science and law enforcement practice. 2017. № 3(41).

16. Равнюшкин А.В. Наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41).

17. Ткаченко В.В., Никулин А.И. Правовые основания проведения наружного досмотра сотрудниками полиции // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2(52).

18. Белов С.В., Водяная М.Ю. Наружный досмотр как мера личной безопасности сотрудника полиции // Актуальные проблемы административной деятельности полиции: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Краснодар, 2015.

19. Дубровин А.К. Наружный досмотр как норма материального права // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015.

20. Пронина С.А., Агеев М.А. Наружный досмотр как мера обеспечения личной безопасности сотрудника полиции // Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов: сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.Н. Суловой. Тверь, 2018.

17. Tkachenko V.V., Nikulin A.I. Legal grounds for the conduct of external inspection by police officers // Leningrad law journal. 2018. № 2(52).

18. Belov S.V., Vodyanaya M.Yu. External inspection as a measure of personal security of a police officer // Actual problems of administrative activity of the police: materials of the all-Russian scientific-practical conference. Krasnodar, 2015.

19. Dubrovin A.K. External inspection as a rule of substantive law // Activities of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the 20th international scientific and practical conference. Irkutsk, 2015.

20. Pronina S.A., Ageev M.A. External inspection as a measure to ensure the personal safety of a police officer // Ensuring human rights in the activities of law enforcement: collection of scientific works / gen. ed. by G.N. Suslova. Tver, 2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Равнюшкин Алексей Викторович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: rav.kin@mail.ru;

Нагорный Александр Петрович, преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: nag.van.ale@mail.ru;

Попов Алексей Николаевич, преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: aleksey.sas.81@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.V. Ravnyushkin, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: rav.kin@mail.ru;

A.P. Nagorny, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nag.van.ale@mail.ru;

A.N. Popov, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksey.sas.81@mail.ru

Котляр Анастасия Ильдаровна

Некоторые аспекты судебно-исковой работы, проводимой в системе МВД России, и ее взаимосвязь с другими направлениями деятельности подразделений правового обеспечения

В статье анализируются причины и условия, способствующие образованию негативной судебной практики по оспариванию постановлений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений МВД России и их должностных лиц. Отмечается необходимость создания действенного механизма по устранению недостатков в организации служебной деятельности подразделений МВД России, а также внесения изменений в существующую нормативную базу МВД России, закрепляющих круг обязанностей структурных подразделений и должностных лиц органов внутренних дел по предотвращению и повышению эффективности судебно-исковой работы.

Ключевые слова: подразделения правового обеспечения, правовая работа, судебно-исковая работа, правовая пропаганда, юрисконсульт, органы внутренних дел.

Some aspects of the judicial and claim work carried out in the system of the Ministry of internal Affairs of Russia and its relationship with other areas of legal support units

In article the reasons and conditions promoting formation of negative judicial practice on contest of resolutions, actions (inaction) of bodies, organizations, divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and their officials are analyzed. Need of creation of the effective mechanism on elimination of shortcomings of the organization of office activity of divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and also modification of the existing regulatory base is noted. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, structural divisions and officials of law-enforcement bodies fixing duties on prevention and increase in effectiveness of judicial and claim work.

Key words: division of legal support, legal work, litigation work, legal advocacy, counsel, the bodies of internal Affairs, MIA of Russia.

Согласно Наставлению по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденному ведомственным приказом 5 января 2007 г. № 6 [1] (далее – Наставление), одним из основных направлений деятельности подразделений правового обеспечения органов внутренних дел является судебно-исковая работа. Задачи данного направления определены в приказе МВД России от 27 декабря 2018 г. № 888 «Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России» (далее – Инструкция) [2].

Судебно-исковая работа направлена на защиту и восстановление нарушенных или оспариваемых прав и охраняемых законом интересов подразделений МВД России в судах, исполнение вступившего в законную силу судебного решения и предотвращение нарушений, которые стали следствием привлечения

подразделения к участию в судебных тяжбах. Суть ее заключается в проведении ответных мероприятий (способами судебной защиты) по искам, которые предъявляются к подразделению МВД России, о взыскании денежных средств из федерального бюджета Российского государства, а также организации работы по предъявлению исков органом (подразделением), в случае нарушения прав и законных интересов такового.

Как утверждает А.Г. Авдейко, «тема судебно-исковой работы в системе МВД России очень объемна и многогранна. Она напрямую зависит от процессов, происходящих как внутри ведомства, так и за его пределами» [3].

Судебно-исковая работа проводится в соответствии с нормами процессуального законодательства, однако в правоохранительной системе она имеет свои особенности. Например, обязанностью юрисконсульта является подго-

товка отзывов и возражений по всем поступающим исковым заявлениям. Признать иск или заключить мировое соглашение представитель подразделения органа внутренних дел имеет право только после прохождения определенной процедуры согласования. Данная мера позволяет исключить необоснованные действия со стороны сотрудника правоохранительного органа, вследствие которых может быть причинен вред как самому подразделению, так и бюджету Российской Федерации.

В Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 г. (далее – Концепция) судебно-исковая работа определяется как приоритетное направление, нуждающееся в правовом урегулировании и совершенствовании [4]. В ней, в частности, акцентируется внимание на проблеме профилактики правонарушений среди сотрудников органов внутренних дел, которые влекут за собой предъявление исковых требований. Разработчики Концепции отмечают необходимость проведения анализа судебной практики, что позволит исключить неблагоприятные результаты судебных тяжб или, демонстрируя прецедент, довести до сведения заинтересованных служб и должностных лиц важность принятия правильного решения в спорных служебных вопросах.

Указанная Концепция утвердила курс развития судебно-исковой работы на последующие пять лет, направленный на повышение ее эффективности.

Защите деловой репутации, чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел в Концепции уделяется особое внимание. В связи с этим в декабре 2018 г. был издан приказ МВД России № 850 «Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России» [5]. Согласно данному приказу правовое консультирование и судебную защиту (восстановление) нарушенных прав сотрудников полиции.

Согласно Обзору основных результатов правовой работы в системе МВД России в 2018 г. наметилась положительная динамика снижения общего количества исков, как предъявляемых, так и удовлетворенных, к системе МВД

России, однако потери федерального бюджета остаются значительными [6, с. 32].

Так, в 2018 г. к органам и подразделениям МВД России было предъявлено на 10,2% исков меньше, чем за аналогичный период прошлого года, а количество удовлетворенных исков уменьшилось на 20,6%. Большая часть исков, удовлетворенных судами, касается оспаривания решений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений и их должностных лиц и (или) о возмещении вреда, причиненного данными действиями (бездействием) – 40,5%, а по взысканным суммам – иски об исполнении договорных обязательств (54,9%).

Сравнивая результаты судебно-исковой работы в системе МВД России в 2016 и 2017 гг., следует отметить, что в 2017 г. первые позиции по числу удовлетворенных исков и взысканных сумм также занимают вышеуказанные категории – 33,8 и 68,4% соответственно [7, с. 27]. В 2016 г. иски об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений и их должностных лиц и (или) о возмещении вреда, причиненного данными действиями (бездействием) предъявлялись чаще всего (31%), а также иски об исполнении договорных обязательств (4,2%) [8, с. 10].

Следовательно, чаще всего удовлетворяются не в пользу правоохранительного органа и причиняют значительный ущерб бюджету Российской Федерации две категории исковых заявлений. Первой категорией являются иски об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений и их должностных лиц и (или) о возмещении вреда, причиненного данными действиями (бездействием), а именно иски, предъявленные: в порядке ст. 1069 ГК РФ [9] (за вред, причиненный государственными органами, а также их должностными лицами) в связи с изъятием имущества, ненадлежащим содержанием граждан в изоляторах временного содержания; в порядке ст. 1070 ГК РФ (за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия) о взыскании компенсации за нарушение прав на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок [10].

Особенностью данной категории дел является то, что они, как правило, возникают вследствие неправомερных действий должностного лица органа внутренних дел, уполномоченного на осуществление определенных обязанностей, порядок исполнения которых четко регламентирован нормативными предписаниями. Примером могут служить нарушения порядка

производства следственных действий следователем по уголовному делу, инспектором дорожно-патрульной службы или участковым уполномоченным полиции при составлении протокола об административном правонарушении и т. д., при обжаловании которых суд всегда принимает решение не в пользу правоохранительного органа.

Какую роль в данном процессе играет сотрудник, чьи действия привели к судебным тяжбам? В пункте 10 Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России закрепляется, что в целях повышения уровня представительства подразделения органа внутренних дел по наиболее сложным делам, существо которых затрагивает различные сферы законодательства и направления оперативно-служебной деятельности, либо если по иным причинам требуется использование специальных познаний, которыми не обладает в полной мере правовое подразделение, а также для сбора определенных доказательств представительство может быть поручено нескольким лицам, в том числе сотрудникам, федеральным государственным гражданским служащим, работникам структурных подразделений либо подразделению в целом, с деятельностью которых связан иск [11]. В Инструкции также указывается, что по решению руководителя подразделения обязанность по сбору доказательств может быть возложена на подразделение, с деятельностью которого связано предъявление иска (п.п. 22.5).

Проанализировав оба предписания, следует отметить их диспозитивность, т.е. Инструкция дает право руководителю подразделения самому принять решение, стоит ли оказывать помощь правовому подразделению или нет. Однако если обжалуется определенное действие (бездействие) сотрудника или документ, исполнителем которого является конкретное лицо, проходящее службу в органе внутренних дел, по нашему мнению, привлечение его как минимум к подготовке материалов для судебной защиты юрисконсульту обязательно.

В связи с этим считаем необходимым изложить п.п. 22.5 Инструкции в следующей редакции:

«22.5. Сбор необходимых по делу доказательств. Обязанность по сбору доказательств возлагается на подразделение (сотрудника), с деятельностью которого связано предъявление иска и на подразделение, уполномоченное на представление интересов органа, организации, подразделения МВД России в суде».

Для профилактики рассматриваемых исков в системе МВД России проводятся следующие

мероприятия: правовая пропаганда, занятия по служебной профессиональной и физической подготовке и т.п. Однако, учитывая статистику проигранных правоохранительной системой исков, этого недостаточно.

Согласно Наставлению и Отчету о состоянии правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации - Форма «Право» [10] правовые подразделения проводят проверки уровня профессиональных знаний по правовой подготовке (зачеты, тестирование и др.) среди руководителей (начальников) органов, организаций, подразделений, сотрудников правовых подразделений и сотрудников иных структурных подразделений. Однако конкретные формы, методы и периодичность их осуществления нормативно не закреплены.

В связи с этим полагаем, что для совершенствования профессиональной грамотности сотрудников по направлениям деятельности, а также профилактики предъявления исковых заявлений об оспаривании решений, действий (бездействия) органов, организаций, подразделений и их должностных лиц и (или) о возмещении вреда, причиненного данными действиями (бездействием), правовые подразделения должны осуществлять независимый контроль знаний по определенной вариативной методике с обсуждением полученных результатов на рабочих совещаниях, методических сборах и т. д.

Кроме того, обобщение данных о конкретном подразделении, допустившем нарушение действующего законодательства, которое привело к удовлетворению исковых требований, позволит выявить иные проблемы и найти оптимальные пути их разрешения. Так, в Отчете о состоянии правоприменительной практики по вопросам признания недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) подразделений системы МВД России, а также их должностных лиц, мерах, принятых для предупреждения и устранения выявленных нарушений есть важная графа - «Требования, удовлетворенные вследствие нарушений, допущенных сотрудниками подразделений (Следствия; Дознания; Уголовного розыска; ЭБиПК; УУП; ГИБДД; Кадровых; По вопросам миграции; Иных)» [13]. Полученные результаты по всем направлениям судебной работы можно использовать для оптимизации служебной деятельности как территориальных органов внутренних дел, так и Договорно-правового департамента МВД России.

На наш взгляд, необходимо внести ряд изменений в Отчет о состоянии правовой работы в

системе Министерства внутренних дел Российской Федерации – Форма «Право»: включить в него пункты, не дублирующие вышеназванный отчет о состоянии правоприменительной практики; конкретизировать порядок предоставления данных о подразделении, чьи действия привели к неблагоприятным последствиям. Для устранения однотипных предписаний и уменьшения документооборота Отчет о состоянии правоприменительной практики по вопросам признания недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) подразделений системы МВД России, а также их должностных лиц, мерах, принятых для предупреждения и устранения выявленных нарушений, необходимо признать утратившим силу.

Перейдем к рассмотрению второй категории исков, лидирующих по количеству взысканных сумм, – иски об исполнении договорных обязательств, которые являются следствием неправильной организации, планирования и контроля за осуществлением хозяйственной деятельности в подразделениях и организациях органов внутренних дел. Данному проблемному вопросу не раз уделялось внимание в нормативных документах, регламентирующих организацию и проведение правовой и хозяйственной работы в системе МВД России, в частности в вышеупомянутой Концепции. В ней акцентируется внимание на необходимости совершенствования ведомственного законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг для нужд органов внутренних дел, разработки типовых форм договоров, повышении качества проверки закупочной документации на соответствие требованиям законодательства [4].

Основной, на наш взгляд, задачей является определение конкретных функций правовых, финансовых, тыловых и иных структурных подразделений МВД России, участвующих в договорной работе. В связи с этим считаем необходимым подготовить общеобязательный документ, который конкретизирует и закрепит полномочия служб и границы их ответственности. В настоящее время разработка такого документа ведется на локальном уровне [14].

Предпосылкой для возникновения судебных тяжб такого характера является некачественная работа по урегулированию конфликтных ситуаций в досудебном порядке. Так, основными направлениями совершенствования правового регулирования деятельности МВД России являются: своевременное принятие к контрагентам мер в связи с неисполнением либо не-

надлежащим исполнением обязательств по заключенным договорам (контрактам); принятие исчерпывающих мер по вопросам досудебного урегулирования хозяйственных споров; обеспечение своевременности и эффективности претензионной работы в органах и организациях системы МВД России [4]. Однако, исходя из данных судебной статистики, до настоящего времени действенные меры по реализации вышеназванных направлений не приняты, нормативные акты в их развитие не изданы.

По мнению А.Г. Авдейко, «...следует скрупулезно проанализировать причины проигранных исков и выработать упреждающие меры по недопущению нарушений, принятие любого рода управленческих решений соотносить с возможными отрицательными последствиями, материальными и имиджевыми потерями для МВД России» [15].

Согласно п. 48 Наставления в процессе досудебного урегулирования спорных ситуаций обязанностью юриста является оказание консультативной помощи по исполнению обязательств, возникающих в ходе договорных правоотношений, и ведение претензионной работы [1] в соответствии с п. 10.13 Типового положения о правовом подразделении территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне [16].

Следовательно, участие юрисконсульта в досудебной стадии не обязательно и зависит исключительно от волеизъявления подразделения, ответственного за «проблемное» направление работы, а оказанные консультации никак не закрепляются, не имеют обязательного характера и не выполняют предупредительную функцию.

Участие юрисконсульта в процессе урегулирования спорного правоотношения должно начинаться с момента его возникновения. Ответственная служба при возникновении соответствующих оснований обязана уведомить об этом подразделение правового обеспечения, которое, в свою очередь, реагирует на данный факт и, используя нормативные предписания, дает разъяснения, касающиеся разрешения возникшей ситуации. Разъяснения должны в первую очередь помочь ответственному подразделению определиться с выбором правильной позиции по возникшему вопросу, а во вторую – стать отправной точкой для предупреждения факторов, способствующих неблагоприятному исходу спорной ситуации. К ответственным сотрудникам, имеющим рекомендации юриста с определенной методикой

действий, которые не были соблюдены и привели к негативным последствиям, должны применяться определенные меры реагирования. Осознавая данный факт, подразделения органов внутренних дел будут подходить к разъяснениям юрисконсультов более ответственно, что в целом позволит разрешать возникающие спорные ситуации в досудебном порядке.

Вышеизложенное подтверждает необходимость разработки и повсеместного внедрения общеобязательного документа, который поможет урегулировать множество ситуаций на начальных стадиях посредством четкого закрепления круга обязанностей участвующих в процессе служб, в том числе и правовой.

Судебно-исковая работа подразделений правового обеспечения МВД России тесно связана с иными направлениями деятельности юристов и может внести свой вклад в их совершенствование. В настоящее время необ-

ходимо привлекать научно-исследовательские ресурсы для разработки ряда действенных мероприятий, которые позволят устранить пробелы в действующем законодательстве.

В.Н. Ткачев подчеркивает, что «просчеты в нормотворчестве, правовом контроле, организации договорно-правовой работы отрицательно влияют на эффективность судебной защиты. В то же время судебная практика предоставляет возможность увидеть недоработки и принять адекватные меры по их исправлению, соответствующие времени и законодательству» [17, с. 43].

Подводя итоги, можно с уверенностью заявить, что судебно-исковая работа, осуществляемая в органах внутренних дел Российской Федерации, имеет свои недостатки и специфику, однако в целом служит достижению общей цели – обеспечению эффективного функционирования системы МВД России.

1. Об утверждении Наставления по организации правовой работы в системе МВД России: приказ МВД России 5 января 2007 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России: приказ МВД России 27 дек. 2018 г. № 888. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 07.05.2019).

3. Авдейко А.Г. Обеспечение защиты интересов территориального органа МВД России в судах и правовая защита его сотрудников // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/> (дата обращения: 06.05.2019).

4. Об утверждении Концепции правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2017 по 2021 год: приказ МВД России от 9 янв. 2017 г. № 1 // Официальный сайт УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве. URL: https://сзао.мск.мвд.рф/Dlja_grazhdan/Pravovaja_pomoshh/documenty/ (дата обращения: 28.04.2019).

5. Об организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России

1. On approval of the Manual on the organization of legal work in the Ministry of internal Affairs: order of the Ministry of internal Affairs of Russia 05.01.2007 № 6 // Legal reference system «ConsultantPlus».

2. On approval of the Instruction on the organization of judicial work in the interior Ministry of Russia: order of the Ministry of internal Affairs of Russia from 27.12.2018 № 888 // Legal reference system «ConsultantPlus». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 07.05.2019).

3. Avdeiko A.G. Protection of the interests of the territorial body of the MIA of Russia in the courts and legal protection of employees // Popular legal almanac of the MIA of Russia «Professional». URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/> (date of access: 06.05.2019).

4. On approval of the Concept of legal regulation and legal support of activities of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation for the period from 2017 to 2021: order of the Ministry of internal Affairs of Russia from January 9, 2017 № 1 // Official website of the Department of internal Affairs on SZAO GU MVD of Russia in Moscow. URL: <https://сзао.мск.мвд.рф/> (date of access: 28.04.2019).

5. About the organization of protection of honor, advantage and business reputation of employees of law-enforcement bodies of the Russian Federation, Federal public civil servants and employees of system of the Ministry of internal

в связи с осуществлением ими служебной деятельности, деловой репутации подразделений системы МВД России: приказ МВД России от 19 дек. 2018 г. № 850. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Обзор основных результатов правовой работы в системе МВД России в 2018 г. // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL: http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal/

7. Обзор основных результатов правовой работы в системе МВД России в 2017 году // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL: http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal/

8. Обзор основных результатов правовой работы в системе МВД России в 2016 году // Модуль «Портал правового информирования» СОДПП ИСОД МВД России. URL: http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal/

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

10. О совершенствовании статистической отчетности о состоянии правовой работы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 16 мая 2016 г. № 250 // Официальный сайт Управления МВД России по Калужской области. URL: <http://40.mvd.pf/> (дата обращения: 15.05.2019).

11. Об утверждении Инструкции по организации судебно-исковой работы в системе МВД России: приказ МВД России от 27 дек. 2018 г. № 888. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2019).

12. Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275. URL: <https://mvd.consultant.ru/> (дата обращения: 17.05.2019).

13. Вопросы правоприменительной практики: приказ МВД России от 28 декабря 2012 г. № 1147 // Официальный сайт Управления МВД России по Калужской области. URL: <http://40.mvd.pf/> (дата обращения: 15.05.2019).

14. Инструкция о порядке организации договорно-правовой работы в ВИПК МВД России // Официальный сайт ВИПК МВД России. URL: <https://vipk.med.pf/> (дата обращения: 07.05.2019).

Affairs of Russia in connection with implementation of official activity, business reputation of divisions of system of the Ministry of internal Affairs of Russia: order of the Ministry of internal Affairs of Russia d.d. Dec. 19, 2018 № 850. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 12.05.2019).

6. Overview of the main results of the legal work in the Ministry of interior of Russia in 2018 // Module «Portal of legal information». URL: http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal/

7. Overview of the main results of the legal work in the Ministry of interior of Russia in 2017 // Module «Portal of legal information». URL: http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal/

8. Overview of the main results of the legal work in the Ministry of interior of Russia in 2016 // Module «Portal of legal information». URL: http://sodpp.it.mvd.ru:8080/new_portal/

9. The Civil code of the Russian Federation (part two): fed. law d.d. Jan. 26, 1996 № 14-FL // Assembly of the legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

10. About improvement of the statistical reporting on a condition of legal work in system of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation: order of the Ministry of internal Affairs of Russia of May 16, 2016 № 250 // Official site of Management of the Ministry of internal Affairs of Russia on the Kaluga region. URL: <http://40.mvd.pf/upload/> (date of access: 15.05.2009).

11. On approval of the Instruction on the organization of judicial work in the interior Ministry of Russia: order of the Ministry of internal Affairs of Russia d.d. Dec. 27, 2018 № 888. URL: <http://www.consultant.ru/cons/> (date of access: 07.05.2019).

12. On approval of the organization of training for the posts in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia d.d. May 5, 2018 № 275. URL: <https://mvd.consultant.ru/> (date of access: 17.05.2019).

13. Law Enforcement Practices Issues: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 28.12.2012 № 1147 // Official site of the Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kaluga Region. URL: <http://40mvd.rf/upload/> (date of access: 15.05.2019).

14. Instructions on the procedure for organizing contractual and legal work in a WIPC of the Ministry of the Interior of Russia // Official site of WIPC of the Ministry of Internal Affairs of Russia URL: <https://vipk.med.pf/> (date of access: 07.05.2019).

15. Авдейко А.Г. Обеспечение защиты интересов территориального органа МВД России в судах и правовая защита его сотрудников // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-protection-of-the-interests/> (дата обращения: 28.04.2019).

16. Об утверждении Типового положения о правовом подразделении территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне: приказ МВД России от 17 дек. 2018 г. № 834 // Официальный сайт Управления МВД России по Кировской области. URL: <http://40.mvd.rf/> (дата обращения: 15.05.2019).

17. Правовая работа в системе МВД России // Бюл. правового информирования. Специальный выпуск. 2016. № 6.

15. Avdeyko A.G. Ensuring the protection of the interests of the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the courts and the legal protection of its employees // Popular-Legal Almanac of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Professional». URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/> (date of access: 28.04.2019).

16. On Approval of the Model Regulations on the Legal Division of the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the Regional Level: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of December 17, 2018 № 834 // Official website of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kirov region. URL: <http://43mvd.rf/> (date of access: 15.05.2019).

17. Legal work in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Legal Information Bulletin. Special issue. 2016. № 6.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котляр Анастасия Ильдаровна, Преподаватель-методист группы профессионального обучения учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; тел.: +73652667110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.I. Kotlyar, Teacher-Methodist group Vocational Training of Training Department of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +73652667110.

Обмен информацией как форма взаимодействия власти и общества

В статье рассматривается одна из наиболее распространенных и эффективных форм взаимодействия власти и общества – обмен информацией. Акцентируется внимание на нормативно-правовом регулировании данной деятельности. Обосновывается необходимость обеспечения доступности онлайн-информации о деятельности государственных органов, что положительно скажется на эффективности общественного контроля и повышении доверия общества государству.

Ключевые слова: обмен информацией, форма взаимодействия власти и общества, общественный контроль, нормативно-правовое регулирование, общественное доверие.

Information exchange as a form of government-society interaction

In article one of the most common and effective forms of interaction of the power and society – exchange of information is considered. The attention to standard is focused legal regulation of this activity. Need of ensuring availability of online information on activity of public authorities is proved that will positively affect efficiency of public control and increase in trust of society to the state.

Key words: information exchange, form of government-society interaction, social control, legal regulation, society trust.

Согласно Конституции Российской Федерации источником государственной власти в России является народ, который наделяется реально действующими возможностями и механизмами управления и организации своей жизни. В связи с этим актуальной проблемой является научное осмысление форм взаимодействия власти и общества, т. к. именно в них раскрывается суть реализации демократии.

Под формой взаимодействия власти и общества понимают способ организации их совместной деятельности, обусловленный ее содержанием, состоянием субъектов и обстоятельствами окружающей действительности. Таких форм достаточно много. Они, как правило, сначала возникают и приобретают популярность в обществе, а затем регламентируются государством.

Одной из наиболее разработанных и нормативно урегулированных форм является информационный обмен, который, по сути, определяет эффективность всех сфер деятельности государства и общества. Он лежит в основе других форм, в частности, общественного контроля.

Содержание информационного обмена включает в себя два потока достоверной информации. С одной стороны, государство от граждан должно узнавать о потребностях общества, правонарушениях, эффективности своей политики и деятельности отдельных ор-

ганов и должностных лиц и т. д., что необходимо для принятия правильных управленческих решений. С другой – граждане должны иметь возможность получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды, расходовании природных ресурсов, приоритетных направлениях государственной политики в разных сферах, мероприятиях, проводимых государственными органами и должностными лицами, результатах их деятельности и т. д. Эти данные необходимы народу для реализации своей власти. Если первый поток информации государством принят, а его организация и обработка не вызывают особых нареканий, то органы власти фиксируют и анализируют любую, даже анонимную, информацию. Обратная же связь – от государства обществу – хотя и признана властью, но нуждается в доработке и развитии. Доверие общества является индикатором налаженности информационного обмена. В условиях развития информационных технологий данной форме уделяется особое внимание.

В целях оценки эффективности организации информационного обмена в России в первую очередь необходимо проанализировать положения нормативно-правовой базы, регулирующие данный процесс. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает основные понятия, порядок обращения с информацией и ее обра-

ничения, меры государственного регулирования информационной сферы и т. д. [1].

Положения о порядке ограничения доступа к информации содержатся в законе РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [2], а также ряде иных нормативных актов различного уровня. Тем не менее этот вопрос, на наш взгляд, окончательно не решен, что приводит к необоснованному засекречиванию различных данных. Такие факты препятствуют адекватному информированию населения и осложняют работу с самой информацией, что снижает эффективность и повышает затратность деятельности государственного механизма.

С точки зрения организации информационного обмена между властью и обществом наибольший интерес представляют федеральные законы от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3] и от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (далее – ФЗ «Об обеспечении доступа к информации») [4].

Первый из указанных законов детализирует и обеспечивает конституционно закрепленное право граждан на обращение в органы власти, устанавливает обязанность всех органов власти принимать, регистрировать любые обращения граждан, давать им письменные ответы, а в случае некомпетентности в вопросах обращения пересылать их в уполномоченные органы с уведомлением заявителя; предусматривает все необходимые сроки и ответственность за нарушение установленного порядка для должностных лиц. Кроме того, сегодня у граждан есть возможность обратиться в различные органы власти через сеть Интернет, что исключает субъективизм при принятии заявлений. На основании вышеизложенного можно отметить, что предусмотренных законом мер достаточно для получения необходимой информации и воздействия на недобросовестных чиновников. При этом непредставление информации возможно только в случае ограничения доступа к ней, о чем уже было сказано выше.

ФЗ «Об обеспечении доступа к информации» закрепляет основные принципы получения сведений о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, среди которых важное значение имеют открытость, достоверность, своевременность ее предоставления.

В нем также предусмотрен такой способ обеспечения доступа к информации, как «размещение государственными органами и органами

местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет». Только эта форма позволяет своевременно и оперативно получать необходимую информацию.

Статья 13 комментируемого закона [4] содержит перечень сведений, составляющих открытую информацию о деятельности органа власти. Он достаточно обширен, однако на сайтах государственных органов размещается минимальное количество информации, вошедшей в перечень. Чем же это обусловлено?

Внимательно изучив закон, следует заметить, что перечень – это всего лишь структура, которая может меняться в зависимости от характера деятельности органа власти. Кроме того, он не обязывает органы власти размещать описанную информацию на своих официальных сайтах в сети Интернет. Устанавливает, что условия использования общедоступной информации, размещаемой в сети Интернет в форме открытых данных, должно разработать Правительство РФ. В 2013 г. такое постановление появилось [5], однако оно также не содержит ни конкретного перечня, ни сроков размещения и хранения необходимой информации, делегируя это решение органам государственной власти и местного самоуправления, которые должны разработать соответствующие нормативные правовые акты и выложить их вместе с иной информацией на сайте организации, в разделе «Открытые данные». В настоящее время такой раздел существует только на сайтах некоторых государственных органов, в том числе Министерства юстиции Российской Федерации.

Как известно, в отраслях публичного права основным средством обеспечения нормы являются санкции. Вопросы дисциплинарной ответственности всегда субъективны, поэтому наиболее эффективным в данном случае будут меры уголовной и административной ответственности.

Уголовная ответственность за неразмещение сведений в Интернете или размещение недостоверных данных в УК РФ не предусмотрена.

В Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации включена специальная ст. 13.27 «Нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и ее размещению в сети Интернет», но она не действует, т. к. предусматривает ответственность только «если обязанность по размещению такой информации в сети Интернет установлена федераль-

ным законом». Однако перечни закрепляются подзаконными нормативными актами.

Таким образом, наиболее эффективная форма получения информации о деятельности органов власти и общественного контроля имеет ряд недостатков, в первую очередь обусловленных пробелами в законодательстве.

Тем не менее, несмотря на то что информации, имеющейся на сайтах государственных органов, может быть недостаточно для осуществления общественного контроля, возможности ее использования посредством современных информационных технологий постоянно совершенствуются и доказывают свою эффективность. Данная концепция развития взаимодействия общества и власти получила название «Электронное правительство». Развитию и регулированию этого направления уделяется внимание в федеральных законах от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и иных нормативных правовых актах подзаконного уровня.

Проанализировав проблемы организации и нормативно-правового регулирования обмена информацией между властью и обществом, можно сделать следующие выводы:

реализация концепции республиканского демократического государства в России настоятельно требует развития различных форм взаимодействия власти и общества. Эта необходимость осознана государственной властью, что подтверждает достаточно большое количество законов и подзаконных нормативных

правовых актов, принятых за последние 10 лет, посвященные данной проблеме;

одной из основных и наиболее значимых форм взаимодействия власти и общества является обмен информацией;

институт взаимодействия государства и общества стремительно развивается, чему способствует использование современных информационных технологий;

вопрос о своевременном, оперативном, постоянном обеспечении общества информацией, необходимой для организации и осуществления общественного контроля, не решен; такая предусмотренная законом форма, как «размещение государственными органами и органами местного самоуправления информации о своей деятельности в сети Интернет», используется редко и непоследовательно. А между тем унификация размещения информации на сайтах органов государственной власти и ее полнота имеют определяющее значение;

нормативно-правовое регулирование данного вопроса, как, впрочем, и всего института взаимодействия власти и общества, осложнено пробельностью и коллизийностью законодательства;

изучение законодательства, регламентирующего порядок реализации такой формы взаимодействия власти и общества, как информационный обмен, еще раз доказывает ранее высказанную нами мысль: «Значимость института взаимодействия власти и общества и огромный массив порой противоречащих друг другу нормативных правовых актов, его регламентирующих, настоятельно требуют кодификации».

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

2. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 29.07.2018). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

4. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ (ред. от

1. About information, information technologies and protection of information: fed. law d.d. July 27, 2006 № 149-FL (as amended on 18.03.2019). URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

2. About the state secret: law of the Russian Federation d.d. July 21, 1993 № 5485-1 (edition of July 29, 2018). URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

3. About the order of consideration of addresses of citizens of the Russian Federation: fed. law d.d. May, 2 2006 № 59-FL (edition of November 27, 2018). URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

4. In providing access to information on activities of state bodies and bodies of local self-government: fed. law d.d. Febr. 9, 2009 № 8-FL (as amended on December 28, 2017).

28.12.2017). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

5. Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных»: постановление Правительства РФ от 10 июля 2013 г. № 583 (ред. от 1.12.2018). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2019). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

7. О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 06.06.2019). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

8. Об электронной подписи: федер. закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016). URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 01.08.2019).

URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

5. About providing access to public information on activity of state bodies and local governments in the information and telecommunication «Internet» in the form of open data»: order of the Government of the Russian Federation d.d. July 1, 2013 № 583 (as amended on December 1, 2018). URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

6. The Code of the Russian Federation about administrative offenses d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (edition of 26.07.2019) (with amendments and additions, entry in force 06.08.2019). URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

7. About the connection: fed. law d.d. July 7, 2003 № 126-FL. URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

8. On electronic signatures: fed. law d.d. Apr. 6, 2011 № 63-FL (amended on 23.06.2016). URL: <http://base.garant.ru> (date of access: 01.08.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пеструилов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных, социально-экономических и информационно-правовых дисциплин Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: pestruilov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.S. Pestruilov, Candidate of History, Associate Professor, Head of the Chair of Humanitarian, Socio-economic and Information-legal Disciplines of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: pestruilov@yandex.ru

Внедрение инновационных педагогических технологий и методов в процесс профессионального обучения сотрудников МВД России

В статье рассматриваются инновационные педагогические технологии и практико-ориентированный подход в профессиональном обучении сотрудников МВД России, анализируются соответствующие формы и методы обучения.

Ключевые слова: инновация, модернизация образования, профессиональное обучение сотрудников органов внутренних дел, педагогическая технология, практико-ориентированный подход.

Introduction of innovative pedagogical technologies and methods in the process of professional training of police officers

This article discusses the concept of innovative pedagogical technology, practice-oriented approach to professional training of police officers, as well as the appropriate forms and methods of training.

Key words: innovation, modernization of education, professional training of police officers, pedagogical technology, practice-oriented approach.

В настоящее время понятие «педагогическая технология» получило широкое распространение в теории обучения и воспитания. Существует несколько определений данного понятия, однако большинство исследователей педагогическую технологию рассматривают как систему функционирования всех компонентов педагогического процесса, построенную на научной основе, запрограммированную во времени и в пространстве, приводящую к намеченным результатам [1, с. 4].

Основу инновационных педагогических технологий и методов обучения составляют:

лично-ориентированное обучение, позволяющее учитывать и использовать в учебно-воспитательном процессе индивидуальные особенности обучающихся;

системно-деятельностный подход в обучении, заменивший вербальный (словесный) подход;

компетентностный подход, который заменил традиционное соотношение знаний, умений, навыков.

Модернизация российского образования и внедрение вышеперечисленных подходов в учебно-воспитательный процесс обусловили необходимость разработки инновационных методов и средств обучения.

Термин «инновация» происходит от латинского слова *innovation* – нововведение. Одни исследователи (А.В. Лоренс, М.М. Поташник, В.А. Сластенин, А.В. Хуторской и др.) рассма-

тривают данное понятие как процесс, а другие (А.Ф. Балакирев, С.Д. Ильенкова и др.) – как новшество [2, с. 271].

Более аргументированной представляется точка зрения А.В. Хуторского, определяющего инновационный процесс как совокупность процедур и средств, с помощью которых педагогическое открытие или идея превращается в социальное, в том числе образовательное, нововведение. При этом автор подчеркивает единство трех составляющих инновационного процесса: создание, освоение и применение новшеств [3].

Следует согласиться с А.В. Хуторским и в том, что термин «инновация» по смыслу наиболее близок к понятию «нововведение», а ключевым компонентом, позволяющим отграничить его от категории «новшество», является вторая часть вышеупомянутого слова – «введение». Новшество может быть представлено в виде идеи, метода и даже технологии, а инновация – это процесс введения, т. е. внедрения и освоения этого новшества. Таким образом, понятия «новшество» и «инновация» не являются синонимами.

Рассмотрим основные требования, предъявляемые к инновационным педагогическим (образовательным) технологиям:

их содержание должно основываться на достижениях современной науки и практики, а также отвечать требованиям к формированию соответствующих компетенций;

методика обучения должна включать в себя активные и интерактивные средства;

образовательная инфраструктура должна соответствовать современному уровню развития информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют создавать безопасное цифровое образовательное пространство, обеспечивающее высокое качество и доступность обучения.

Таким образом, инновационная педагогическая технология (далее – ИПТ) – это система методов, приемов, форм, направленных на эффективное внедрение в образовательный процесс инноваций, улучшающих характеристики как отдельных его компонентов, так и образовательной системы в целом.

ИПТ имеет важное значение для реализации стратегической цели МВД России, заключающейся в совершенствовании кадрового потенциала органов внутренних дел и приведении его в соответствие с критериями инновационного социально ориентированного типа развития Российской Федерации.

Главной целью Национальной доктрины образования в Российской Федерации до 2025 г. является подготовка образованных людей и квалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий. В связи с этим одной из важнейших задач профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел должно стать внедрение технических, технологических, дидактических и организационных инноваций на различных ее уровнях и этапах обучения на компетентностной основе. В то же время важно, чтобы они были четко ориентированы на единую цель, взаимосвязаны и изменялись комплексно. В результате их использования должен возрастать синергетический эффект, т. е. повышаться качество всех видов профессиональной подготовки.

По итогам заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. был утвержден паспорт национального проекта «Образование», в котором модернизация профессионального образования рассматривается как процесс внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ.

Некоторые авторы акцентируют внимание на необходимости использования технологии профессионально-ориентированного обучения, способствующей формированию у обучающихся значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности, а

также знаний, умений и навыков, позволяющих успешно выполнять служебные обязанности. Исследователи предлагают усилить практическую направленность содержания образования, сохранив его фундаментальность.

Данную точку зрения можно считать переходной, промежуточной между знаниевой и компетентностной парадигмами образования. Наиболее обоснованной является позиция А. Вербицкого, Е. Плотниковой, В. Шершневой и др. Авторы, не умаляя значимости теоретического блока, подчеркивают необходимость внедрения ИПТ в образовательный процесс, т. е. реализации таких форм и методов, которые позволяют эффективно формировать профессиональные компетенции (например, мастер-классы, тренинги, деловые игры, проектные и проблемные методики, самостоятельные исследования и т. п.) [4, с. 281].

Практико-ориентированную технологию обучения в образовательных организациях системы МВД России можно определить как последовательность целенаправленных педагогических процедур, операций и приемов, в совокупности составляющих целостную дидактическую систему, реализация которой обеспечивает развитие профессионально значимых качеств личности, а также знаний, умений и навыков, обеспечивающих высокий уровень готовности обучающихся к осуществлению практической правоприменительной деятельности [5, с. 21].

Среди множества ИПТ выделим и рассмотрим те, которые наиболее соответствуют практико-ориентированному подходу и успешно внедряются в процесс профессионального обучения сотрудников МВД России. К ним, прежде всего, относятся: кейс-технологии, технологии игрового обучения, технологии проблемного обучения.

Следует подчеркнуть, что данные ИПТ не должны применяться разрозненно, эффективность процесса обучения возрастает при их грамотном совмещении. В частности, применение кейс-технологий в процессе деловой игры вполне логично и результативно с точки зрения педагогического процесса.

Кейс представляет собой описание конкретной реальной ситуации, подготовленное по определенному формату и предназначенное для формирования следующих компетенций: умение анализировать разные виды информации, обобщать ее, формулировать проблемы и выработать возможные варианты их решения в соответствии с установленными критериями.

Кейсовая технология – это обучение действием. Суть ее состоит в том, что усвоение

знаний и формирование умений есть результат активной самостоятельной деятельности обучающихся по разрешению противоречий, вследствие чего и происходит творческое овладение профессиональными знаниями, навыками, умениями и развитие мыслительных способностей.

Преимуществом кейсов является возможность оптимально сочетать теорию и практику. Данный метод способствует развитию у сотрудника органов внутренних дел умения анализировать ситуации, оценивать альтернативы, выбирать оптимальный вариант и планировать его осуществление. И если в течение учебного цикла такой подход применяется многократно, то у обучающихся вырабатывается устойчивый навык решения практических задач. Безусловно, при моделировании конкретной реальной ситуации должны учитываться проблемные аспекты, и этот факт сближает проблемное обучение и кейс-технологии. Вместе с тем их отличие заключается в том, что кейс не обозначает обучающимся проблему, поэтому участникам образовательного процесса приходится самостоятельно вычленять ее исходя из той информации, которая содержится в описании кейса.

Организация профессиональной подготовки сотрудников МВД России позволяет использовать кейс-технологии как на практических занятиях, так и в ходе промежуточного и итогового контроля, в виде ситуационных задач, направленных на проверку уровня сформированности компетенций по итогам изучения нескольких дисциплин образовательной программы.

Технологии игрового обучения, безусловно, более эффективны в рамках практико-ориентированного подхода в обучении и могут коррелировать в себе не только игровые методы, но и элементы других инновационных педагогических технологий. В структуру игры как деятельности органично входит целеполагание, планирование, реализация цели, а также анализ ее результатов. Мотивация игровой деятельности обеспечивается возможностью выбора и элементом соревновательности, удовлетворения потребности в самоутверждении, самореализации обучающегося.

Особенностями педагогической игры являются четко определенная дидактическая цель и ориентация на соответствующие ей педагогические результаты, которые сформулированы, обоснованы и характеризуются учебно-познавательной направленностью.

В системе профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел игровые технологии наиболее эффективно реализуются в таких формах, как учения (в том числе ком-

плексные) и деловые игры. Введение игровых моментов, основанных на соревновательной мотивации, возможно и в ходе практического занятия, например, при опросе или закреплении пройденного материала.

Технология проблемного обучения в значительной степени соответствует практико-ориентированному подходу, т. к. в основе конструирования проблемной ситуации лежат практические задачи профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Ключевым аспектом данной технологии является противоречие между имеющимися у обучающихся знаниями и необходимостью их углубления и правильного применения. Важно также мотивировать курсантов на решение проблемной ситуации, обеспечить глубокое ее понимание и использовать следующий алгоритм для ее решения: анализ проблемной ситуации, актуализация имеющихся знаний, умений и навыков, выдвижение гипотез, их обсуждение и проверка версий.

Данная технология позволяет работать с обучающимися как индивидуально, так и в составе малых групп, применяя метод «мозгового штурма» при реализации игровых технологий. Таким образом, органичная корреляция двух ИПТ сделает процесс профессионального обучения более качественным и ориентированным на профессиональную деятельность.

Инновационные педагогические технологии, наиболее тесно связанные с практико-ориентированным подходом, реализуются посредством специальных форм, методов и приемов, характерных для профессионального обучения сотрудников МВД России. Среди них можно выделить следующие:

- использование статистических данных, содержащихся в обзорах и материалах, поступающих из различных структурных подразделений МВД России, а также примеров из практической деятельности органов внутренних дел, на занятиях;

- привлечение сотрудников органов внутренних дел к проведению различных видов учебных занятий, а также участию в работе итоговой аттестационной комиссии;

- использование в педагогическом процессе учебно-методических материалов, согласованных с практическими органами;

- организация и проведение круглых столов, деловых игр, учений с участием сотрудников различных организаций (подразделений) МВД России и других ведомств;

- подготовка выпускных и практических квалификационных работ по программам профессионального обучения на основе анализа

деятельности ОВД с приложением процессуальных документов;

проведение выездных практических занятий в подразделениях МВД России;

прохождение стажировок в практических подразделениях полиции преподавателями с целью повышения их педагогического мастерства.

Таким образом, комплексный подход к внедрению инновационных педагогических технологий и методов в процесс профессионального обучения сотрудников правоохранительных органов позволяет реализовать не отдельные методические приемы, а многоэтапный технологичный процесс подготовки кадров для органов внутренних дел.

1. Селевко Г.К. Педагогические технологии на основе дидактического и методического усовершенствования учебно-воспитательного процесса. М., 2015.

2. Мирсияпова А.Р. Основные понятия и определения инноваций и инновационных процессов на региональном уровне // Молодой ученый. 2017. № 6.

3. Хуторской А.В. Педагогическая инноватика – рычаг образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2005. URL: <http://eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm> (дата обращения: 08.04.2019).

4. Иванова С.И. Практико-ориентированное обучение в системе дополнительного профессионального образования образовательных учреждений МВД России (на примере Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 26.

5. Мещерякова Е.И., Панферкина И.С. Управление практико-ориентированным обучением курсантов как условие повышения эффективности профессионально-личностного становления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 2 (53).

1. Selevko G.K. *Pedagogical technologies on the basis of didactic and methodical improvement of educational process*. Moscow, 2005.

2. Mirsiyapov A.R. *Basic concepts and definitions of innovation and innovation processes at the regional level* // *Young scientist*. 2017. № 6.

3. Khutorskoy A.V. *Pedagogical innovation – is the lever of education* // *Internet magazine «Eidos»*. 2005. URL: <http://eidos.ru/journal/2005/0910-19.htm> (date of access: 08.04.2019).

4. Ivanova S.I. *Practice-oriented training in the system of additional professional education of educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia (on the example of the Tyumen Institute of advanced training of employees of the Ministry of internal Affairs of Russia)* // *Scientific-methodical electronic journal «Concept»*. 2014. Vol. 26.

5. Meshcheryakova E.I., Panferkina I.S. *Office practice-oriented training of cadets as a condition of increase of efficiency of professional and personal development* // *Psychopedagogy in law enforcement*. 2013. № 2(53).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыкова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры общеправовых дисциплин Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации; e-mail: press_bfvipk@mvd.gov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.Yu. Rykova, Candidate of Law, Professor of the Chair of General Legal Disciplines of the Bryansk branch of the Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Interior of Russian Federation; e-mail: press_bfvipk@mvd.gov.ru

Актуальные вопросы применения табельного оружия сотрудниками полиции в условиях противоборства с правонарушителем

В статье рассматриваются проблемы применения табельного оружия сотрудниками полиции. Автор указывает на отсутствие методики подготовки сотрудников к применению оружия в нестандартных условиях и предлагает восполнить данный пробел, включив в тематику дисциплины «Специальная физическая подготовка» боевые приемы борьбы, связанные с применением табельного оружия при нападении правонарушителя с близкого расстояния или непосредственном физическом контакте.

Ключевые слова: применение оружия, противоборство, нападение, правонарушитель, экстремальная ситуация.

Topical issues of the use of service weapons by police employees under conditions of confrontation with the offender

The article deals with the problems of use of service weapons by police officers. The author points to the lack of methods for preparing employees to use weapons in non-standard conditions and suggests to fill this gap by including in the subject of the discipline «Special physical training» combat techniques associated with the use of standard weapons when attacking the offender from close range or direct physical contact.

Key words: use of weapons, confrontation, attack, offender, extreme situation.

Умение решительно действовать в сложной обстановке, эффективно применять физическую силу, специальные средства и табельное оружие, безусловно, относится к наиболее важным профессиональным качествам сотрудников органов внутренних дел. Обязанность полицейского иметь высокий уровень физической подготовленности закреплена на законодательном уровне [1]. Связано это прежде всего с особым характером профессиональной деятельности – вероятностью возникновения опасных и экстремальных ситуаций (например, угроза прямого физического либо огневого контакта с правонарушителем или преступником).

По данным МВД России, значительное количество чрезвычайных происшествий, связанных с гибелью, получением ранений и телесных повреждений сотрудниками полиции при выполнении служебных обязанностей, произошло во время силового задержания или пресечения хулиганских действий. Следует, однако, отметить, что даже стандартные процедуры (например, проверка документов, составление протоколов и пр.) могут нести потенциальную угрозу. Кроме того, в последние годы исследователи отмечают увеличение количества случаев нападения на сотрудников органов

внутренних дел с использованием оружия и опасных предметов [2; 3].

Безусловно, сотрудники полиции могут уступать правонарушителям в физическом развитии, однако грамотные тактические действия (в том числе в составе группы), наличие устойчивых навыков применения физической силы и специальных средств, уверенное владение табельным оружием должны обеспечить максимальную эффективность выполнения служебных обязанностей. Таким образом, одной из главных задач системы профессиональной подготовки кадров МВД России является разработка и внедрение эффективных методик физической, тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников полиции к действиям в экстремальных ситуациях.

Решение данной проблемы возможно только с использованием комплексного подхода в обучении, в рамках которого у сотрудников формируется не только должный уровень физических качеств и техники выполнения боевых приемов борьбы, но и правильная тактика поведения, умение уверенно обращаться с табельным оружием и специальными средствами.

В приказе МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по ор-

ганизации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» содержится довольно значительный перечень комбинаций из приемов и действий, которыми должен в совершенстве овладеть сотрудник полиции: сковывание наручниками в положении стоя у стены, сковывание наручниками в положении лежа, связывание веревкой или брючным ремнем в положении лежа, сковывание наручниками вдвоем в положении стоя у стены и пр. Кроме того, в перечень включены все варианты проведения наружного досмотра под болевым воздействием приемов, специальных средств либо под угрозой применения табельного огнестрельного оружия [4].

В то же время, на наш взгляд, в приказе учтены далеко не все важные аспекты подготовки сотрудников полиции к действиям в экстремальных ситуациях, в том числе возможность применения оружия в условиях противостояния с правонарушителем.

Статья 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») закрепляет перечень оснований для применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, однако и он не является полным. Статья 24 данного закона с изменениями, внесенными 11 апреля 2017 г., обеспечивает гарантии личной безопасности вооруженного сотрудника правоохранительных органов. В соответствии с указанными нормами полицейский имеет право обнажить огнестрельное оружие и привести его в готовность, если в создавшейся обстановке могут возникнуть основания для его применения, предусмотренные ст. 23 ФЗ «О полиции». Кроме того, в п. 2 ст. 24 разрешается применение огнестрельного оружия при попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к нему или прикоснуться к его оружию [1].

Однако на практике сотрудник полиции не всегда успевает привести табельное оружие в боевую готовность либо применить его в условиях противостояния с агрессивными правонарушителями.

Причинами возникновения подобных ситуаций являются:

отсутствие глубоких знаний, необходимых для обеспечения личной безопасности и правильного выполнения действий в экстремальных ситуациях;

несформированность устойчивых навыков приведения табельного огнестрельного оружия

в боевую готовность, а также его эффективно-го применения в условиях противостояния с правонарушителем;

незнание правовых основ применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции;

психологическая неготовность адаптироваться к быстро меняющейся обстановке и применять оружие в экстремальной ситуации либо в условиях противодействия агрессии правонарушителей.

Значительным недостатком существующих программ обучения сотрудников полиции, на наш взгляд, является отсутствие соответствующей подготовки к применению оружия в нестандартных условиях (в ограниченном пространстве, при противостоянии с правонарушителем и т. п.). Восполнить этот пробел и сформировать устойчивые навыки поведения в указанных ситуациях можно путем расширения тематики дисциплин «Специальная физическая подготовка», «Физическая подготовка», преподаваемых в образовательных организациях МВД России и изучаемых в рамках занятий по профессиональной служебной и физической подготовке в подразделениях органов, организаций, подразделений МВД России.

Курс огневой подготовки дает в основном базовые знания и умения обращения с табельным огнестрельным оружием, а тактико-специальная подготовка насыщена значительным количеством теоретического материала относительно действий сотрудников в различных ситуациях служебной деятельности. Специфика занятий по специальной физической подготовке позволяет сформировать у сотрудника полиции устойчивые навыки приведения табельного огнестрельного оружия в боевую готовность, а при необходимости и эффективного применения в условиях противостояния с преступником.

На наш взгляд, в образовательную программу необходимо включить следующие действия по применению сотрудниками ОВД табельного оружия, направленные на формирование навыков обеспечения личной безопасности в экстремальных ситуациях: извлечение, приведение в боевую готовность и применение оружия (при необходимости и наличии оснований) для предотвращения нападения правонарушителя, в том числе вооруженного ножом или опасным предметом, на сотрудника полиции с дальней или средней дистанции. Под эффективной для защитных действий дистанцией необходимо понимать расстояние, время на преодоление которого позволит сотруднику полиции извлечь

оружие, привести его в готовность и произвести выстрел или несколько.

В данном аспекте интересен опыт полиции зарубежных стран. Так, например, в США еще с 1983 г. было разработано и внедрено в практику «правило 6 метров» (21 фута) [5], согласно которому сотрудник полиции может применить оружие на поражение при приближении к нему нападающего с ножом или другим опасным предметом менее чем на 6 м. Исследования показали, что именно с такого расстояния полицейский может безопасно извлечь оружие, привести его в боевую готовность и произвести выстрелы до того, как правонарушитель сблизится с ним и причинит ему вред. При внезапном нападении на расстоянии менее метра полицейский не успевает даже коснуться оружия или спецсредства, дистанция 1,5–2 м не дает ему возможности извлечь оружие, а на расстоянии 3–4 м он может извлечь пистолет, но произвести выстрел не успевает. Обычный человек может стремительно преодолеть дистанцию в 6 м в среднем за 1,5 с. Возможность изготовиться к стрельбе и произвести хотя бы один выстрел появляется при нападении с 4,5 м. Однако оптимальная дистанция для эффективных защитных действий составляет не менее 6 м, а точнее – 6,4 м (ровно 21 фут согласно американской системе измерения).

Наиболее распространенным упражнением, используемым при подготовке сотрудников правоохранительных органов США, охранников и телохранителей, а также на курсах самообороны и личной безопасности для граждан, является Tueller Drill. Упражнение носит имя сержанта Д. Туэллера из Солт-Лейк-Сити, который и провел указанное исследование в 1983 г. [5]. Основной его целью является формирование навыка защитных действий с огнестрельным оружием при нападении с ножом или опасным предметом на расстоянии, а также умения быстро оценивать обстановку, степень опасности и принимать решение о применении огнестрельного оружия на поражение.

К сожалению, в России подобная практика пока не применима не только по причине отсутствия нормативных оснований, но и в связи с конструктивными особенностями табельного оружия российских полицейских и кобуры.

С момента принятия на вооружение пистолета Макарова (1951 г.) его штатная кобура практически не претерпела изменений. Характерная для нее износоустойчивость и повышенная защита от грязи и пыли, а также кон-

структивные особенности в виде встроенного кармана для запасной обоймы и петель для крепления шомпола имеют и отрицательные стороны в виде громоздкости конструкции и, безусловно, невозможности быстрого извлечения оружия. Данные особенности штатной кобуры воспринимались негативно еще советскими милиционерами. Действительно, защита пистолета от пыли и грязи для условий полицейской службы менее актуальна, чем удобство ее использования.

Подтверждением несовершенной конструкции кобуры являются и показатели норматива для пистолета Макарова из курса стрельб по изготовке к стрельбе. При нахождении пистолета в кобуре (магазин снаряжен учебным патроном и находится в рукоятке пистолета) время от извлечения до совершения выстрела из положения стоя на оценку удовлетворительно составляет 4 с, с колена и лежа – 6 и 9 с соответственно [6]. Путем несложных подсчетов можно выяснить, что если за 1,5 с человек может преодолеть 6 м, то за 4 с – 16 м, т. е. при наличии штатной кобуры расстояние, при котором возможны эффективные действия полицейского (извлечение оружия, приведение его в готовность, производство выстрелов) при нападении на него, должно быть не менее 15–16 м.

Таким образом, для формирования у сотрудника полиции устойчивого навыка предотвращения вооруженного нападения с использованием ножа или другого опасного предмета необходимо разработать комплекс специальных упражнений, направленных на быстрое извлечение табельного оружия, приведение его в боевую готовность, смещение с линии атаки, совершение выстрела, обеспечение личной безопасности и безопасности окружающих после выполнения защитных действий. Кроме того, важным аспектом является усовершенствование обмундирования и оборудования для ношения табельного оружия – разработка и внедрение в практику нового типа кобуры, позволяющей в кратчайшее время извлечь оружие, привести его в боевую готовность и произвести выстрелы при наличии законных оснований.

Следующим аспектом рассматриваемой проблемы является необходимость совершенствования действий вооруженного сотрудника при нападении правонарушителя с близкого расстояния. В техническом плане изготовка к стрельбе в таких условиях затруднена не толь-

ко фактором времени, но и необходимостью предварительного применения активных силовых действий (боевых приемов борьбы) с целью нейтрализовать «помехи», препятствующие извлечению и применению оружия.

В подобных ситуациях могут применяться разнообразные технические приемы:

- освобождение от захватов и обхватов;
- защита от ударов, в том числе с использованием оружия или опасных предметов;
- нанесение встречных или ответных контрударов, в том числе посредством оружия;
- отталкивание, смещение и другие действия для увеличения дистанции либо ухода с линии атаки и дезориентации нападающего.

Основная цель перечисленных действий – дать сотруднику возможность извлечь оружие и применить его при необходимости и наличии оснований.

Исходя из вышесказанного, считаем, что перечень боевых приемов борьбы должен быть дополнен действиями по применению табельного оружия при нападении правонарушителя с близкого расстояния или непосредственном физическом контакте. Можно выделить следующие группы приемов:

1. Извлечение, приведение в боевую готовность и применение оружия (при необходимости и наличии оснований) при стремительном приближении агрессивного правонарушителя к сотруднику с близкого расстояния, попытке захватить его одежду, часть тела или табельное оружие.

Выполняя данную задачу, необходимо остановить нападающего путем нанесения удара (отталкивания) и (или) ухода с линии атаки, тем самым увеличив дистанцию, и совершить иные действия, связанные с изготовкой к стрельбе, произведением выстрела или нескольких.

2. Извлечение, приведение в боевую готовность и применение оружия (при необходимости и наличии оснований) при захватах конечностей или обхватах частей тела сотрудника правонарушителем.

Здесь необходимо использовать эффективные способы освобождения от захватов, разрыва дистанции с одновременным извлечением оружия, а также иные действия, связанные с изготовкой к стрельбе в таких условиях и произведением выстрела или нескольких.

3. Извлечение, приведение в боевую готовность и применение оружия (при необходимости и наличии оснований) при нанесении правонарушителем ударов сотруднику, в том числе ножом или другим опасным предметом.

В этой ситуации следует использовать приемы защиты от ударов: уход с линии атаки, выполнение блоков и фиксации ударной руки (ноги) по возможности, выполнение шокового воздействия в виде расслабляющего удара в уязвимое место, разрыв дистанции с одновременным извлечением оружия, а также иные действия, связанные с изготовкой к стрельбе в таких условиях и произведением выстрела или нескольких.

Подводя итог, подчеркнем, что значительным недостатком существующих программ обучения сотрудников полиции является отсутствие необходимой подготовки к применению оружия в нестандартных условиях, например, в ограниченном пространстве или при противоборстве с правонарушителем. Формирование устойчивых навыков поведения в указанных ситуациях возможно в рамках занятий по специальной физической подготовке.

На наш взгляд, в программы подготовки должны быть включены темы, связанные с извлечением, приведением в боевую готовность и применением оружия в следующих ситуациях:

предотвращение нападения правонарушителя на сотрудника полиции с дальней или средней дистанции;

стремительное приближение агрессивного правонарушителя к сотруднику с близкого расстояния;

захват конечностей или обхват частей тела сотрудника правонарушителем;

нанесение правонарушителем ударов сотруднику, в том числе ножом или другим опасным предметом.

Конечно, указанные выше группы приемов требуют конкретизации и тщательной проработки. Их внедрение в процесс подготовки сотрудников полиции позволит, на наш взгляд, существенно повысить их профессиональный уровень и сформировать устойчивые навыки применения оружия в экстремальных ситуациях служебной деятельности.

1. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

2. Кан Л.В. О необходимости систематизации приемов задержания, выбора стратегии обучения и совершенствования технико-тактической подготовки сотрудников полиции // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конференции. Ростов н/Д, 2016.

3. Ципинов Х.Б. Актуальные проблемы обучения боевым приемам борьбы сотрудников полиции, проходящих профессиональное обучение // Вестн. эконо. безопасности. 2017. № 1.

4. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

5. Tueller D. How Close is Too Close?// S.W.A.T. Magazine. URL: http://www.theppsc.org/Staff_Views/Tueller/How.Close.htm (дата обращения: 17.02.2019).

6. Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880. URL: <https://rulaws.ru/acts/> (дата обращения: 17.02.2019).

1. On Police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 17.02.2019).

2. Kan L.V. On the need to systematize the methods of detention, the choice of training strategies and the improvement of technical and tactical training of police officers // Physical education and sport: topical issues of theory and practice: proc. of the All-Russian sci.-pract.conf. Rostov-on-Don, 2016.

3. Tshipinov Kh.B. Actual problems of training in combat techniques of the struggle of police officers undergoing vocational training // Bull. of economic security. 2017. № 1.

4. On approval of the Manual on the organization of physical training in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of July 1, 2017 № 450. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 17.02.2019).

5. Tueller D. How Close is Too Close?// S.W.A.T. Magazine. URL: http://www.theppsc.org/Staff_Views/Tueller/How.Close.htm (date of access: 17.02.2019).

6. On approval of the Manual on the organization of fire training in the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia d.d. Nov. 23, 2017 № 880. URL: <https://rulaws.ru/acts/> (date of access: 17.02.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бокий Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки и спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: bokiy-an@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.N. Bokiyy, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Physical Training and Sports of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: bokiy-an@mail.ru

Костюченко Николай Иванович
Хенцинский Евгений Александрович
Семихов Дмитрий Александрович

Проблемы теории и практики управления социальными системами, связанные с определением понятия «дерево целей» (методологический аспект)

В статье рассматриваются проблемы теории и практики управления, связанные с полифонией мнений относительно определения понятия «дерево целей». Обосновывается, что данная категория формировалась без использования системного подхода и с нарушением методологии исследования системных явлений, к которым относятся все виды социальных (в том числе и государственных) систем, в результате чего нарушается закономерность детерминации их элементов. В практической деятельности, полагают авторы, это приводит к возникновению комплекса проблем, связанных с созданием и оптимизацией структур социальных систем, дублированием деятельности структурных подразделений и, как следствие, снижением эффективности управления.

Ключевые слова: цель, задача, дерево целей, система, социальная система, функция системы, структура системы, система целей социальной системы.

Problems of the theory and practice of social system management related to the definition of «a tree of goals» (methodological aspect)

In the scientific article, the authors consider the problems of the theory and practice of management associated with the definition of the notion a «tree of goals» existing in the sphere of social and public administration. At the same time, it is substantiated that the aforementioned concept was formed without using a systematic approach and with the violation of the methodology for studying systemic phenomena, which are all types (including state ones). Referring to the historical aspect of the formation of this concept, the authors substantiate the erroneousness of this approach, since as a result of such research, the pattern of determination of elements of social systems is violated. In practice, this leads to the emergence of a set of problems associated with the creation and optimization of the structures of social systems, the duplication of activities of structural units, and, as a result, a decrease in management efficiency.

Key words: goal, task, a tree of goals, system, social system, system function, system structure, goal system of social system.

В настоящее время в теории и практике управления социальными системами существует множество проблем, связанных с полифонией научных мнений относительно терминологии, используемой в этих сферах деятельности, а также неоднозначностью определения социальных явлений. Как следствие, произошел «разрыв» теории и практики управления, поэтому субъекты управления вынуждены осуществлять свою деятельность на эмпирической основе.

Проблемы теории и практики управления социальными системами, обусловленные существованием различных взглядов на определение отдельных элементов социаль-

ных систем, ранее рассматривались нами в ряде монографий и научных статей [1; 2; 3; 4, с. 97–99].

Проведенные исследования позволили установить, что основной причиной возникновения полифонии научных мнений является ограниченное применение диалектического, системного, функционального и конкретно-исторического подходов при решении проблем, существующих в теории и практике управления. Основная проблема связана с таким явлением, как «цель» социальной системы, и введением в теорию управления категории «дерево целей».

Можно констатировать, что в научной литературе существенные разночтения относи-

тельно определения понятия цели и роли этого феномена в управлении отсутствуют.

В Философской энциклопедии цель определяется как «идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия или деятельности; их идеальный, внутренне-побуждающий мотив» [5, с. 459].

Аналогичное определение цели содержит Философский словарь. При этом оно дополнено следующим тезисом: «цель, выражая активную сторону человеческого сознания, должна находиться в соответствии с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого объекта» [6, с. 452]. Данный тезис имеет непосредственное отношение к нашей проблеме, поскольку, рассматривая различные виды социальных систем, следует учитывать, что все их элементы, в том числе и цели, объективны по своей природе и существуют независимо от осознания их присутствия человеком.

В Советском энциклопедическом словаре под целью понимается «идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. Содержание цели зависит от объективных законов природы действительности, реальных возможностей субъекта и применяемых средств» [7, с. 1486].

Б.Г. Литвак определяет категорию «цель» как «состояние объекта управления, к достижению которого стремится организация» [8]. При этом ученый отмечает важное значение данного элемента для управления социальными системами: «Выбор цели является одним из наиболее ответственных моментов в процессе выработки и принятия управленческих решений. В соответствии с выбранной целью формируется стратегия и тактика развития организации, делаются прогнозы и разрабатываются планы действий, оцениваются результаты принятых решений и предпринятых действий» [8, с. 86–87].

Между тем при определении понятия «дерево целей» возникают разночтения. Так, Ю.А. Афонин, А.П. Жабин, А.С. Панкратов отмечают, что «в целом принцип “древа целей” обеспечивает взаимосвязь множества целей разного содержания (экономических, социальных, политических, духовных), их согласование для достижения главной, единой цели. Главная цель направляет качественное развитие общности, системы социальных отношений. Формирование древа целей происходит

по принципу “от общего к частному”. На вершине находится главная цель. Она расчленяется на отдельные составляющие – промежуточные цели (цели-средства), от реализации которых зависит ее достижение. Промежуточные цели, в свою очередь, расчленяются на более частные и т. д. Так достигается максимальная конкретизация управленческой деятельности» [9, с. 85–88].

При исследовании социального менеджмента ученые основываются на теории организации, которую не рассматривают как вид социальной системы. В связи с этим дерево целей не является элементом такой системы. Данный факт выступает основной причиной, не позволившей нам найти пример «завершенного» (построенного) дерева целей.

Проанализировав роль феноменов «цель» и «дерево целей» в социальных системах, В.Б. Зотов приходит к выводу: «Определение системы целей (дерева целей) и задач конкретного муниципального образования является главным ориентиром формирования его организационной структуры. При формировании организационной структуры на основе дерева целей требуется декомпозиция целей и задач муниципального управления до конкретных управленческих функций. При построении организационной структуры на основе дерева целей важно дать качественную и количественную характеристику целей и задач. Качественная служит обоснованием для выделения функций управления, количественная – для определения вида организационной единицы (отдел, управление, департамент и т. д.)» [10, с. 287].

Более того, в своих исследованиях В.Б. Зотов доказывает взаимообусловленность целей и структуры муниципального образования, а также их системный характер. На наш взгляд, научные изыскания автора справедливы и имеют важное значение для решения рассматриваемой нами проблемы: во-первых, с точки зрения теории систем понятие «дерево целей» не совсем точно отражает системный характер этого явления, поскольку большинство исследователей не определяют его как элемент системы; во-вторых, согласно общенаучному мнению цель выступает элементом системы, поэтому совокупность таких элементов должна образовывать подсистему целей системы, а не дерево целей; в-третьих, цель – это основополагающее звено детерминации элементов социальных систем (цель – задача – функция –

структура), основа формирования структурных элементов системы и их целей.

В то же время выводы В.Б. Зотова о том, что «построение организационной структуры» происходит «на основе дерева целей», вызывают серьезные сомнения, поскольку декомпозиция целей подсистемных образований возможна только в процессе и после создания всей структуры системы. Последнее обстоятельство обусловлено детерминацией элементов системы, согласно которой цели ее подсистемного (структурного) элемента формируются в процессе его образования. В свою очередь, создание структурного элемента следующего уровня и определение его целей (как подсистемного элемента) невозможно без «предыдущего» структурного элемента. Именно нарушение детерминации элементов системы и рассмотрение дерева целей как внесистемного образования приводят к ситуации, когда этот феномен не реализуется в процессе управления. Это подтверждает и попытка эмпирического введения В.Б. Зотовым понятия «система целей». Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что декомпозиция целей подсистемных (структурных) образований происходит только в процессе их создания либо оптимизации подсистемного образования.

На наш взгляд, заслуживают внимания исследования У. Черчмена, Р. Акофа и Л. Арнофа, где цель понимается как «определенное состояние, которого стремятся достичь в данный момент времени. Например, мастеру в цехе дается производственное задание на неделю; бухгалтерия определяет стандартные цены и т. д. Это сравнительно простые цели. Перед организацией могут стоять также более сложные цели или целый комплекс простых и сложных целей» [11, с. 70–71].

Для определения совокупности целей организации ученые использовали термин «комплекс целей». При этом они указывали, что не всегда имеется возможность «получить достаточную информацию для полного выявления всех целей. На этом этапе решения задачи список не обязательно должен быть точным, полным или даже реальным» [11, с. 97]. Вместе с тем, на наш взгляд, именно из-за отсутствия системного подхода авторы не смогли ответить на вопрос о том, каким образом можно сформировать «комплекс простых и сложных целей».

В.И. Подлесных также рассматривал понятие «дерево целей» в рамках теории организации. «В основе реализации функционального

аспекта (системного подхода) лежит построение дерева целей системы, вершиной которого является главная цель, а ветвями – локальные (обеспечивающие) цели, реализация которых обеспечивает достижение главной цели. Поскольку достижение любой цели предполагает определенные действия, то каждая цель фактически достигается посредством реализации некоторой функции-задачи, а дерево целей представляет собой фактически еще более разветвленное дерево функций-задач» [12, с. 269–271].

Однако введение понятий «функция-задачи» и «функции-задач» противоречит общепринятым научным взглядам на элементы социальных систем (задача, функция) и закономерности их детерминации (цель – задача – функция – структура): во-первых, категории «функция» и «задача» обозначают разные явления социальной системы: функция определяется как «обязанность, круг деятельности», а задача – это «то, что требует исполнения, разрешения; сложный вопрос, проблема, требующие исследования и разрешения» [13, с. 181, 763]; во-вторых, детерминация элементов социальных систем предполагает первичность задач и вторичность функций.

В связи с этим использование понятий «функция-задачи» и «функции-задач» отрицает наличие детерминации элементов социальной системы и возможность построения как ее структуры, так и дерева целей. Вследствие этого определение целей подсистем более низких уровней и построение структуры системы в практике управления становятся неразрешимой проблемой.

Важное значение понятия «дерево целей» обосновывали: Р. Акоф, Л. Арноф, Ю.А. Афонин, И.Ю. Беганская, Л.А. Бурганова, А.Г. Гладышев, В.В. Глухов, А.П. Жабин, В.Б. Зотов, В.Н. Иванов, Л.Б. Костровец и др. Однако исследователи пока не смогли выработать механизм формирования и реализации дерева целей в практике управления большими социальными системами, например государством.

М.Ф. Баранская, И.С. Буракова, Т.В. Попова и другие отмечают, что «полный перечень всех целей и подцелей сформулировать сложно. Если, например, предположить, что число подцелей следующего ранга на каждом уровне равно всего шести (степень конкретной дезагрегации целей на каждом уровне определяют эксперты), то количество целей на уровне чет-

вертого ранга достигнет 1296, а пятого ранга – 7776. Главное в том, что дерево целей строится так, чтобы цели, расположенные на самом нижнем уровне (количество уровней определяется также экспертами, исходя из необходимой степени конкретизации задач), были сформулированы как конкретные частные задачи, которые могут быть решены соответствующими специалистами. Таким образом, можно получить совокупность целей и задач, необходимых и достаточных для достижения генеральной цели – будущего состояния регионального развития» [14].

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что эмпирическое построение дерева целей и их декомпозиция являются сложным процессом.

Однако, как показывает практика управления, в небольшой организации, имеющей ограниченное количество подсистем (структурных образований), осуществить декомпозицию целей и сформировать дерево целей достаточно просто.

В то же время декомпозиция целей для крупных организаций с разветвленной и многоуровневой структурой и системой целей и тем более построение дерева целей на основе предлагаемых методов декомпозиции практически невозможны. Это обусловлено тем, что крайне сложно определить все цели системы до создания ее структуры, что подтверждается практикой государственного управления. Как известно, попытки субъектов управления создать дерево целей на эмпирической основе приводят к реформированию государственных органов, которое не достигает желаемого результата.

Вместе с тем проблему декомпозиции целей можно просто и эффективно решить при помощи теории систем, теории управления и закона детерминации элементов социальных систем.

Для этого необходимо вести речь не о дереве целей, а о «подсистеме целей» социальной системы, представляющей собой абстрактную систему, которая будет материализоваться в процессе построения, реформирования или оптимизации структуры социальной системы (подсистем и их связей).

Подводя итог рассмотрению проблем теории и практики управления социальными и государственными системами, связанных с неопределенностью понятия «дерево целей», следует отметить, что они в первую очередь обусловлены тем, что в ходе разработки дефиниции понятия «дерево целей» не использова-

лись диалектический, системный и функциональный подходы.

Цель также необходимо рассматривать с точки зрения теории систем, теории управления и диалектики. В этом случае она будет определяться как элемент социальной системы, который объективен по своей природе и не зависит от осознания его присутствия человеком.

В справедливости этого тезиса можно убедиться, используя конкретно-исторический подход. Первые социальные системы формировались на заре зарождения общественных отношений в первобытно-общинном обществе. С момента их возникновения в любом племени, самой первой и простейшей социальной системе, объективно существовали явления (элементы системы), суть и наличие которых члены сообщества не осознавали. Однако условия жизни племени (потребность выживать) привели к появлению различных видов деятельности, которые осуществлялись эмпирически (на основе проб и ошибок), например, охота, рыбная ловля, сохранение огня и т. д.

Следовательно, различные виды деятельности возникли в результате разделения труда на основе функций первобытно-общинной системы. Причем, помимо неосознанного человеком присутствия функций системы, в ней объективно существовали такие системные элементы, как цель, задача и структура. Все виды деятельности имели целевую направленность. Цели достигались путем решения следующих задач: дифференциация отдельных групп общины, их обучение и выполнение ими определенной деятельности. Создание таких групп необходимо рассматривать как процесс формирования структуры «племени». Таким образом, цели и иные элементы социальных систем как объективные явления всегда были частью первобытного общества, хотя их присутствие и реализация членам сообщества не осознавались.

Наличие целей предполагает существование простейшей системы целей. Основная цель общины (цель первого системного уровня) как вида социальной системы – выживание. Цели следующего уровня: добыть пищу, сохранить огонь, обеспечить условия для проживания, безопасность племени и т. д. В совокупности их необходимо рассматривать как подсистему целей социальной системы. В данном случае, в силу достаточно простой системы, эти цели определяются без особых затруднений, поэто-

му применение понятия «дерево целей» не отразится на формировании подсистемы целей.

В то же время сложная система (система государства) включает в себя множество подсистем и подсистемных уровней. В этом случае, как уже отмечалось выше, сформировать «дерево целей» затруднительно.

Обращаясь к детерминации элементов системы, которая свойственна каждому уровню системы и подсистемному образованию, можно, поэтапно формируя структуру системы, определить цели системы и подсистемы любого подсистемного уровня. Причем если при определении и конкретизации целей будет допущена ошибка, то ее можно быстро выявить, а цели скорректировать в процессе реализации управленческих циклов.

При использовании понятия «дерево целей» замена цели среднего уровня может разрушить граф всего дерева целей, что отмечает большинство ученых, рассматривавших это явление.

В случае введения в научный оборот понятия «система целей» как системного элемента этот феномен будет представлять собой совокупность целей всех уровней системы и ее подсистемных структурных элементов, а система целей станет производна от целей каждого структурного элемента, которые могут опре-

деляться при его создании (оптимизации). В то же время коррекция целей одного из подсистемных образований (структурного элемента) позволит достаточно быстро провести оптимизацию подсистемы без разрушения системы целей как самой подсистемы, так системы целей основной системы.

Таким образом, проанализировав проблему определения понятия «дерево целей», можно сделать следующие выводы:

дерево целей, не являясь элементом системы, не может обеспечить эффективное управление, поскольку не используется субъектами управления в практической деятельности;

целесообразно ввести в научный оборот понятие «система целей», уже применяемое отдельными авторами на эмпирической основе;

под системой целей необходимо понимать совокупность целей всех уровней социальной системы и ее подсистемных структурных элементов;

системный подход позволяет устранить полифонию мнений в теории управления, упорядочить понятийный аппарат, повысить эффективность формирования и оптимизации структур социальных систем, их подсистемных образований и управленческой деятельности в целом.

1. Костюченко Н.И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар, 2018.

2. Костюченко Н.И. Система функций социальных систем (на примере ОВД). Симферополь, 2018.

3. Костюченко Н.И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы. Краснодар, 2016.

4. Костюченко Н.И., Журавленко Н.И. Причины возникновения полифонии научных мнений относительно феномена «функция социальных систем» как проблемы теории и практики управления // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11.

5. Философская энциклопедия. М., 1987. Т. 5.

6. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. 3-е изд. М., 1972.

7. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. / глав. ред. А.М. Прохоров. М., 1989.

8. Литвак Б.Г. Разработка управленческого решения: учеб. 3-е изд., испр. М., 2002.

9. Афонин Ю.А., Жабин А.П., Панкратов А.С. Социальный менеджмент. М., 2004.

1. Kostyuchenko N.I. Problems of theory and practice of social systems management. Krasnodar, 2018.

2. Kostyuchenko N.I. System of functions of social systems (on the example of IAD). Simferopol, 2018.

3. Kostyuchenko N.I. Classification of the functions of social systems: theoretical and legal foundations: monograph. Krasnodar, 2016.

4. Kostyuchenko N.I., Butkevich S.A. Problems of management of social systems associated with the dialectic aspects of the study of the phenomenon of «social system» // Society and law. Krasnodar, 2018. № 1(63).

5. Philosophical Encyclopedia. Moscow, 1987. Vol. 5.

6. Philosophical dictionary / ed. by M.M. Rosenthal. 3d ed. Moscow, 1972.

7. Soviet encyclopedic dictionary / ch. ed. A.M. Prokhorov. 4th ed. Moscow, 1989.

8. Litvak B.G. Development of management solutions: textbook. 3rd ed. corr. Moscow, 2002.

9. Afonin Yu.A., Zhabin A.P., Pankratov A.S. Social management. Moscow, 2004.

10. Зотов В.Б. Система муниципального управления: учеб. для вузов. СПб., 2011.
11. Черчмен У., Акоф Р., Арноф Л. Введение в исследование операций: пер. с англ. М., 1967.
12. Подлесных В.И. Теория организации: учеб. для вузов. СПб., 2003.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983.
14. Системный анализ в управлении устойчивым региональным развитием / М.Ф. Баранская, И.С. Буракова, Т.В. Попова и др. URL: <https://elibrary.ru/> (дата обращения: 12.02.2019).
10. Zotov V.B. The system of municipal government: textbook for universities. St. Petersburg, 2011.
11. Churchman U., Akof R., Arnof L. Introduction to operations research: translation from English. Moscow, 1967.
12. Podlesnyh V.I. Organization theory: textbook for universities. St. Petersburg, 2003.
13. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, 1983.
14. System analysis in the management of sustainable regional development / M.F. Baranskaya, I.S. Burakova, T.V. Popova et al. URL: <https://elibrary.ru/> (date of access: 12.02.2019).
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Костюченко Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: nikiv1948@gmail.com;

Хенцинский Евгений Александрович, преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: esvetlichnyi@mvd.ru;

Семихов Дмитрий Александрович, слушатель 3-го курса Краснодарского университета МВД России; e-mail: esvetlichnyi@mvd.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

N.I. Kostyuchenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Tactical-special and Firearms Training of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nikiv1948@gmail.com;

E.A. Khentsinsky, Lecturer of the Chair of Tactical-special and Firearms Training of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: esvetlichnyi@mvd.ru;

D.A. Semikhov, 3rd year student of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: esvetlichnyi@mvd.ru

Струганов Сергей Михайлович
Украинский Сергей Викторович
Баркалов Сергей Николаевич

Методика обучения бросковой технике курсантов (слушателей) образовательных организаций МВД России на занятиях по физической подготовке

В статье исследуется актуальная проблема совершенствования техники применения боевых приемов борьбы обучающимися образовательных организаций МВД России и сотрудниками органов внутренних дел. Рассматриваются специальные и специфические методы обучения, способствующие наиболее эффективному формированию умений и навыков владения бросковой техникой на занятиях по физической подготовке.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, боевые приемы борьбы, бросковая техника, физическая подготовленность, методика обучения, методы обучения, образовательный процесс.

Technique of training of casting equipment educational organizations of the MIA of Russia on classes for physical training of cursors (listeners)

The article examines the actual problem of improving the technology of the use of combat techniques by students of educational organizations of the Internal Affairs Bodies and employees of the Internal Affairs Bodies. Special and specific training methods that contribute to the most effective formation of skills and skills in the use of throwing equipment in physical training classes are considered.

Key words: professional training, fighting techniques, throwing technique, physical fitness, teaching methods, educational process.

Реалии современной России предъявляют высокие требования к подготовке сотрудников правоохранительных органов и других силовых структур. В связи с этим необходимо уделять особое внимание профессиональному обучению сотрудников полиции, в первую очередь их физической подготовленности [1, с. 147], формированию у них компетенций, необходимых для успешного выполнения оперативно-служебных и служебно-боевых задач.

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») каждый сотрудник органов внутренних дел обязан защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществлять противодействие преступности, охранять общественный порядок, собственность и обеспечивать общественную безопасность. Кроме того, сотрудник правоохранительных органов должен действовать «...с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления ...обязан стремиться к

минимизации любого ущерба» (п. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции») [2]. Однако сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия только в случаях и порядке, предусмотренных в законе (ст. 19, 21 ФЗ «О полиции»).

В связи с этим формирование системы практических умений и навыков, обеспечивающих адекватное (правомерное) применение физической силы, специальных средств для пресечения противоправных действий в типичных и экстремальных ситуациях служебной деятельности, является первостепенной задачей и обязанностью сотрудников полиции [3, с. 162].

В ситуации, когда несилловые способы не обеспечивают выполнение возложенных на сотрудника полиции обязанностей, он непременно сталкивается с необходимостью применения физической силы против правонарушителей. Поэтому актуальной проблемой является повышение качества организации и проведения занятий по изучению боевых приемов борьбы, т. к. преподавателям и инструкторам по физической и профессиональной подготовке необходимо за короткий период сформировать необходимые навыки и умения у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников ОВД [6, с. 203].

В настоящее время в вузах силовых ведомств обучение бросковой технике сводится к тому, что преподаватель или инструктор в течение одного-двух занятий объясняет и показывает технику выполнения приемов без детального разучивания, однако этого недостаточно для их усвоения и отработки [7, с. 117]. Поэтому для повышения эффективности обучения сотрудников, курсантов и слушателей образовательных организаций силовых ведомств боевым приемам борьбы необходимо проводить рациональное планирование образовательного процесса [8, с. 33] с учетом следующих условий:

1. При изучении приема внимание должно уделяться его отдельным составляющим частям, поскольку на начальной стадии обучения прием в целом воспринимается достаточно тяжело. Согласно теории обучения приемам борьбы они состоят из следующих элементов: 1) захват. Внимание обучающихся необходимо акцентировать на технике его выполнения, поскольку если он сделан неправильно, прием провести невозможно; 2) выведение противника из равновесия. Данный элемент важен, т. к., только потеряв равновесие, противник упадет, а прием будет считаться выполненным. В теории борьбы существует восемь способов выведения из равновесия. Важно нарабатывать технику выведения из равновесия за счет рывков и толчков, прямолинейных и круговых движений по всем возможным направлениям [9, с. 79]. Методы выведения из равновесия незаменимы при наработке правильной техники выполнения приемов. Данный элемент имеет большое значение в ситуации, когда противник превосходит сотрудника в силе; 3) подворот, т. е. способность быстро группировать свое тело в положение, оптимальное для эффективного выполнения броска. При этом тело бросающего должно принять такое положение, которое бы обеспечило наилучший для данного броска рычаг силы; 4) бросок. При его выполнении необходимо сделать быстрое взрывное движение, благодаря которому противник упадет. Чем более резким оно будет, тем эффективнее окажется бросок.

Важным для повышения мастерства обучающегося является формирование навыка выполнять прием в любой ситуации. Для этого используются различные сбивающие факторы (кувырки, физическая нагрузка, смена партнера и т. д.).

2. Использование на занятиях метода формальной отработки. Смысл его заключается в том, чтобы в процессе отработки приема выводить партнера из состояния равновесия и выполнять подворот. При этом сам бросок не доводить до завершения (выполнять элементы броска – с первого по третий), после чего воз-

вращаться в исходное положение и повторять весь цикл движений снова, не отпуская захват. Во время их выполнения нужно стараться, чтобы скорость двигательных действий постепенно увеличивалась. Как правило, при формальной отработке обучающийся девять раз выполняет подготовительные стадии броска, а во время десятой попытки, когда скорость его движений будет максимальной, он делает его полностью. Данный метод отработки приемов достаточно эффективный, но на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России он практически не используется.

3. Включение в тренировочный процесс такого метода отработки приемов, как учебная схватка, которая проводится с целью совершенствования изученных приемов в обстановке, приближенной к боевой. Моделирование тренировочных заданий осуществляет преподаватель. Он, например, может предложить следующее упражнение: один обучающийся проводит конкретный прием, а второй выполняет пассивную роль – защищается передвижением или сопротивляется не в полную силу (20–30% от уровня максимального сопротивления) и т. д.

4. Особое внимание следует уделять отработке приема на скорость с противниками, имеющими различные типы телосложения. Основной проблемой на ранних стадиях обучения является то, что обучающийся при отработке приемов «включают голову», т. е. начинает осознанно их выполнять, что отражается на скорости его движений. В реальном поединке с правонарушителем прием должен быть проведен немедленно и максимально эффективно. Данная методика позволяет прочно закрепить навык, довести выполнение приемов борьбы до автоматизма. Оптимальной является ситуация, когда один из обучающихся встает в центр ковра, а остальные атакуют его. Цель упражнения заключается в том, чтобы быстро провести прием на одном из нападающих и сразу же суметь переключиться на другого и т. д. Конечно, в первый раз при отработке данного упражнения скорость обучающегося будет не очень высокой, но чем чаще оно будет использоваться, тем быстрее будут выполняться приемы. Отметим, что данное упражнение требует от обучающегося затраты большого количества энергии, поэтому целесообразно его выполнять в течение 30–60 с, в редких случаях отработка на скорость длится более одной минуты.

5. Следуя принципу педагогического воспитания «от простого к сложному», в тренировочном процессе необходимо использовать упражнения, направленные как на отработку бросковой техники, так и развитие скорости выполнения приемов. Суть их заключается в следующем: обучающийся в течение 40 с от-

рабатывает бросок на одном партнере в медленном темпе, при этом его внимание должно быть сосредоточено на правильном выполнении техники приема. Затем по команде преподавателя он проводит этот же прием с максимальной скоростью в течение 20 с, стараясь произвести наибольшее количество бросков, после чего, также по команде преподавателя, обучающийся снова переходит к отработке приема в спокойном темпе. Эта серия упражнений повторяется 5 раз, т. е. общее время их выполнения составляет 5 мин. Следует заметить, что данные упражнения применяются на более поздних этапах обучения, когда идет процесс совершенствования навыков и обучающиеся уже достаточно подготовлены к тяжелым физическим нагрузкам. Основная цель их заключается не только в отработке правильной техники приема в спокойном темпе, но и сбалансированности ее при выполнении приема с максимальной скоростью и на фоне усталости.

6. На заключительном этапе формирования умений и навыков владения бросковой техникой боевых приемов борьбы следует использовать упражнения для совершенствования специальной физической силы, т. е. тех качеств, которые непосредственно необходимы для выполнения конкретных приемов. Суть этого метода заключается в том, что при выполнении приема преподаватель или третий участник упражнения придерживает обучающегося за спину, захватывает его сзади за пояс или обхватывает его со спины так, чтобы

максимально усложнить проведение приема. В результате обучающийся, выполняя бросок, борется с двумя ассистентами. Поэтому если он не соблюдает технику выполнения приема, то ему будет сложно даже сдвинуть противников с места, но если прием делается технически правильно, то одержать победу над соперником, в том числе превосходящим его в силе, будет легко. На начальном этапе применения этого упражнения сила сопротивления ассистента должна составлять примерно 20–30% от максимальной. По мере того как уровень мастерства и физического развития обучающихся будет расти, степень сопротивления партнеров можно увеличить до 40–60% и т. д.

Описанные выше методические подходы позволяют формировать умения и навыки бросковой техники боевых приемов борьбы с минимальными затратами времени. Следует помнить о том, что нельзя останавливаться на определенном уровне подготовки, необходимо постоянно отрабатывать технику выполнения приемов, в первую очередь на скорость, с падением противников, вооруженных ножом, палкой, с нанесением различных ударов руками или ногами, моделируя различные ситуации из оперативно-служебной деятельности сотрудников полиции [10, с. 170].

В заключение отметим, что владение сотрудниками полиции в совершенстве боевыми приемами борьбы является весомым преимуществом и эффективным средством противодействия преступности.

1. Баркалов С.Н. Боевые приемы борьбы в системе физической подготовки сотрудников ГИБДД // *Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования*. 2018. № 1(1).

2. Кузнецов М.Б. Особенности применения педагогических технологий в конфликтных ситуациях на занятиях по физической подготовке с курсантами образовательных организаций МВД России // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*. 2018. № 4(77).

3. Осипов Д.В. Правовые особенности применения боевых приемов борьбы в служебной деятельности сотрудников полиции // *Научный вестник Орлов. юрид. ин-та МВД России им. В.В. Лукьянова*. 2018. № 4(77).

4. Андреев А.А., Росадюк В.С., Струганов С.М. Инновационные взгляды на повышение профессионально-прикладных качеств курсантов и слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств //

1. Barkalov S.N. *Fighting methods of struggle in the system of physical training of traffic police // Management of activities to ensure road safety: status, problems, ways of improvement*. 2018. № 1(1).

2. Kuznetsov M.B. *Features of the use of pedagogical technologies in conflict situations in the classroom for physical training with cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia // Scientific Bulletin of the Orel law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2018. № 4(77).

3. Osipov D.V. *Legal features of the use of fighting techniques in the performance of police // Scientific Bulletin of the Orel law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2018. № 4 (77).

4. Andreev A.A., Rosadyn V.S., Struganov S.M. *Innovative views on improving professional applied qualities of cadets and listeners of educational institutions and employees of law enforcement agencies // Bulletin of the East Siberian Institute of MIA of Russia*. 2016. № 3(78).

Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2016. № 3 (78).

5. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

6. Бокий А.Н. Основы методики ускоренного обучения боевым приемам борьбы сотрудников органов внутренних дел // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2017. № 3(37).*

7. Струганов С.М. Методы обучения технико-тактической подготовке курсантов и слушателей на занятиях по физической подготовке // *Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2011. № 1(56).*

8. Струганов С.М. Внедрение инновационных технологий в учебный процесс высших образовательных заведений МВД России для подготовки высококвалифицированных специалистов // *Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. 2012. № 1(60).*

9. Баркалов С.Н. Актуальные аспекты оптимизации образовательного процесса по физической подготовке в вузах МВД России // *Наука–2020. 2018. № 1-2 (17).*

10. Витютнев Е.Е. Ситуационно-ориентированная физическая подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России – будущих сотрудников специальных подразделений // *Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 1(31).*

5. *About police: federal law of 07.02.2011 № 3-FL (ed. from 01.04.2009.). Access from the legal reference system «Garant».*

6. Bokiya A.N. The basics of accelerated methods of teaching combat fighting techniques of the employees of internal Affairs bodies // *Bull. of the Krasnodar University of of Russian MIA. 2017. № 3(37).*

7. Struganov S.M. Methods of teaching technical and tactical training of cadets and students in the classroom for physical training // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2011. № 1 (56).*

8. Struganov S.M. Introduction of innovative technologies in the educational process of higher educational institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia for the training of highly qualified specialists // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2012. № 1(60).*

9. Barkalov S.N. Actual aspects of optimization of educational process on physical training in universities of the Ministry of internal Affairs of Russia // *Nauka–2020. 2018. № 1-2(17).*

10. Vityutnev E.E. Situation-oriented physical training of cadets and students of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia – future employees of special units // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2016. № 1(31).*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Струганов Сергей Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России; e-mail: sergej_05@mail.ru;

Украинский Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России; e-mail: usv2010vla@mail.ru;

Баркалов Сергей Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры физической подготовки и спорта Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова; e-mail: barkalov2009@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

S.M. Struganov, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Physical Training of the East-Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sergej_05@mail.ru;

S.V. Ukrainsky, Senior Lecturer of the Chair of Physical Training and Sports of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: usv2010vla@mail.ru;

S.N. Barkalov, Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Chair of Physical Training and Sports of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov; e-mail: barkalov2009@mail.ru

Котельникова Евгения Владимировна

Фреймовое моделирование юридического англоязычного дискурса образовательной коммуникации

В статье рассматривается когнитивный дидактический подход на основе авторской фреймовой системы моделирования речевых актов дискурса в качестве одного из направлений обучения английскому языку. Внимание акцентируется на формировании и развитии профессиональных коммуникационных умений обучающихся юридических специальностей в области практического освоения английского языка на начальном этапе его изучения.

Ключевые слова: дидактика, моделирование, речевой акт, фрейм, юридический дискурс.

Frame modeling of legal English discourse of educational communication

The cognitive didactic approach based on the author's frame system of modeling speech acts of discourse as one of the directions of teaching English is considered in the article. Attention is focused on the formation and development of professional communication skills of students of legal specialties in the field of practical development of English at the initial stage of its learning.

Key words: didactic, modeling, speech act, frame, legal discourse.

Высокий уровень профессионализма сотрудников правоохранительных органов предполагает наличие у них определенных навыков межкультурной коммуникации, в первую очередь свободного владения иностранным языком в рамках служебных обязанностей. Данная компетенция определена в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования.

В связи с ограниченностью временного ресурса поиск инновационных дидактических приемов и методик обучения иностранному языку, овладение навыками межкультурной коммуникации, способствующими приобретению соответствующих компетенций обучающимися уже на ранней стадии изучения иностранного языка, становятся необходимостью.

Вместе с тем профессиональное персональное общение в значительной степени зависит от ситуации, сферы, статусов коммуникантов, места и времени действия. Семантическая адекватность дискурса в этом случае не может быть полностью достигнута при помощи только речевых блоков, фраз-клише, т. к. она требует относительно свободного владения грамматической и лексической базой иностранного языка, что предполагает активный синтез речи и письма.

В рамках современной парадигмы образования оно все более понимается «...как создание условий, направленных на раскрытие и развитие способностей студента, его позитивную

самореализацию...» [2, с. 91], формирование умения свободно выражать свои мысли, что требует использования новых приемов когнитивной лингвистики. Обучение интерпретируется нами как образовательная коммуникация, непрерывная смена речевых актов обучающего и обучающихся, в которых интенции коммуникантов преобразовываются в специфическую структуру композиционно-речевых форм, определяют характер общения и восприятия информации, а речевой акт выступает в качестве одной из форм такого взаимодействия.

На начальном этапе создания новой модели обучения иностранному языку должны учитываться когнитивные и психофизиологические особенности обучающегося, поскольку его левополушарное мышление является абстрактно-логическим, прогнозируемым, логико-вербальным, рациональным, а правополушарное – пространственно-образным, ассоциативно-эмпирическим и метафорическим [3, с. 268–269]. В общем, ментальные задачи сознания связаны с когнитивными процессами нахождения в памяти фреймов – ранее осмысленных ситуаций, аналогичных новым, и их соответствующей актуализацией, репрезентацией в виде речевых актов, в которых структура фреймов и значения их слотов объективируют дискурс.

Перспективные направления решения существующих проблем основываются на когнитивных дидактических принципах. В результате была создана система моделей коммуника-

ционных аналитически-образных фреймов. В процессе их актуализации сознание человека выделяет из фона и сосредоточивается на образе, состоящем из отдельных логически связанных элементов, соответствующих определенному контексту. Такой фрейм содержит обобщенные, абстрактные, дискретные понятия терминалов и слотов, отражающих основные функционально-структурные признаки иностранного языка, где элементами контекста являются части текста, символы и знаки, достаточно просто идентифицирующиеся левым полушарием мозга. Визуальные образы структуры и порядок трансформации фигур модели одновременно формируют событийно-ситуативное представление дискурса, характерное для ассоциативно-эмпирического правополушарного типа осмысления коммуникативного контента.

Инструментальный характер речевого воздействия, способ его передачи, семантический объем, а также средства, с помощью которых коммуниканты влияют друг на друга, могут моделироваться фреймовыми структурами [9, с. 61–62], способными отражать сценарии актуализации определенных концептов речевого события, типовых речевых актов общения.

При таком подходе элементами речевых актов функционального контекста в процессе оперирования образами и ассоциативно-эмпирического осмысления являются символы, знаки и ключевые термины. Коммуникация представляет собой актуализацию отображающих речевых актов, фреймовая структура и значения слотов которых в визуальном событийно-ситуативном представлении объективируют дискурс. Фрейм речевого акта – это система терминалов и слотов лингвистических конструкций, содержащая на верхнем уровне базовую информацию о структуре речевого акта, а на нижнем – языковые значения, особенности различных свойств формально-логических и пространственно-образных компонентов мышления. Данная модель включает в себя обобщенные, абстрактные, дискретные понятия терминалов и слотов, отражающие основные функциональные признаки языка, идентифицируемые левым полушарием мозга, а также событийно-ситуативное представление дискурса: схемы, символы, знаки, маркеры и ключевые термины – элементы для ассоциативно-эмпирического правополушарного типа осмысления.

Фрейм определяет конструкции различных речевых актов и предложений дискурса. При активации значений слотов S, V, O, AM терминалов элементами семантического поля синтезируемые речевые акты отождествляются с результатами понимания ситуации и интенциями адресанта.

Слоты терминалов в процессе коммуникации приобретают значения, определяемые коммуникативной ситуацией: слоты S терминала субъекта – множество существительных, личных местоимений; V терминала – множество слотов терминала предиката; символы ?, !, - идентифицируют речевые акты вопроса, утверждения и отрицания, соответственно; надстрочные индексы принимают значение времени действия в темпоральной его соотносительности с настоящим моментом.

Слот терминала T использует темпорально-модальный кортеж вспомогательных глаголов, имеющих надстрочные индексы значений слотов терминала прошедшего, настоящего и будущего времени, с одним из которых пересекаются модальные значения глаголов. Обнуление терминала T означает отсутствие значения его слота речевого акта утверждения (!) в настоящем и прошедшем времени.

Фреймы, будучи открытой системой коммуникации, являются динамическими и включают способы расширения и преобразования моделей при переходе от одного речевого акта к другому. Фрейм, актуализированный новой ситуацией, соответствующим образом видоизменяется и может быть расширен до фрейма, содержащего терминалы и слоты дополнений, обстоятельств, определений. Некоторые фреймы являются «потомками» других фреймов системы.

Использование фреймовых структур [1, с. 187–189] не требует значительных когнитивных затрат ментальной системы при изучении иностранного языка, поскольку модифицированные фреймы в определенной степени аналогичны естественным речевым актам и способны интегрально моделировать особенности формально-логических и пространственно-образных компонентов мышления.

На основе такого исследовательского приема, как когнитивное моделирование, разработан и визуализирован фрейм речевого акта элементарного высказывания [4, с. 93–96], полученный путем преобразования его в аналитически-образную конструкцию, составленную из множества терминалов: объект (субъект) –

предикат, управление временами глаголов, отрицание. Коммуникант останавливается на необходимой в данной ситуации реализации фрейма и использует его для понимания или передачи смысла речевого акта.

В модели фрейма терминал объекта (субъекта) принимает значения из множества существительных и личных местоимений, слоты терминала грамматики – из множества глаголов первой формы, за исключением значений предиката (сказуемых прошедшего времени, использующих глаголы формы Participle II) [5, с. 75–76]. Терминал модальности актуализирует символы, идентифицирующие речевые акты вопроса, утверждения, отрицания; терминал темпоральности – группу вспомогательных глаголов, маркированных символами прошедшего, настоящего и будущего времен.

Фрейм, моделирующий речевые акты прагматического дискурса английского языка с пассивными синтаксическими конструкциями, содержит слоты терминала грамматики V 'ed', используемые для значений множества смысловых глаголов прошедшего времени (Participle II), а также слоты темпорально-модального терминала, принимающие значения кортежа вспомогательных глаголов (для образования сложных времен и отрицательной формы речевых актов) [5, с. 74]. Все значения элементов кортежа соприкасаются с одним из значений слотов терминала времени.

Грамматические средства Perfect Tenses используются фреймом для репрезентации действия, совершившегося к определенному моменту, выраженному в речевом акте в прошедшем, настоящем или будущем времени [6, с. 89–90]. Грамматические средства Perfect Continuous Tenses представлены фреймом, репрезентирующим действие, происходящее в определенный момент в прошедшем, настоящем и будущем времени, когда оно продолжалось, продолжается или будет продолжаться в рассматриваемый промежуток времени. В контексте страдательного залога фрейм конструирует речевой акт продолженного времени, используя для активации слотов темпорально-модальный терминал значений, соответствующий кортеж вспомогательных глаголов и концептуально-графические образы [7, с. 20–22].

Синтаксическая структура речевого акта, отраженная в составе и последовательности его терминалов, совместно со значениями семантического поля слотов создает множество темпорально окрашенных смыслов. Понимая

или передавая смысл, обучающийся выбирает необходимые в данной ситуации комбинации фреймов. Речевые акты, отражающие такие комбинации, могут предсказуемо чередоваться, а экстралингвистические атрибуты – наполнять сообщения дополнительными смыслами и модальностью.

Онтологически и синтаксически близкие друг к другу фреймы объединяются в систему – макрофрейм [8, с. 85–86], используемую в более сложных случаях продуцирования и интерпретации дискурса в новых условиях применения речевых актов. Данная система фреймов порождается ситуациями, требующими различных рекуррентных последовательностей речевых актов дискурса, предполагающих схематизирующее объединение их глубинных структур на когнитивном уровне. Макрофрейм организует продуцирование и понимание дискурса общения, рассматривая его как обобщенную структуру элементарных высказываний для представления стереотипных ситуаций речемыслительной деятельности. В отличие от других способов систематизации макрофрейм определяет и демонстрирует структурное и иерархическое размещение элементов языка в рамках речевых актов, их связь и трансформацию, значение в дискурсе.

Когнитивная модель динамики времен речевых актов прагматического англоязычного дискурса на основе образных и логических дискретных составляющих реализуется системой двух макрофреймов времен, иницирующих речевые акты с конструкциями и средствами языка, выражающими активные и пассивные залоги в продолженном и перфективном временах, и фреймом для отражения простых времен Indefinite Tenses.

Макрофрейм активизируется в следующей последовательности: восприятие дискурса, поиск ассоциируемых с языковыми данными фреймовой системы, использование для данного содержания известной реализации макрофрейма и синтез речевого акта, или интерпретация на этой основе смыслов и интенций коммуникативного послания. Сначала позиционируется время, идентифицируется вспомогательный глагол, определяется адресатом смысл послания или назначается модальность, залог, заполняются слоты и формируется соответствующий интенции адресанта речевой акт. Для наполнения сообщения дополнительными смыслами и модальностью могут использоваться экстралингвистические атрибуты.

На начальной стадии освоения иностранного языка синтаксическая структура фрейма, слоты терминалов и значения семантического поля задают прагматическую область смыслов изучаемой тематики, инициируя естественный процесс возникновения речевых актов. Благодаря оптимизации когнитивных процессов расширяется информационное поле, снимаются психоречевые и речемыслительные барьеры общения.

Фреймы могут изменяться вследствие процессов наследования, расширения и преобразования при переходе от одного к другому. Наследование синтаксических атрибутов выражается присутствием одних и тех же терминалов в новых фреймах, наделением новыми атрибутами их «потомков». Рассмотренная коммуникативно-ориентированная методика обеспечивает вербальную актуализацию предполагаемой ситуативности иностранного дискурса, дает возможность обучающимся быстро и эффективно усваивать необходимые лингвистические законы английского языка. Система фреймов достаточно просто актуализируется посредством информационных технологий или искусственного интеллекта [9, с. 52–54].

Таким образом, фреймовый подход позволяет успешно моделировать речевые акты модальных грамматических активных и пассивных залогов, речевых актов в перфективных временах в случайных ситуациях общения, где каждый фрейм системы представляет собой концептуально-аналитический образ некоторого множества интуитивно узнаваемых дискурсивных ситуаций, релевантных видам и сферам деятельности специалистов в области юриспруденции. Визуальные образы презентации фреймов уже на начальном этапе изучения английского языка способствуют быстрому формированию базовых речевых умений, эффективному вербальному общению обучающихся с различными индивидуальными психоречевыми и компетентностными характеристиками. Актуализация фреймов, снижая энергетику когнитивных процессов, позволяет коммуникантам оперативно становиться участниками процесса правовой коммуникации, эффективно осваивать и практически применять иностранный язык, снижая барьеры межкультурной коммуникации, создавая резервы времени для приобретения необходимых языковых компетенций и коммуникационных навыков.

1. Демьянков В.З. Фрейм // *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

2. Иванова С.В. Гуманизация образования: цели, задачи и условия // *Ценности и смыслы*. 2010. № (5).

3. Тарева Е.Г. Сущность лингводидактических компетенций и их место в структуре профессиональной компетентности преподавателя иностранного языка // *Теория и методика обучения*. Вестн. БГУ. 2007. Вып. 10.

4. Котельникова Е.В. Когнитивное аналитически-образное моделирование языковых конструкций речевых актов дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 6. Ч. 2.

5. Котельникова Е.В. Когнитивное моделирование пассивных синтаксических конструкций речевых актов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Филология. 2014. № 8(38). Ч. II.

6. Котельникова Е.В. Когнитивное моделирование перфективных синтаксических конструкций речевых актов // *Филологические*

1. Demyankov V.Z. Frame // *Short dictionary of cognitive terms* / E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, J.G. Pankrac, L.G. Luzina; gen. ed. by E.S. Kubryakova. Moscow, 1996.

2. Ivanova S.V. Humanization of education: goals, objectives and conditions // *Values and meanings*. 2010. № 2(5).

3. Tareva E.G. Essence of linguodidactic competences and their place in the structure of professional competence of a foreign language teacher // *Theory and methods of teaching*. Bull. of BSU. 2007. Vol. 10.

4. Kotelnikova E.V. Cognitive analytical-figurative modeling of linguistic constructions of speech acts of discourse // *Philological science. Theory and practice*. 2014. № 6. Pt. 2.

5. Kotelnikova E.V. Cognitive modeling of passive syntactic constructions of speech acts // *Philological Sciences. Theory and practice*. Philology. 2014. № 8(38). Pt. II.

6. Kotelnikova E.V. Cognitive modeling of perfective syntactic constructions of speech acts // *Philological Sciences. Theory and practice*. Philology. 2014. № 9(39). Pt. I.

7. Kotelnikova E.V. Dynamics of actualization of grammatical forms of the times in English discourse // *Innovation and priorities in the*

науки. *Вопросы теории и практики. Филология.* 2014. № 9 (39). Ч. I.

7. Котельникова Е.В. Динамика актуализации грамматических форм времен англоязычного дискурса // *Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. 21 апр. 2017 г. М., 2017.*

8. Котельникова Е.В. Макрофреймы динамики времен англоязычного дискурса в аспекте групповых концептосфер // *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Филология.* 2014. № 9 (39). Ч. II.

9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. *Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII.*

teaching of humanitarian disciplines in technical universities: proc. of the IV Intern. Sci.-pract. conf. on Apr. 21, 2017. Moscow, 2017.

8. Kotelnikova E.V. Macroframe dynamics of the times, the English-language discourse group conceptosphere // *Philological Sciences. Theory and practice. Philology.* 2014. № 9 (39). Pt. II.

9. Fillmore C. Frames and the semantics of understanding. *New in foreign linguistics. Moscow, 1988. Vol. XXIII.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котельникова Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России; e-mail: jenni.kot@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

E.V. Kotelnikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages of Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: jenni.kot@yandex.ru

К вопросу развития речевых навыков у курсантов образовательных организаций МВД России

В статье анализируется проблема развития навыков профессионально направленной диалогической речи на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Показывается, что диалог-общение в профессиональной деятельности полицейского имеет ряд отличительных черт, предполагается использование особых приемов работы с языковым материалом в условиях учебно-речевых ситуаций.

Ключевые слова: профессионально направленное диалогическое общение, учебно-речевая ситуация, дедуктивный подход к обучению, индуктивный подход к обучению.

To an issue of development of speech skills at cadets of the educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of improving of professional speech skills in foreign language at non-linguistic universities. It is shown that dialogue communication in the policeman's professional work has some specific features. Consequently, it means using of various methods of language work in the conditions of speech training situations.

Key words: professional dialogue communication, speech training situations, deductive method of education, inductive method of education.

Формированию навыков профессионального общения, т. е. ведению диалога с гражданами или сотрудниками правоохранительных органов других стран, уделяется большое внимание на занятиях по иностранному языку в образовательных организациях МВД России.

Практическое владение языком является наиболее сложным речевым действием и предполагает развитие речевых умений по всем видам речевой деятельности (говорение, чтение, аудирование и письмо). Последовательное и целостное овладение всеми видами речевой деятельности выступает необходимым условием формирования практической репродуктивно-продуктивной речевой деятельности, оперирующей такими крупными отрезками речи, как, например, монологическое или диалогическое высказывание.

Обучая иностранному языку как средству общения и формируя определенные коммуникативные компетенции, преподаватель прежде всего комплексно работает над порождением и восприятием («интеракцией») иноязычных высказываний как в диалогической, так и в монологической формах.

Сравнивая диалогическую и монологическую речь, Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез отмечают, что «обе формы речи относятся к устному

общению и выполняют функцию обмена информацией, мыслями и чувствами, функцию налаживания контакта и воздействия на собеседника в соответствии с коммуникативным намерением говорящего» [1, с. 190]. Диалогическая речь предназначена для межличностного контактного общения, обслуживает непосредственный коммуникативный акт между двумя и более лицами и динамично меняется в зависимости от ситуации общения, в то время как монологическая речь более статична, спланирована и носит однонаправленный характер.

Ведение диалога предполагает умение задавать и отвечать на вопросы, сообщать информацию, выражать личное отношение к воспринимаемым высказываниям собеседника, влиять на действия и поведение реципиента коммуникации. При этом участники коммуникативного действия не обмениваются высказываниями, а выстраивают их в последовательно-временной ряд, оценивая, сравнивая или сопоставляя полученную информацию.

Диалогическое общение полицейского при осуществлении профессиональной деятельности отличается от обычного диалога на социально-бытовую тему. Во-первых, диалогическая речь профессионального общения

предсказуема, т. к. коммуникативное действие происходит в общей для всех участников ситуации общения. Лингвисты выделяют четыре компонента в ситуациях диалогического общения: сопутствующая обстановка, отношения между коммуникантами, побуждение к речевому действию и сам процесс диалогического взаимодействия [4, с. 8]. Коммуникативные ситуации в профессиональной деятельности полицейского, как правило, однотемны (например, досмотровые мероприятия, задержание правонарушителя, заполнение таможенной декларации и т. п.). Таким образом, преподавателю следует рассматривать определенный перечень, который чаще всего используется в профессиональном диалогическом контакте. Фоном для такого диалога служит ситуация, объединяющая обоих участников. С. Мельниченко считает, что «в диалоге профессионального общения нужно учитывать совокупность следующих факторов: место диалогического речевого действия в коммуникативном акте, вытекающие отсюда мотивы и цели; условия, в которых выступают участники диалога; коммуникативные психологические установки, из которых исходят говорящие; предмет обмена информацией и уровень информированности коммуникантов» [2, с. 57].

Во-вторых, диалог профессионального общения тесно взаимосвязан с непосредственной деятельностью сотрудника полиции, имеет общую с ней цель, однако соотношение речевых мотивов собеседников в таком диалогическом общении неравноценно. Участников диалога объединяет речедетельностный акт, определяющий этапы порождения речевых высказываний. Речевая деятельность сотрудника полиции является средством достижения определенной неязыковой практической цели, которая составляет основу профессионально-ориентированного диалога, предполагает обмен репликами типа: приказ – реакция на приказ, запрос информации – сообщение информации, переспрос – повтор информации и т. п. Например:

- Your driving license, please.
- What's the matter?
- You are driving with the speed more than a hundred.

Следует отметить, что в подобных диалогах происходит частая смена ролей говорящего и слушающего и использование различных способов речемыслительной деятельности (непроизвольное клиширование, эллиптические

конструкции, обдумываемое построение высказывания).

В-третьих, влияние языковых средств на развитие диалога в профессиональной деятельности сотрудника полиции подкрепляется визуальным контактом между коммуникантами (мимика, жесты), что способствует восполнению языковых пробелов и передаче информации паралингвистическими средствами. Визуальный контакт позволяет контролировать процесс диалогизирования и степень воздействия собственного высказывания (приказ – выполнение приказа). Например:

- Open your bag, please.
(Молча открывает и показывает сумку.)
- Have you got anything prohibited?
- Nothing (либо отрицательное движение головой).

Итак, важным компонентом профессионально направленного диалогического общения является умение сотрудника полиции потребовать и сообщить нужную информацию, отреагировать на нее или отдать приказ. Указанный компонент влияет на выбор и презентацию языкового и страноведческого материала.

Основой любого вида речевой деятельности, в том числе и профессионально-ориентированного диалога, выступает предложение. Традиционные виды предложений (повествовательные, вопросительные, побудительные) являются общими коммуникативными единицами, используемыми для построения обеих форм устной речи – монологической и диалогической. Не останавливаясь подробно на афферентном виде диалога (диалог-распрос), свойственного профессиональной деятельности следователя, можно сказать, что для диалогической речи сотрудника полиции характерно сочетание побудительных (императивных), повествовательных и вопросительных предложений. Например:

- Go out of the car, please.
- Is anything wrong with my car?
- Open the door slowly and go out of the car.
- What's the matter?
- You are suspected in a crime.

В процессе речевой коммуникации выбор вида предложения зависит от речевых намерений и практических задач собеседников, образуя минимальные смысловые пары реплик – диалогические единства. В.Л. Скалкин под диалогическими единствами понимает «относительно обособленные пары реплик, в которых

наблюдается особенно тесная смысловая и лингвистическая связанность» [4, с. 14]. Отрабатывая элементы диалога, преподавателю следует уделять особое внимание диалогическим единствам, поскольку они позволяют сформировать речевые реакции говорящей пары обучающихся, довести их до автоматизма и перейти к самостоятельному построению комплекса высказываний (текста).

При обучении профессионально направленной диалогической речи важно комбинировать дедуктивный и индуктивный методы. При дедуктивном подходе обучение начинается с прослушивания готового диалога-образца, который заучивается наизусть, а после этого отрабатываются его элементы и обучающиеся самостоятельно составляют диалоги на заданную тему. Предполагается, что данный способ способствует усвоению элементов диалога в той структурно-логической взаимосвязи, в которой они употребляются в целом диалоге. Однако, как показывает практика, этого недостаточно, чтобы научить курсантов самостоятельно вести диалог. Обучающимся трудно отступить от заученного образца, а если они и пытаются сделать это, то диалог получается однообразным, ведется в крайне медленном темпе, с длительными паузами, не имеет начала и конца, в ответной реплике отсутствуют слова, иницирующие дальнейшее продолжение разговора. Очевидно, что не хватает промежуточного звена, которое поможет курсантам абстрагироваться от готового диалога-образца, решать творческие задачи и использовать разнообразные реплики, соответствующие коммуникативной ситуации.

Индуктивный подход предполагает усвоение элементов диалога в той или иной степени клиширования и переход к его самостоятельному ведению в условиях подготовленной учебно-речевой ситуации. Для успешного порождения высказывания такие ситуации должны быть тщательно продуманы преподавателем и иметь актуальную, достаточную и ясную коммуникативную установку. Такой подход, по мнению В.Л. Скалкина и Г.А. Рубинштейна, обеспечивает планомерную работу по «развитию навыков неподготовленной речи на

различные темы на основе различного лексико-грамматического материала» [3, с. 25]. Индуктивный метод также связан с выполнением речевых упражнений, что обязывает преподавателя тщательно отбирать и предварительно отрабатывать языковой материал, создавая у обучающихся прочную ориентировочную основу для самостоятельного ведения диалога.

Согласно индуктивному способу обучения предпосылками успешного ведения диалога в профессиональной сфере общения являются: 1) совершенствование психофизиологических этапов порождения диалогической речи; 2) формирование речевого механизма, который обеспечивает реализацию коммуникативного акта; 3) овладение умением взаимодействовать с собеседником в условиях внутренней и внешней речевой ситуации; 4) усвоение языкового материала.

Навыки и умения диалогического общения формируются в тесной взаимосвязи с другими продуктивными видами речевой деятельности. Однако языковой материал, необходимый для продуктивных видов речевой деятельности (говорение, письмо), меньше по объему того, который нужен для рецептивной речевой деятельности (аудирование, чтение), но требует значительно большей информации о языковом знаке, способствующей ускорению процессов его узнавания, понимания и запоминания в речевом акте. Это предполагает использование различных приемов работы с лексикой и предварительное ознакомление обучающихся с материальной стороной функционирования языковых единиц, необходимых в профессиональном общении сотрудников полиции. Главным мотивирующим фактором для курсантов, способствующим прочности запоминания ими лексического материала и речевых моделей, является практическая возможность его применения в будущей профессиональной деятельности.

Следовательно, при обучении диалогической речи рекомендуется учитывать все особенности этого вида речевой деятельности и вырабатывать стратегии достижения понимания между собеседниками, необходимого для решения служебных задач сотрудника полиции.

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие. М., 2005.

2. Мельниченко С. Учиться и учиться // Новости авионавигации. 2003. 15 февраля.

3. Скалкин В.Л., Рубинштейн Г.А. Речевые ситуации как средство развития неподготовленной речи // Иностранные языки в школе. 2012. № 4.

4. Скалкин В.Л. Обучение диалогической речи (на материале английского языка): пособие для учителей. Киев, 1989.

1. Halskova N.D., Gez N.I. Theory of foreign language teaching: didactics and methodology: textbook. Moscow, 2005.

2. Melnichenko S. Learn and Study // Air Navigation News. 2003. February, 15.

3. Skalkin V.L., Rubinstein G.A. Speech situations as the means of Untrained Speech Development // Foreign languages at school. 2012. № 4.

4. Skalkin V.L. Teaching of Dialogical Speech (by the material of English language): study manual for teachers. Kiev, 1989.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Середа Ангелина Юрьевна, старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России; тел.: +79183800785.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.Yu. Sereda, Senior Teacher of Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, ph.: +79183800785.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53945
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 17.09.2019
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 14,2
Тираж 100 экз. Заказ 833
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249